

СОКРОВИЩА
°МИРОВОЙ°
ЛИТЕРАТУРЫ

~ А П У Л Е Й ~
ЗОЛОТОЙ
~ О С Е Л ~

А С А Д Е М І А
М С М Х Х Х І

А П У Л Е Я
ПЛАТОНИКА
СИЗ МАДАВРЫЪ
ЗОЛОТОЙ
О С Е Л
(ПРЕВРАЩЕНИЯ)
В ОДИННАДЦАТИ
КНИГАХЪ

•
« ПЕРЕВОД »
М. КУЗМИНА
СТАТЬЯ
И КОММЕНТАРИИ
АДР. ПИОТРОВСКОГО

А С А Д Е М І А
М С М Х Х Ъ І

APULEIUS
METAMORPHOSEON LIBRI XI

Орнаментация книги
С. М. Пожарского

3-е, пересмотренное издание

Ленинградский Областлит № 10342.
Тираж 10000. Заказ № 4480.
4-я типография ОГИЗ'а.
Л е н и н г р а д,
ул. Правды, 15

• 1111111111 • 1111111111 •
А.Д. ПИОТРОВСКИЙ

КНИГА КОЛДУНА
ИЗ МАДАВРЫ

Р

*«В те дни, когда в садах Лицея
«Я безмятежно расцветал,
«Читал охотно Апулея,
«А Цицерона не читал...
Пушкин*

1

Этими строчками Пушкина, задумчивыми и жизне-
радостными, хочется начать рассказ об одной из самых
своеобразных, затейливых и загадочных книг мировой
повествовательной литературы. Не один лишь Пушкин
«читал Апулея». Его романом зачитывались поколения
отцов и дедов Пушкина, поколения веселого и пышного
восемнадцатого столетия, поэты которого — Лафонтен
во Франции, Богданович в России, перелагали на шу-
ливый и манерный язык поэзии своего века старинные
повествования латинского сказочника. Их привлекали
в этой причудливой книге полет фантастики, изящно-
игривой и насмешливо-непристойной, соль откровенной
и чувственной эротики. Апулей был для них прежде
всего создателем развлекательного чтения. Но никто
иной, как Вольтер, заостряя против мракобесов и свя-
тош своего времени язвительнейший памфлет об «ор-
леанской девственнице», именно из Апулеева «Золотого
осла» заимствовал самый смертоносный, убийственный
по тяжеловесному динизму мотив. Чудовищно оскор-
бительная для сознания богобоязненных приверженцев
ветхой католической и королевской Франции, но тем

более действенная сцена брачного сочетания национальной героини французских патриотов с ослом бесспорно почерпнута Вольтером из дерзкой книги римского писателя. Оттуда же брал темы для заносчивых и полнокровных новел своих Боккаччо, когда во славу нового, свободного, светского мироощущения сочинял он «Декамерон». И в противовес этому пылкому новатору академически чопорные школьные гуманисты, среди них сам знаменитый Меланхтон, издевались над пестрым стилем Апулеевой латыни и, намекая на название его романа, злословили, что «Апулей, сочиняя про осла, сам скорее ржет, чем изъясняется по-человечески».

И ту же книгу Апулея толковали в монастырях и иезуитских коллегиях, где начетчики мистической философии стремились раскрыть глубинный и потаенный смысл притчи о «небесной любви и человеческой душе» в которой автор «Золотого осла» и сказки об «Амуре и Психее», входящей в этот роман, предвосхитил якобы истину христианства. А еще ранее алхимики и чародеи темных веков средневековья вчитывались в замысловатые фразы «колдуна и черного мага Апулея», почтительно передавая из уст в уста легенды о чудесах, им совершенных, о волшебной силе и сокровенной, учености этого «повелителя духов». И сам Августин воинствующий учитель христианства, в боевую пору молодой еще и стремившейся к власти религии, с негодованием писал о том, что «находятся люди, которые не только сравнивают Апулея и иных мастеров магического искусства с Христом, но даже дерзают ему их предпочитать». А другой отец церкви, ученейший Лактанций в «Наставлениях» своих счел необходимым со всей серьезностью разъяснить благочестивой пастве, что чудеса, содеянные Апулеем, конкурирующие с чудесами Христа, и все колдовские чары его, в которых

он отнюдь не сомневался, вдохновлены были не божественной силой, а злыми бесами и низшими демонами.

Так что же это за книга, в которой века видели и делили столь различные, столь противоположные качества? И кто же такой автор ее, этот колдун и рассказчик непристойностей, этот мистик и циничный насмешник, этот соперник Христа и сочинитель детективно-уголовных, бесстыдно-эротических анекдотов?

2

Апулей родился в Мадавре, в небольшом городке римской провинции Африки, в 120 — 125 г., то есть во втором веке нашей эры. Ко времени рождения его прошло уже более полутора столетий с тех пор, как обширнейшими странами по берегам Средиземного моря единодержавно стали править римские императоры. Гигантский революционный кризис, в течение столетий потрясавший Италию, Испанию, Балканы, Западную Азию, Северную Африку, как будто бы завершился установлением монархии. В провинциях был водворен незыблемый, как казалось, «римский мир». Тяжелый аппарат превосходно организованного бюрократического государства проникнул во все уголки огромного мира. Копье римского легионера и розги римского преора с одинаковым равнодушием и хладнокровием блюли порядок и тишину на лесистых сосновых дорогах Британии и в выжженных солнцем африканских оазисах. Закончился на время и круг хищнических колониальных войн, в которых на протяжении всего I века нашей эры первые римские императоры энергично стремились раздвинуть пределы державы на север и восток. Стали забываться и пресловутые зверства этих первых императоров — Нерона, Домициана,

Калигулы. На римском престоле сидели просвещенные люди, добрую волю которых не переставали прославлять придворные ораторы и поэты. Караульные гарнизоны занимались военными упражнениями и монотонной муштровкой в окраинных лагерях. По растянувшимся на сотни дней пути прямым и вымощенным камнем римским дорогам мчались казенные почтальоны. Многоученейшие законоведы, окруженные целыми юридическими департаментами, составляли незыблемые и логически точные своды Римского права, знаменитые кодексы Сальвия Юлиана. Казалось, что с наступлением второго века вселенная надолго вступила в полосу мира, в пору стабилизации.

Основой этой стабилизации был торговый класс бесчисленных городов империи, потому что Римское государство по преимуществу было торговой державой. Хозяевами жизни по праву сознавали себя те купцы, промышленники, ростовщики, которые под защитой государственной бюрократической машины изготовляли ткани на сукновальных мануфактурах, транспортировали из провинции в провинцию ремесленные изделия Востока, северный воск, пшеницу западных пашен, собирали золотые откупа с миллионов мелких крестьянских хозяйств. Второе столетие нашей эры принесло стабилизацию строю развитого денежного хозяйства. Но этот денежный строй античности при всех внешних сходствах резко отличался от того капитализма, который родился в новые времена Европы. Античная промышленность была промышленностью без машин. Античное мировое хозяйство было хозяйством на основе живой человеческой энергии, на основе труда рабов. Машина создает машину, открывая все новые и новые области производства, постоянно изменяя быт могу-

чими рычагами технических переворотов. Машинная промышленность динамична. Труд рабов консервативен и косен. Он чужд и враждебен всякой перемене. Он ограничивает промышленность узкими и раз навсегда установившимися пределами, которыми в действительности и была связана римская индустрия, производившая почти исключительно ткани, предметы обихода и потребления. Труд рабов не дает выхода и безнадежен в смысле какого либо обновления и усовершенствования.

Строй античной буржуазии был поэтому по самой природе своей глубочайшим образом консервативным и косным строем. Его стабилизация, наметившаяся во втором столетии, означала такое господство консервативных, реакционных настроений, которых, пожалуй, ни ранее, ни позднее не знавал мир. То был воинствующий консерватизм, стремившийся остановить историю и повернуть ее обратно.

Воскрешение древних форм и стародавних черт культурного общежития, а р х а и з м становится главнейшим явлением цивилизации господствующих слоев общества. Архаизм идет сверху, от самих императоров и двора их. Император Адриан восстанавливает культы забытых божеств, стремится вызвать к призрачной жизни потерявшиеся в истории учреждения и звания древнего Рима и, в особенности, Греции, высказывает демонстративное пристрастие к писателям и поэтам примитивнейшей, отдаленнейшей поры. Ту же линию продолжают Антонины, гордившиеся своей ученостью, и Марк Аврелий, прозванный раболепными современниками «философом на престоле». Преклонение перед классикой внедряется в школу и литературу. Учителя красноречия друг перед другом усердствуют в разыскании забытых древних словечек и имен и советуют строить

речи на этих недоступных слушателю из народа, но тем более привлекательных экзотических выражениях и оборотах. Волна архаизма распространяется из центра и захлестывает отдаленнейшие области.

Но здесь она сталкивается с другим, не менее значительным явлением. Усталая от многолетних гражданских войн, избавленная заботливостью централизованного бюрократического аппарата от трудов и тягостей общественного управления, буржуазия римских провинций теряет всякий интерес к общим вопросам социальной жизни. Глубокое равнодушие, величайшая аполитичность охватывает население античных городов, — славившихся некогда буйной и мятущейся борьбой народопривств. Место социальных страстей занимает пестрый мир мгновенных увлечений, маленьких домашних забот и мимолетных семейных радостей. Тяга к зрелищам, занимательным и фееричным, введчивая мещанская сплетня, настороженность к текущей хронике случайных происшествий, повышенная внимательность к эротической жизни, тщеславное увлечение мелочами моды, — все эти черты потребительского, бездумно-наслажденческого отношения к жизни, черты глубочайшего мещанства идут в свите политического равнодушия, обуявшего античную буржуазию стабилизированного, счастливого, райского второго столетия.

В культурных верхушках общества, где еще припоминали со скрытым озлоблением великие битвы за власть, которые патрицианская аристократия проиграла в борьбе с чиновническим правительством императора, в кругах богемы, суетливой и бездомной, рука об руку с этой растущей аполитичностью, возрастал скептицизм, предвзятое, насмешливое, шутовское отношение к жизни. Циничное легкомыслие, находившее удовлетворение в глумлении над косными консервативными формами

морали, которые тяготели над сентиментальным мещанским миром и изменить которые не было ни желания, ни силы, обуюло в эти годы некоторые круги римской культуры.

Но если скептицизм овладевал верхами общества, то для средних его слоев был характерен другой процесс. Античная цивилизация принимает в те поры в высшей степени массовый характер. Культурная гегемония господствующего сословия и немногих политических центров, как Рим или Афины, была растоплена в процессе общего рассасывания, диффузии культуры, расширения ее базы. Ко второму веку город Рим перестал быть сердцем современной ему культуры. Не менее интенсивные, а наоборот, гораздо более жизнеспособные и активные очаги просвещения стали возникать на окраинах обширной империи, в Сирии, где пролегли пути к Востоку, облегчавшие живой обмен вкусов и форм, в Северной Африке, где тысячелетние напластования различнейших рас породили чрезвычайно своеобразное культурное цветение. Греческий и латинский языки стали равноправными и общепризнанными средствами общения в этом разноплеменном мире, чувствовавшим себя космополитическим единством.

Но цивилизация второго столетия была не только космополитичной, она была также по своему весьма демократической цивилизацией. Правда, многочисленные толпы рабов, правда, миллионные множества «варваров»-туземцев, работавших на гигантских плантациях, стояли во враждебном отдалении от греко-римской цивилизации господствующего общества. В этом огромном социальном котле кипели совсем иные и чуждые страсти. Но все же круг «образованных людей» был сильно раздвинут в века империи, в него были втянуты очень широкие и свежие

пласты городского населения. Новые слои мелкого городского люда, огромные толщи мещанства стали потребителями культурных ценностей, зрителями спектаклей, слушателями ораторов и поэтов, читателями книг. Создавался некий достаточно невысокий, но очень емкий и широкий уровень средней образованности, средней цивилизованности. Эти приобщенные к культуре слои предъявляли к ней требования, всегда присущие подобному миру обывательских, тесных и самодовольствованных душ, и несли с собой многие пережитки своих пристрастий к низовым, «народным» художественным формам.

Они требовали от искусства занимательных и щеко-чущих чувства развлечений, сентиментального и трогательного волнения, страстей, образов, высоких и добродетельных, которые служили бы поучением для мещанских сердец и умирительным, недостижимым образом. Они требовали впечатлений оторванных от реальности, фантастических и красивых с точки зрения ремесленников Александрии, Карфагена и Рима.

Они искали в культуре и искусстве сенсацию, они униженно преклонялись перед всем, что выдается и блещет над толпой. Культ императора и его близких, неистовое обожание мгновенных любимцев толпы, артистов-ораторов и философов, легковерное угождение перед ними, сочетающееся с непостоянством, готовностью низвергнуть в пропасть недавних избранников, вечная изменчивость вкусов,—все эти признаки начинают определять культурные запросы среднего городского общества.

Социальный заказ мещанства впервые со всей последовательностью был поставлен перед искусством и культурой.

Но весь этот пестрый мир стабилизированного благополучия отнюдь не чувствовал себя спокойным

и уверенным в будущем. Многовековой кризис рабского хозяйства ни мало не был ослаблен реформами империи. Он только принял затяжной характер. Не было возможности остановить процесс скопления богатств в руках немногих владельцев чудовищно огромных плантаций и банкирских контор и одновременного страшного обнищания городских и сельских низов, терявших работу и клочки земли, впадавших в безвыходные долги и мертвую кабалу. Не было возможности остановить рост пролетариата—пролетариата в античном смысле этого слова, то есть людских масс, лишенных в условиях безмашинного рабского хозяйства какой бы то ни было возможности подняться, завоевать средства производства, выйти из петли безработицы.

Императоры и высшие сановники государства были вынуждены все чаще прибегать к бесплатной раздаче зерна и денег, к безвозмездному кормлению городской бедноты. Устраивались богадельни, приюты для сирот, ночлежные дома для увечных и калек. Все чаще приходилось манифестировать освобождение от налогов, сложение недоимок с разоренных провинций. Но все эти филантропические мероприятия ничуть не разрешали общего обострившегося положения. Они лишь закрепляли атмосферу неустойчивости, случайности, искусственности, в которой протекала жизнь неимущего люда.

Не менее опасен был процесс общего обнищания огромной империи, шедшей к хозяйственному параличу. Золото, награбленное в колониальных войнах, беспрерывно просачивалось обратно за пределы империи в обмен на ввозные товары. По подсчету одного из писателей того времени за одни лишь индийские ткани и пряности римскими купцами выплачивалось за границу двадцать миллионов золотых сестерций в год.

В стране чувствовался недостаток денег. В стране чувствовался недостаток живой силы рабов, приток которых прекратился вместе с окончанием колониальных войн. Земли оставались без обработки. Численность населения уменьшалась, и города стали пустеть.

Лишь несколькими столетиями позднее все эти грозные признаки привели к заключительной катастрофе — к падению Римской империи. Но уже под покровом стабилизированного, счастливого, райского второго века не могла не ощущаться смутная тревога за будущее у господствующих сословий, не могла не сказываться подонная классовая ненависть среди угнетенных, прорывающаяся здесь и там в восстаниях, слепых, жестоких и безнадежных. Потому что сил перевернуть этот общественный порядок, остановить надвигающуюся государственную агонию не было ни на верхах, ни в низах огромной империи, которая была социально обречена на катастрофу.

Отсюда стадное чувство неуверенности, страха перед неизбежным рождалось и росло в городском мещанстве, жившем искусственной, скученной жизнью. В мире этих людей, питавшихся случайными прибылями торговли и удачи, оторванных от реальности труда и природы, возрастало тяготение к чудесному, фантастическому, ко всему, нарушающему причинный ход событий. Все виды магии, волшебства и чародейства распространялись все шире. Из уст в уста, в разгоряченной толпе, передавались и множились толки о случаях предсказания будущего, о волшебниках, вызывавших души покойников, и беседовавших с императором на расстояниях морей и земель. Чудесные воскресения из мертвых, исцеления калек и увечных, превращения воды в вино и хлеба в камень, — такие события представлялись растерявшемуся, экзальтированному обществу

едва ли не более обычными, чем осенние урожаи, которые становились все скуднее, чем восходы солнца на востоке, к которым в узких улочках тесных городков относились недоверчиво и безучастно. Реальное чувство причинности слабело настолько, что границы чудесного и естественно-возможного стирались.

Из глубин общей неудовлетворенности поднимались мистические верования, обещавшие избранным покой, блаженство и спасение от земного страха. Начиная от утонченных философских учений Платона и стоиков, которые находили приверженцев среди культурной верхушки общества, и вплоть до оргиастических сект и таинственных культов, вовлекавших в круги свои миллионные множества отчаявшегося и разочарованного люда,—великая волна мистики захлестывала античную цивилизацию, на протяжении стольких веков бывшую верной простому реализму земли и жизни. Магические учения и верования шли по преимуществу с востока, где в раскаленном воздухе пустынь в неизменно чудовищной нищете скученного населения никогда не умирали самые причудливые экстатические секты и оргии. Культ великой матери Кивевы, культ египетской Изиды, персидского Митры, сирийской Астарты,—все они соблазняли посвященных бессмертием и искуплением, все они выступали с ритуалом таинственным и оргиастическим, соперничая из за мирового признания.

Лишь одной из этих сект было христианство, которому несколькими столетиями позднее было суждено завоевать главенство над сознанием окончательно растерявшихся и потрясенных масс. Но во втором столетии было еще далеко до первенства христианского учения. Древние божества, та же Изиды и Астарта, еще вербовали себе неисчислимых поклонников, и чародеи, появляющиеся здесь и там, имели, казалось, не менее оснований

завоевать сердца приверженцев, чем те, о которых рассказывались чудеса в евангельских повествованиях. Налет фантастики и мистики ложится на культуру, на искусство и литературу века.

Так, в мирном облике стабилизированного второго века прощупывается сплетение множества сложных и противоречивых черт. Архаизм, диктуемый консерватизмом господствующих классов, уживается здесь рядом с мелочным, но жадным до жизни и новизны мироощущением провинциальной демократии. Насмешливый и диничный скептицизм существует одновременно с восторженным легковерием экстатических мистерий. Любовь к житейским мелочам, к натурализму эротики и сенсации сочетается с полетом безудержной фантастики, с тягой к невероятнейшим отвлечениям. Космополитизму греко-римской цивилизации сопутствует рост национальных особенностей в поднимающихся к самостоятельной культуре провинциях. Жизнь была полна противоречий. Противоречивым было также и искусство этой поры и ее люди.

3

Апулей был счастливым сыном своего времени. О жизни своей он сам цветистым языком повествует в различных своих речах. «Родина моя лежит на границе африканской Нумидии и Гетулии. Но я отнюдь не стыжусь того, что по происхождению я полу-гетул, полунумидиец», Родным городом писателя была Мадавра, «колония, прекрасно заново отстроенная солдатами-ветеранами», другими словами, военный поселок, каких много возникало на окраинах империи. Такие поселения были главнейшими проводниками римского влияния в империи. Официальная римская цивилизация особенно остро сочеталась здесь с местным тузем-

ным бытом и пережитками. «В колонии этой мой отец» — самодовольно продолжает Апулей, — занимал высшую должность дуумвира и был осыпан всяческими почестями. Я и брат получили в наследство от родителей каждый по два миллиона сестерций». Это была, следовательно, зажиточная буржуазная семья, вероятно с укоренившимися связями, с почтенным положением в маленьком местном обществе, семья, где стремления поровняться с высшей чиновной знатью уживались с мелкими заботами и волнениями провинциального городишки. Мальчик учился в соседнем Карфагене, где на развалинах некогда разрушенной республиканским Римом столицы Ганнибала успел вырасти новый крупный административный и культурный центр южных областей Римской империи. «Там научился я говорить на обоих языках», — то есть на латинском и греческом.

Как это было в обычае для привилегированной провинциальной молодежи, Апулей был отправлен для получения высшего образования в древнюю столицу наук и просвещения, в обветшавшие, но все еще славные Афины. Как раз здесь сосредоточивалось в те годы то официальное увлечение стариной, тот культурный архаизм, о котором речь шла выше. Здесь иждивением императора Адриана был отстроен огромный храм Юпитера Капитолийского, в манерно истонченном великолепии своем стремившийся соперничать с классическими постройками Перикла в Акрополе. Здесь, на склонах Акрополя, любимец императора Герод Аттик воздвиг огромный, вмещавший шеститысячную аудиторию Одеон, здание для публичных декламаций, где охотно и часто выступал он сам, более гордившийся именем академически-безукоризненного ритора и ученейшего знатока древностей, чем званием

правителя Афин. Здесь был центр того литературного и культурного движения, которому сами главари его дали наименование «второй софистики». От образов своих, от «первых софистов» пятого столетия до нашей эры—эти усердные подражатели были, впрочем, очень далеки. Тогда, во времена Протагора и Горгия, соперничавших с Сократом из за влияния на молодежь в буйных спорах афинских палестр, слово было действительно боевым и могучим орудием, взрывающим обветшавший феодальный уклад, мировоззрение и мораль, знаменем борьбы поднимающейся античной буржуазии за свою власть, за свою философию и место в мире. Сейчас, спустя полтысячелетие, для Герода Аттика, для Корнелия Фронтонa, в дневнике тщеславившегося тем, что три императора удостоили его своей корреспонденцией, для стольких других кочующих учителей красноречия, искусство речи было лишь мастерством профессиональных виртуозов, ремесленным источником заработка, средством поразить внимание слушателей прихотливым сочетанием искусственно напевных, симметрично расположенных предложений, цветистым описанием давно знакомых, но по новому изложенных легендарных событий, вздутым пафосом, чувствительностью, занимательностью придуманных детективно сенсационных ситуаций, пестрым подбором диковинных, редких словечек.

Сюжеты речей этих мастеров бывали надуманы, — то были мнимые предположения, искусственные построения, интерес которых сосредоточивался не в содержании, а в занимательной манере изложения. Это искусство пышно орнаментированной прозы, в соединении с певучей, сопровождавшейся изящными жестами декламацией, пользовалось широчайшей популярностью. Оно давало мещанскому населению городов именно те

волнующие, сенсационные, сентиментально трогательные и манерно изящные впечатления, до которых оно было падко. Мастера красноречия с пышными декламациями кочевали из провинции в провинцию, встречаемые успехом, провожаемые славой и деньгами, обильно сыпавшимися в те времена на всяческих виртуозов, на различнейших установителей рекордов.

Эта слава пленила и молодого Апулея. Как сам он пишет украшенным стилем своим, «он осушил в Афинах не мало разнообразных чаш учености: туманящую чашу поэзии, прозрачную — геометрии, сладостную — музыки, терпкую — диалектики и, наконец, неисчерпаемый нектарный кубок всеобъемлющей философии». Он усвоил себе этот манерный стиль, вооружился коллекцией мифологических примеров и блесками архивной учености, без которых ни одна речь не могла рассчитывать на признание цивилизованного слушателя. Но не забыл он, как это доказывает дальнейшая его литературная деятельность, также и домашних поверий и семейных сказок тропической Мадавры, где так курьезно сочеталась классическая ученость с говором и фольклором потомков римских ветеранов, полугетулов — полунумидийцев.

Основным языком «второй софистики» был греческий язык. Именно в греческой словесности был выработан ее стиль, корнями своими уходящий в существовавшую уже много столетий пышную азиатскую систему красноречия. Апулей говорил и писал по гречески. Он и впоследствии гордился рядом книг своих, сочиненных на греческом языке, но профессиональным языком его, как писателя, все же стала латынь. Он переезжает в Рим, стремится обогатить свои детские знания латинской речи всем сложным искусством римской риторики и

поэтики. Он выступает в качестве судебного оратора и «начинает сочинять на наречии квиритов».

То был шаг огромной, принципиальной важности. Апулей ввел таким образом круг стилистических приемов второй софистики и римскую словесность и вместе с тем получил возможность обогатить довольно ограниченные выразительные средства софистического искусства традицией резко ядовитой натуралистической сатиры, сохранившейся в римской литературе от памфлетов предшествующего первого столетия. Образцом таких памфлетов, наполненных ядом публицистической полемики, для нас остается «Сатирикон» Петрония. Двухязычность, греко-римская двойственность становятся с этих пор характернейшей чертой творчества Апулея, предметом его тщеславия и действительно очень важным фактором, определившим крайне разнообразный, разносторонний, многосоставный его художественный облик.

К этому же, примерно, времени должны быть отнесены первые религиозно-философские знакомства Апулея. Он причислял себя впоследствии к последователям Сократа и Платона. Как уже сказано выше, то было модным идеалистическим учением, распространенным в верхушках общества. Апулей усиленно, хотя, повидимому, не очень глубоко изучал Платона, разыскивая в нем по преимуществу те же элементы фантастики и магии, которыми увлекались и современники его. Он написал впоследствии достаточно невразумительные и путанные книги о «божестве Сократа» и о «догмате Платона» и снискал этим в веках мало заслуженное им имя «платоника».

Но еще усерднее предавался молодой африканец ознакомлению с религиозными культами, ему современными. С налетом елейного благочестия, временами ему свойственного, Апулей заявлял впоследствии, что

он «стал причастным к множеству таинств и святынь, и тщательно бережет знаменья и наставления, полученные им от священнослужителей». «Многочисленные обряды, разнообразнейшие священнодействия и всяческие церемонии изучены мною с истинным рвением и прилежанием к божеству».

Это увлечение мистикой, бывшее, как установлено выше, общим и распространеннейшим явлением эпохи, отнюдь не помешало однако Апулею продолжать пеструю и полную приключений жизнь. В качестве оратора-виртуоза, он совершал турне по городам и областям империи. Бесспорно, не мало ярких и занимательных дорожных впечатлений, не мало бродячих анекдотов и острот, не мало красочных и достаточно откровенных житейских наблюдений обогатило во время этих далеких путешествий опыт будущего сочинителя «Золотого осла». Апулей попадает в этих поездках на юг и на восток, давнюю богатую сокровищницу сказочных и авантюрных повествований. На постоялых дворах и на ночлегах знакомится он с ними.

Но скоро беспокойная жизнь приводит этого богомольного ритора, этого виртуозно красноречивого служителя мистических культов к происшествию довольно тягостному и прямо таки скандальному. Сам Апулей излагает это неприятно темное событие своей безукоризненно счастливой жизни следующим образом. Проездом в Александрию он был вынужден из за болезни остановиться в африканском городке Эя. Здесь он встретился с неким приятелем своим и учеником, еще с афинских времен, и, по приглашению его, стал бывать у него в доме. Там тридцатилетний, столично воспитанный, блестящий ритор знакомится с матерью своего друга, почтенной сорокапятилетней и весьма зажиточной вдовой Пудентиллой. То ли Апулей, как утверждает он сам, пошел навстречу

приятелю, желавшему видеть в нем приемного отца, то ли его тронула заботливость добродетельной вдовы, проявившаяся после произнесенной им в Эйском народном собрании блистательной речи, или же другие превосходные качества достойной матроны пленили его, но, как бы то ни было, он скоро оказался супругом значительно старшей женщины и обладателем ее изрядного имения. Добродушный приятель, доверчивый любитель красноречия, скоро опомнился и понял, что давно ожидаемое наследство уплывает из рук его в кошель предприимчивого чужестранца. В компании с другими родственниками богатой вдовы, он притянул Апулея к суду, обвиняя его не более не менее как в магии и в колдовстве. Именно чародейством сумел якобы Апулей соблазнить добродетельнейшую мать семейства.

Вот где один из вероятнейших корней той легенды о чудесах Апулея, легенды о «колдуне из Мадавры», которая жила с тех пор в литературе. Черный маг и колдун Апулей предстал перед судом и произнес в защиту свою весьма пространную, исполненную чрезвычайной учености речь «о магии», которая дошла и до наших дней.

Речь высоко ученого столичного гостя, вероятно, подействовала на простодушных провинциальных судей. Апулей, вероятно, был оправдан. Но разве не глубоко характерно все это дело и для самого автора «Золотого осла» и для его эпохи? Разве в этом скандальном процессе, где густая, тягучая обывательская сплетня и детективная сенсационность семейной свары теснейшим образом сплелись с фантастикой, с магией, с благочестивой набожностью и с умиленным полетом легковой мистики, где сомнительный запах моральной нечистоплотности неотделим от на-

пыщенного пафоса благороднейших речей, разве не сказалось здесь лицо века, топорщегося в противоречиях, и загадочно-сложное лицо самого писателя? Судебный процесс Апулея и Пудентиллы столь же символичен для причудливой атмосферы стабилизированного мешанского второго столетия, как любовный роман поэта Катулла и красавицы Клодии — для романтического воздуха Рима эпохи гражданских войн.

Объемистая защитительная речь Апулея дошла до наших дней, очевидно главным образом из за скандальной сенсационности ее содержания. Она дает хороший образец красноречия Апулея и, вместе с тем, любопытнейшую автохарактеристику его. Жеманный и игривый тон чередуются в ней с сентиментальным пафосом и далеко идущими отступлениями философского характера. Автор как бы упивается своим искусством в подборе слов и разносторонней ученостью. Но не забывает он рассказать и о себе. Что же делать? Он, действительно, красив и поэтому охотно смотрится в зеркало. Он, действительно, сочинял в честь Пудентиллы любовные стишки, в том числе некую оду «О зубном порошке». Он охотно верит, что его умение владеть двумя языками приковало к нему сердце вдовы. Но чистейший вздор, что он якобы употреблял сушеные рыбы для своих колдовских делей, что он прятал талисман в своем носовом платке, что он ворожил по ночам и втайне молился некоему таинственному и безобразному демону из колдовского дерева.

Кроме этой причудливой защитительной речи нам сохранен сборник избранных отрывков из риторических декламаций Апулея, «Флорида» — «Цветник». В еще большей степени, чем «Апология», блещут эти выисканные куски пестрой виртуозностью в сочетании различных словесных стилей, сложной симметрией

в построении музыкальных, порой почти рифмованных фраз.

Дальнейший жизненный путь Апулея нам менее известен. Но, повидимому, он возвратился к себе на родину, в Африку, и поселился здесь. Продолжая поддерживать теснейшие связи с модными религиозными учениями, Апулей добился в Карфагене солидной должности провинциального жреца. В знак уважения, граждане Карфагена воздвигли в честь знаменитого соотечественника еще при жизни его небольшую медную статую. Апулей завершил, таким образом, карьеру уважаемого буржуа и почтенного гражданина. Его полная прихотливостей и фантастики судьба не помешала ему добиться обеспеченного и прочного положения

Апулей продолжал писать на обоих языках. Он сочинял книги о разнообразнейших вещах и очень гордился этим. Сохранилось географическое сочинение его «О вселенной», повидимому, заимствованное из какого то греческого оригинала. Еще больше книг его продало. До нас не сохранились ни гимны его во славу Асклепия, ни любовные послания, ни сочинения о рыбах, о деревьях, о медицинских и астрономических приметах. Сам Апулей очень высоко ставил свою разносторонность, свое умение писать различными стилями и на любой образец. Он полагал, что далеко превосходит этим поэтов древности с их творчеством, ограниченным определенными и узкими жанрами. «Эмпедокл сочинял песни, Платон — диалоги. Сократ — гимны, Эпихарм — мимы, Ксенофонт — историю, Кратет — сатиры, а ваш Апулей с равным усердием подвизался во всем этом, упражняясь в трудах всех девяти муз», — так горделиво писал он своим поклонникам.

Еще больше разнообразнейших книг приписывалось впоследствии знаменитому писателю, философу и чаро-

дею и пыталось прикрыться его громким именем. Здесь можно найти и объемистый справочник врачебных рецептов и советы по гигиене и глубокомысленные наставления в магическом искусстве. Грани художественной литературы и литературы практической, бытово-назидательной и сакральной, окончательно стерлись в этом пестром мнимом наследии писателя, характеризующим если и не самого его, то образ, с каким он вошел в века.

Но славе своей Апулей все же обязан не этому вороху сочинений и даже не репутации мага, а роману, стоящему несколько особняком в его творчестве и в то же время центральному и глубоко характерному для него, — знаменитому роману «Превращения», получившему в веках, по главному герою своему, название «Золотой осел». «Золотой» — это значит замечательный, драгоценный, это — дань восхищения потомков произведению любимому и славному. Трудно определить, на какой период жизненного пути Апулея падает этот единственный написанный им роман. Но бесспорно, что в нем с чрезвычайной наглядностью сказалась вся многосторонняя и противоречивая натура Мадаврского колдуна. Да и для всего второго столетия книга эта — подлинное зеркало, фокус, отразивший лицо века, последнее, может быть, обобщенное художественное содание греко-римской языческой литературы.

4

Апулей разделил свой роман на одиннадцать книг. Строение его несколько запутанно, намеренно сложно и искусственно замысловато. Вот оно в немногих и коротких словах.

Рассказ ведется от лица героя, повествующего о своих приключениях. Это молодой, богатый грек Луций.

По торговым делам он совершает поездку в исконную страну чародейства Фессалию, направляясь в город Гипату. По пути он знакомится со странниками, один из которых рассказывает ему о жутких встречах своих с фессалийскими колдуньями. Прибыв в Гипату, Лудий останавливается в доме некоего Милона, старого скупца, женатого на красивой, но загадочной по поведению своему женщине. Блуждая по рынку, Лудий встречается со старым приятелем Пифеем, с которым у него происходит забавное столкновение. Знакомится он также с родственницей своей богатой горожанкой Бирреной. Та предупреждает его против колдовских чар его хозяйки, прекрасной жены Милона, но этим только разжигает в предприимчивом Лудии любопытство и желание на опыте познакомиться с фессалийским волшебством.

Для этого он сближается с веселой служанкой дома Фотидой, проводя с ней ночи в любви и ласках. На одной из пирушек у Биррены ему приходится услышать еще одну странную историю о чудесах местных колдуний, вслед за чем он сам впутывается в таинственное происшествие. Он вступает в драку с тремя уличными грабителями и, как ему кажется, убивает их. Следует арест, суд, приговор, но когда покрывала над тремя трупами поднимаются, то обнаруживается, что это вовсе не люди, а три бурдюка и что все было лишь шуткой, устроенной по случаю праздника в честь божества смеха. От Фотиды Лудий узнает, однако, что колдовская хозяйка его также замешана в этом деле. Он просит свою возлюбленную дать ему, наконец, возможность поглядеть на ворожбу ее госпожи. И в ту же ночь оба наблюдают, как колдунья, натершись волшебной мазью, превращается в сову и улетает в открытое окно. Лудий жаждет

также испытать чудесное превращение. Но Фотида ошибается при выборе таинственной мази и несчастный юноша оборачивается не птицей, а ослом. Фотида утешает обескураженного возлюбленного обещанием, что, проглотив лепестки розы, он снова примет человеческий облик. Но роз нет, в ту же ночь разбойники, напав на дом Милона, угоняют из стойла Лудия в образе осла.

Начинается длинная цепь приключений злосчастного юноши, в ослиной шкуре сохранившего человеческий разум. Разбойники пригоняют его к пещере и, остановившись там на ночлег, обмениваются рассказами о своих геройских подвигах. Сюда же приводят прекрасную молоденькую девушку, захваченную разбойниками накануне самой ее свадьбы. В утешение пленной красавице, старая кашеварка разбойничьей шайки рассказывает чудесную сказку о царевне Психее, потерявшей любимого своего Амура и нашедшей его после мучительных и полных опасности поисков.

Лудий в образе осла пытается спастись бегством вместе с девушкой. Но разбойники излавливают обоих и готовят им жестокую казнь. Но тут появляется новый разбойник, хвастливо повествующий о своих необычайных доблестях. Он единогласно избирается в атаманы шайки. Как выясняется, это никто иной как переодетый жених пленной девушки. Он напавает всю шайку до пьяна, заковывает разбойников в цепи и убегает с невестой, захватив с собою осла-Лудия.

Благодарная девушка, оказавшаяся дочерью богатых родителей, велит отпустить чудесного осла на подножный корм в одном из ее имений. Бедствия Лудия однако не кончаются на этом. Он попадает в руки жестоких дровосеков, понуждающих его к непосильной работе. Одновременно приходит известие о горькой гибели несчастной

госпожи имения, потерявшей любимого мужа, убитого предательской рукой. Слуги ее разбегаются, и один уводит с собою осла-Лудия. В долгих странствиях зачарованный осел переживает множество дальнейших приключений и выслушивает несколько скандальных историй о некоем рабе, вступившем в любовную связь с хозяйкой и жестоко поплатившемся за это, о неверной жене бочара, спрятавшей любовника своего в пустую бочку, еще об одном хитром любовнике, благополучно обманувшем мужа, о другом, несчастном, выдавшем себя чиханьем. Осел-Лудий переходит из рук в руки, от садовника к повару, к бродячим шарлатанам,—служителям таинственного культа Сирийской богини, к солдату, наконец, к коринфскому вольноотпущеннику, который обучает чудесное животное различным забавным фокусам.

Слава о волшебном осле ширится и доставляет ему любовь некоей богатой горожанки. Но эта же слава приводит его в амфитеатр, где Лудий-осел должен послужить для позорного зрелища. Попутно узнаем о страшной судьбе молодой отравительницы, приговоренной к казни на арене того же амфитеатра. Начинается пышное театральное представление, но в последнее мгновение Лудию-ослу удается бежать. Он оказывается на морском берегу. В полночь, в полнолуние, он семь раз погружается в море, умоляя божества избавить его от звериного образа. Во сне ему является богиня Изида и обещает исцеление с тем, однако, чтобы он посвятил дальнейшую жизнь служению ей. На следующее утро Лудий-осел встречает религиозную процессию, видит в руках жреца венки из роз,—тех самых, в которых заключено его спасение. Он прикасается к розам и получает снова образ человека. Исцеленный Лудий становится усердным почи-

тателем богов. Он едет в Рим, достигает посвящения в мистерии Изиды, Митры и Озириса и ведет жизнь, исполненную набожности и благочестия.

Таков роман. Ясно, что в основе лежит одна из многочисленных легенд о превращениях. Это—восходящий еще к анималистическим верованиям излюбленный мотив мировой фантастики. Античное искусство знает множество вариантов его, развертываемых то в строго сакральном, то в сентиментально трогательном стиле. Из великой сокровищницы мифов о чудесных превращениях сумел Овидий или его литературные предшественники извлечь целую книгу «метаморфоз». Но мотив превращения человека в осла носит явно иронические, пародийные черты. Это вероятно один из наиболее поздних вариантов легенды о превращении. И все же это, конечно, не выдумка Апулея. Среди произведений, приписываемых Лукиану, знаменитому сирийцу, современнику Апулея, мы находим повествование, озаглавленное «Лудий или осел». Рассказ этот сходится с Апулеевым в основной теме и в подробностях. Различаются они главным образом в одном—действие романа, приписываемого Лукиану, протекает прямолинейно. Им движут только два фабульных мотива,—сперва любопытство Лудия познать тайну волшебства, затем стремление героя, превращенного в осла, сорвать розу и исцелиться. Невозможность, по разным причинам, сделать это, тормозит действие, продвигая фабулу от приключения к приключению, которые, однако, все непосредственно связаны с героем рассказчиком.

В романе Апулея этот основной фабульный ход также налицо, но он усложнен двенадцатью вводными повествованиями, вставными новеллами, здесь и там, под различными мотивировками, включенными в действие. Фабула о человеке, превращенном в осла,

служит здесь лишь рамкой, только стержнем для собрания многообразных новелл. Перед нами, таким образом, одно из произведений того излюбленного типа мировых романов с обрамляющей фабулой, к которым относятся и «Дон Кихот» и «Тысяча и одна ночь» и «Декамерон». Но какая же связь между повестью псевдо-Лукнана, написанной по гречески, и латинским романом Апулея? Едва ли следует искать здесь какого либо взаимного влияния. Скорее всего это две редакции одного и того же более раннего образца.

Но роман Апулея сложен не только построением, он крайне многообразен также по составу своему, по стилю и приемам. Недаром это — противоречивое со здание противоречивого второго столетия. В нем скрещивается множество стилистических приемов, каждый из которых так или иначе характерен для диковинного и все еще довольно загадочного жанра, называемого «античным романом». Ведь если обычное представление о греческой и римской цивилизации ограничивается высоким классическим искусством трагедии, лирической песни, героического эпоса, то в романе перед нами предстает совсем иной мир реалистических страстей, бытового смеха, житейских интересов, мир, крайне разнообразный и в целом характерный для народной, низовой, мещанской линии античного искусства. С момента прихода античной буржуазии к власти, эта линия, долгое время бывшая подспудной, фольклорной, стала главенствующей, приобрела литературную обработку, начала усложняться, — и вот один из итогов этого усложнения — многосоставный роман Апулея.

Об одном из образующих его элементов, о фантастике, кстати сказать, немало повлиявшей на упроченье в века за Апулеем славы колдуна, речь была выше. Как упомянуто, фантастика эта восходит к древним фольклорным

легендам о превращениях. В оживлении ее, в особенности в том, что касается деталей, сказались тенденции к архаизму, характерные для второго столетия.

Очень важным звеном входит в роман Апулея также натуралистическая новелла. Это—грубоватые анекдоты на эротические, семейно-бытовые темы, происхождения из быта ремесленников, бочаров, мукомолов и их неверных, то хитроумных, то простодушных жен. Большинство вставных новелл «Золотого осла» и ряд явно анекдотических фольклорных эпизодов основного фабульного стержня относятся к этой категории повествования. Подобная литература, полная густых красок животной жизнерадостности, утробного благодушного веселья, самодовольной любви к удовольствиям плоти, всегда являлась, как порождение расцветающей культуры собственников, как создание восходящей буржуазии, крепкой и верящей в жизнь. Не случайно именно такой повествовательный стиль возродился позднее у Боккаччо. В античной литературе эти полнокровные эротические анекдоты издавна были известны под названием «милетских басен», самим именем своим определявших зависимость свою от зажиточных торговых городов Малой Азии. Следы этого грубоватого, но здорового фольклора можно найти и в древней комедии Аристофана, любимце торгового и ремесленного люда Афин, и еще более в фарсах, мимах и других резко натуралистических зрелищах позднейшей поры античного театра, когда он полностью стал служить господствующей буржуазии капиталистических городов. В романе Апулея этот исконный жанр цветущей буржуазии входит отчасти в силу литературной традиции, отчасти и потому, что стабилизированное второе столетие, привело к бесспорному расширению буржуазных слоев читателей.

Но в «Золотом осле» этот натуралистический стиль уже только пережиточная форма в ряду других, более победоносных. Повествовательная литература, первых веков нашей эры выдвинула также и другие роды прозы, например, стиль насмешливой иронии, уничтожающей издевки, пародии, питаемой глубоким скептицизмом, охватившим в эту эпоху верхушку общества и культурную богему. Этот повествовательный жанр для нас представлен издевательским «Сатириконеом» Петропия, римского сановника времен Нерона, пародийным рассказом о «превращении в тыкву» императора Клавдия, написанным Сенекой, также представителем высших кругов империи, и отчасти произведениями Лукиана, бродяги и бездомника, писателя из богемы. Безудержный динизм в отношении к традиционным представлениям морали и религии, злобная насмешка над господствующим бытом средних классов общества, — вот что определяет черты этого жанра. В «Золотом осле» эти элементы без труда могут быть различимы в таком, например, эпизоде как «похождение слугителей Сирийской богини», кстати сказать очень схожем с памфлетами Лукиана против той же таинственной секты, да и в других местах.

Но в том то и дело, что и Апулей и сам был человеком совсем иного склада, чем Петроний, Сенека или Лукиан, и писал для читателей иного круга. Пестрая жизненная судьба отнюдь не истребила в нем черт самодовольного буржуа, ищущего солидного положения в упорядоченном обществе. Карьера провинциального жреца, — ведь это нечто совсем иное, чем блестящий, но гибельный путь аристократа Петрония или беспокойная судьба кочующего ритора Лукиана.

И вот, сатирический, обличительный, отрицающий элемент начинает уступать место нравоучительным

и благочестивым наставлениям, попыткам религиозно-философского утверждения жизни. Мистическая подри-совка прощупывается на протяжении всего почти романа Апулея. Наиболее показательна в этом смысле заключительная, одиннадцатая книга. В редакции псевдо-Лукиана фабула заканчивается, правда, фантастически, но все же в духе того же условного натурализма, в котором выдержан весь роман. Лудий-осел, приговоренный к казни в амфитеатре, там же успевает проглотить лепестки розы и исцелиться. Апулей сознательно изменил концовку. Он ввел чудесное покровительство богини Изиды и заставил героя, увлеченного мистическими культами, приобщиться к таинствам магических божеств.

Более того, самое повествование приобретает в одиннадцатой книге явно автобиографические черты. Даже герой начинает называть себя жителем африканской Мадавры, откуда был родом сам писатель. Стиль сразу резко меняется, становится повышенно-серьезным, восхищенно-благоговейным. От нескромного описания довольно таки непристойных любовных походов осла, автор прямо переходит к елейному славословию оккультных церемоний. Эта концовка, несомненно деликом принадлежащая Апулею и находящаяся в бесспорном противоречии с остальным тоном романа, лучше всего характеризует ту печать мистицизма, которая легла на натуралистически-ясную и полнокровную, земную ткань античного романа в пору, когда создательница литературных форм романа, буржуазия торговых городов, начала склоняться к упадку.

Но влияние это может быть обнаружено не только на примере такой откровенно религиозной проповеди. В противовес натуралистической и сатирически обличительной линиям, начиная со второго столетия н. э., в антич-

ном романе укрепляются черты совсем новые и для повествовательной прозы и для всей античной литературы. Это — черты сентиментальной занимательности, установка на уголовно-детективную сенсационность, чувствительные приключения неизъяснимо благородных влюбленных, — черты самодовольного, мелкого, сладкого обывательского идеализма. Спустя несколько поколений после Апулея этот жанр, подернутый сладковатым дыханием тления цивилизации, окончательно восторжествует. Появятся многословные романы о любовных скитаниях неизъяснимо прекрасных «Клитофонта и Левкишпы» (роман Ахилла Татия), о гонимых и великодушных Хэрее и Каллирое (повествование Харитопа) и, наконец, приобретшая едва ли по заслугам мировую славу, сентиментальная из сентиментальных, жеманная из жеманных повесть Лонга об изящных пастушках Дафнисе и Хлое, предающихся любви на уединенном острове.

Но уже в «Золотом осле» намечаются элементы подобного стиля. Сюда относятся многочисленные авантурные похождения разбойников, щедро введенные в роман. Сюда относится вся трогательная история прекрасной девушки Хариты, плененной разбойниками и теряющей любимого мужа, характернейшая любовно-детективная история, чувствительная и занимательная, совершенно подобная позднейшим повестям о Дафнисах и Клитофонтах. Сюда относятся также сенсационно-уголовные рассказы о несчастной отравительнице и влюбленной мачехе.

Здесь всюду все тот же расчет на удовлетворение вкусов мещанства, ищущего впечатлений изящных, волнующих и отдаленных от житейской повседневности. И торжествует эта линия в прозе второго столетия, в частности в романе Апулея, опять таки именно потому, что с включением средне-культурных обыватель-

ских пластов расширился круг читателей и своеобразно демократизовались цивилизация и литература.

Кто желает понять разницу между романами Апулея и Петрония, различающимися во времени менее чем на одно столетие, должен прежде всего вспомнить о пропасти, разделяющей искушенное и скептическое общество римской знати, читавшей «Сатирикон», от хлопотливых мещан в окраинных торговых факториях, обывателей доверчивых, чувствительных, упивавшихся высокими переживаниями и трогательными судьбами героев вставных новелл «Золотого осла». Неоспоримо и то, что в этом повышенном интересе к фавбуле, в этом тяготении к необычным случайностям сказалось упадочное мирозерцание поздней цивилизации, сменившее строго обобщенный реализм эпоса-высокую волю трагического театра, сдержанный полет лиризма, даже смелый цинизм сатиры на вот такую игру легкомысленных и мелких идеализованных отвлечений.

5

Так многообразен и многосоставен роман Апулея в целом. Такова же та его часть, которой более всего обязан он славой своей в веках,—четвертая вставная новелла романа, знаменитая повесть об «Амуре и Психее». Если в какой либо части Апулеевой книги прощупывается фольклорная, народная основа, то прежде всего, конечно, в этой сказке. Мотив девушки, выданной замуж за таинственного оборотня, не то красавца, не то чудовища, по безрассудству и по злой воле близких теряющей возлюбленного и находящей его после мучительных скитаний и преодоления волшебных испытаний,—это широко распространенный мотив мировой сказки. Целиком или в отдельных элементах его можно

встретить и в сказочной литературе Индии, где еще недавно бедная прачка из Кашемира смогла рассказать заезжему англичанину чудесную повесть о дочери дровосека Тулисе, потерявшей фантастического возлюбленного своего Баснакдау в обстановке, совершенно подобной судьбе Апулеевой Психеи. Живет этот мотив также среди сказок новой Европы. Русский читатель невольно припомнит сказку о Фенисте Ясном Соколе, чудесном госте, прилетавшем по ночам к возлюбленной. Злые сестры выставили на окне ножи. Фенист Ясен Сокол порезал крылья, улетел в тридесятые страны, и несчастная девушка изглодала три каменные прощфоры, истоптала трое каменных сапожек, иступила три каменных посоха прежде, чем нашла на краю света своего далекого любимого. Вспоминается другая прекрасная сказка, в уфимских степях рассказанная старой ключницей мальчику Сереже, будущему Сергею Тимофеевичу Аксакову,—сказку об «Аленьком цветочке» о купеческой дочери, отданной чудовищу, оказавшемуся в конце концов чудесным красавцем.

Кое какие из этих сказок, конечно, прямо вдохновлены прославленной повестью Апулея. Но еще чаще мы имеем здесь дело с самостоятельными вариантами, возникшими вполне независимо от греческого предания о Психее и Амуре. Что Анулей здесь ничего не выдумал сам, это ясно, но в греческой литературе нет более ранних следов этой сказки. Очевидно, мадавский колдун, бродячий ритор, вырвал сказку непосредственно из ее фольклорного гнезда, из тех демократических низов, где бродило и бродит столько чудесных фабульных вязей.

Сказка об Амуре и Психее далеко не проста. В ней скрещивается целый пучок сказочных мотивов, параллели к которым опять таки без труда подбираются

в фольклоре иных времен и других народов. Все это указывает на очень живую связь Апулея с низовой литературой его времени, связь исключительную в греческом профессиональном искусстве, обычно сторонившимся подобных низовых линий. Это характерно для самого романиста, за бурную, бродячую жизнь свою успешшего соприкоснуться с самыми пестрыми социальными слоями, и для его эпохи, при всей противоречивости своей приобщившей к культуре и расшевелившей очень широкие слои населения.

На сказочную фольклорную ткань легли в обработке Апулея многообразные новые краски. В повествование была введена проническая пародия, то и дело намеренно снижающая, травестирующая высокий и простой пафос древнего повествования. В эпизодах, касающихся традиционных олимпийских божеств, Юноны, Венеры, Минервы, особенно заметен этот пародийный отпечаток. Наоборот, к новым мистическим культам рассказ Апулея и здесь сохраняет благоговение. Нет основания полагать, что тема девушки, влюбленной в чудесное чудовище, с самого начала имела какой либо символический, оккультный смысл. Но уже те авторы, которые придали сказочным юноше и девушке имена Амура — Эрота и Психеи, бесспорно имели в виду углубленное, мистическое толкование старого мифа. Слишком уж заметное место занимает Эрот, гений творческой любви, в мистических учениях Платона. Так же прозрачно наименование Психеи — «человеческой души». Сказка приобретает новое толкование, становится религиозно-философской притчей о душе, проходящей через мучения, чтобы очиститься и достигнуть чистой любви, о душе умирающей и сходящей в ад, чтобы обрести вечный покой. Такое истолкование отлично вяжется с общим оккультным уклоном Апулея творчества.

И, действительно, в его рассказе, символические черты проступают вполне отчетливо. Они отразились и на развязке повести. Психея—душа, соединившись с Амуром—любовью, рождает «блаженство» «Voluptas», — это также вполне определенная символическая категория в учении древних мистиков. Как религиозная притча, вошла эта греческая сказка в последующие века. Языческие философы видели в ней выражение Платоновых идей. Философы католические толковали ее как скрытое, запечатленное изложение христианского учения о спасении падшей души. Греческую сказку постигла та же судьба, что и чудесную, полную страсти и жизни «Песнь песней» древних иудеев, также претерпевшую холодное истолкование. В последующие более легкомысленные, более светские времена Амур и Психея приобрели черты несколько подозрительной шаловливости, стали манерным прообразом изящных влюбленных. О своеобразном претворении Апулеевой темы на русском языке, о «Душеньке» Богдановича уже упоминалось выше. Пускай сам автор, «не будучи в числе учрежденных писателей», признает в предисловии, что «собственная забава в праздные часы была единственным моим побуждением, когда я начал писать «Душеньку», и пусть требовательным позднейшим поколениям объемистая поэма XVIII столетия казалась несколько наивной и тяжеловесной,—не забудем, что Пушкин говоря об изящном и милом весельи, не нашел другого сравнения»,

*Как прошлой юности грехи,
Как Богдановича стихи,*

и что именно «Душеньке», а косвенно — Апулеевой Психее подражал он, описывая печальные и трогательные скитания своей Людмилы в зачарованных садах

Черномора. Испытала вечная сказка Апулея также и новейшее эстетически-аллегорическое преломление в стилизованном творчестве Хаммерлинга и Жулавского. Но, как мудро сказал старый Богданович, «во всех ты, Душенька, нарядах хороша». И под многоцветными наслоениями последующих веков проглядывают пленительные образы древней сказки о молодой доверчивой страсти и о самоотверженной любви, побеждающей смерть. За разыскание в огромном океане греческого фольклора этой чудесной жемчужины, за сохранение ее от забвенья можно многое простить прихотливому мадавскому колдуну.

6

А словесная ткань его романа поистине прихотлива. Сам Апулей постоянно хвалился тем, что для различных жанров умел находить разнообразные стили. В многосоставном, многослойном «Золотом осле» эти стилистические системы переплетены в беспорядке, кажущемся случайным, на деле же весьма искусно-продуманном. Необходимо помнить, что расцвет прозы во втором столетии пришел как своеобразная реакция на преобладание поэтических родов в предшествующем веке. Если при императоре Веспасиане даже ученый естествовед Плиний модою века был вынужден излагать в достаточно прохладных стихах свои наблюдения над рыбами и червями, то пятьдесят лет спустя Апулей решился передать прозой древнюю лирическую легенду о Психее. Это решительный и полный переворот. Он может быть, вероятно, объяснен все тем же сдвигом в распределении культуры среди социальных слоев, происшедшим за это время, о котором уже была речь. Круг читателей расширился за счет свежих пластов городского мещанства, которые отнюдь не питали

склонности к стилизованной и трудной форме стиха и, наоборот, издавна тяготели к емкой, доступной прозаической форме изложения.

Но, победивши стих, проза второго столетия, проза эпохи «новой софистики» на деле была побеждена поэзией и попала в ее музыкальный, ритмически певучий плен. Красноречие риторов второго столетия было насквозь певуче. Такова же и проза Апулея в «Золотом осле». Писатель строит свои периоды короткими фразами, то параллельными, то контрастными по смыслу и складу, он играет внутренними созвучьями, конечными рифмами, аллитерациями, равномерными фигурами ритмических падений, каденций. Знаменитая характеристика так называемой «христианки» — «злая, шальная, до мужчин охочая, до вина падучая, упорная, непокорная, в гнусных хищениях жадная, на глупые издержки щедрая», эта витиеватая фраза хорошо определяет манеру Апулея.

Подобная словесная игра придает всему роману причудливые, искусственные формы. Она позволяет слить воедино крайне пеструю словесную ткань его одиннадцати книг и двенадцати вставных новелл. Но внутри этого единого стиля Апулей пользуется очень разнообразным словарем. Следуя учению риторов-архаистов, он любит блистать подбором необычайных, забытых, устаревших, редких словечек. Но эти словесные раритеты, почерпнутые из ветхих папирусов, стоят рядом с самыми модными, самыми новейшими и капризными оборотами речи. И все это тонет в общем, хлестком и бойком разговорном языке, в языке мешанской болтовни, многословных рассказов на дорожных привалах, в характерной манере собеседника, знающего цену своей разговорчивости и не лезущего за словом в карман. Потому что язык Апулея, опять таки в от-

личие от предшествующей схематизирующей линии классической литературы, по преимуществу разговорен. Это тот самый говор, который спустя несколько столетий лег в основу романских языков новой Европы.

Апулей—великий искусник слова. Он умеет находить крайне характерные, броские, реалистические подробности для тех фольклорных сценок своего романа, которые, хотя и унаследованные от литературной традиции, бесспорно были оживлены и освежены личным опытом и наблюдениями писателя-бродяги, много скитавшегося по большим дорогам мира. Но в идеализирующих, условно сентиментальных частях повествования, Апулей очень далеко и, конечно, сознательно отходит от всякой конкретности, растекаясь в пространнейших описаниях, монологах и речах, составленных по всем правилам парадной риторики. И опять таки по иному говорит он в мистических главах романа, где широко и приторно льется по фразам елей смиренномудрия, весьма близкого к благочестивой фразеологии христианской литературы. И пусть ученые гуманисты XVI столетия высокомерно уподобляли причудливый стиль Апулея «ржанию осла», и пусть ученые более поздних времен изгоняли книгу мадавского колдуна из золотой классической серии античной литературы,—всякий стиль и всякий язык имеют право на признание и жизнь, если они полно и верно передают лицо своего века, или, по крайней мере, главнейшие черты своего века. А язык Апулея для своего времени именно такое зеркало.

Вот почему, думается, современный читатель может и должен найти свой и новый ключ к этому «Золотому ослу». Для нас, современников великих сумерек, надвигающихся на капиталистическую цивилизацию, особенно важно и ценно свидетельство человека и ху-

дожника, говорящего о временах, когда начала закатываться культура античной буржуазии и когда внутри ее стала созревать культура новой Европы. В романе Апулея с величайшей отчетливостью отражился этот мир греко-римского денежного хозяйства, перед тем, как он рухнул, захлестнутый мистикой, разорением и разочарованием. Фабула, стиль, язык — во всем сказались эти черты века. Эта легкомысленная книга, — огромной важности социально-литературный документ.

Но прав был и сам Апулей, обещавший своему читателю: «Внимай, повеселишься», «Золотой осел» действительно веселая и попросту занимательная книга. Такой она осталась и сейчас.

Роман этот не раз переводился на русский язык.

Большую ценность сохраняет до сих пор перевод, принадлежащий Ермилу Кострову, «Московского университета бакалавру», изданный в 1780 году в Москве, в знаменитой типографии Н. Новикова. В обстановке конца восемнадцатого столетия эта книга сыграла ту же рационалистическую, просветительную роль, которая принадлежит творению Апулея также и в культуре западно-европейских народов.

Новый перевод сделан М. А. Кузминым, сумевшим, на наш взгляд, с большим искусством передать прихотливую и сложную речь «колдуна из Мадавры».

Звездочками в тексте отмечены места, разъясненные в «Комментариях», помещенных в конце книги.

ЗАПУЛЕЙ
ЗОЛОТОЙ
ОСЕЛ

КНИГА ПЕРВАЯ

РАССКАЗУ приступаю, чтобы сплести тебе на милетский манер разные басни*, слух благосклонный твой усладить лепетом милым, если только ты не презришь взглянуть на египетский папирус, исписанный острием нильского тростника, чтобы ты подивился на превращение судьбы и самых форм человеческих и на их возвращение обратным поворотом в прежнее состояние. В немногих словах — сам то я кто.

Аттический Гиметт, Эфирейский перешеек и Тенара Спартанская*, земли счастливые, навеки обессмерченные еще более счастливыми книгами, — были мой древней колыбелью. От них в награду я с отрочества получил аттическое наречие. Вслед затем прибыл я в столицу Лациума; с огромным трудом одолел я, не имея никакого руководителя, местный язык.

Вот почему прежде всего я умоляю не оскорбляться, если встретятся в моем грубом стиле чужеземные и простонародные выражения. Но сама эта смесь наречий соответствует предстоящим превращениям, к рассказу о которых мы

приступаем. Начинаем греческую басню. Внимай, читатель, будешь доволен.

2. Я ехал по делам в Фессалию*, так как с материнской стороны я был оттуда, и наш род гордился происхождением от знаменитого Плутарха через племянника его Секста-философа. После горных круч, долинных спусков, свежести луговой, плодородья полей возделанных, едуци на местной ослепительно белой лошади, так как и она уже приутомилась, и я, от сиденья уставший, не прочь был размять ноги, — я спешил. Я тщательно травой отер пот с лошади, по ушам ее поглаживаю, отпускаю узду и шажком ее проваживаю, пока она усталый желудок обыкновенным и естественным образом не облегчит. И пока она, наклонив голову на бок, искала пищи по лугу, вдоль которого шла, я присоединяюсь третьим к двум путникам, которые шли впереди меня на близком расстоянии. Покуда я слушаю, о чем идет разговор, один из них, расхохотавшись, говорит:

— Уволь от этих басен, таких же нелепых, как и пустых. — Услышав это, я, жадный до всяких новостей, говорю: — напротив, продолжай! Я не любопытен, но хочу знать, если не все, то как можно больше. Вместе с тем и трудность подъема, которым мы поднимаемся, облегчится от приятного рассказа.

3. Тот, кто начал, отвечает: — э! все это вранье так же верно, как если бы кто стал уверять, что от магического бормотанья могут быстрые реки бежать вспять, море лениво застыть, лишиться дыханья ветер, солнце застрять, луна вспениться, звезды сорваться, день пропасть, ночь воцариться!

Тогда я говорю увереннее: — пожалуйста, ты, который начал рассказ, продолжай его, если тебе не лень и не скучно! — Потом к другому: — ты же, заткнув уши и заупрямив сердце, так отвергаешь то, что может быть истинной правдой. Право, только самые предвзятые мнения заставляют нас считать ложным то, что ново слуху или зрению непривычно или кажется превышающим понимание; если же посмотреть внимательно, то увидишь, что это все не только очевидно соображению, но и для исполнения поистине легко.

4. Вот вчера вечером ели мы с товарищами большую лепешку с сыром, на перегонки, беря кто как хочет; кусок кушанья, мягкий и липкий, застрял у меня в горле, так у меня в глотке дыханье сперло, чуть не умер. А между тем недавно в Афинах*, у Пестрого портика, я собственными глазами видел, как бродячий фокусник глотал преострейший кавалерийский эскадрон острием вниз. Вскоре он же за несколько грошей охотничье копые опасным концом воткнул себе в кишки. На древко, окованное на конце железом и выступавшее за его головой, вскочил милостивый отрок и, к удивлению нас всех присутствовавших, стал извиваться в пляске, словно был без костей и без жил. Можно было принять за узловатый жезл врачевного бога с полутрубленными сучками, который обвила любовными извивами змея плодородия. Но полно! докончи, товарищ, историю, что начал. Я тебе один за двоих поверю, в первой же гостинице угощу завтраком. Уговор лучше денег!

5. А он ко мне: — что предлагаешь, считаю справедливым и хорошим, но мне придется свой

рассказ начать сызнова. Прежде же тебе поклянусь всевидящим божеством солнца, что рассказ мой правдив и достоверен. Да у вас обоих всякое сомнение пропадет, как только вы достигнете ближайшего Фессалийского города, там его передают походя, так как события происходили у всех на глазах. Но наперед узнайте, кто я, откуда и чем себе хлеб добываю. Я родом из Эгины, объезжаю в разных направлениях Фессалию, Этолию и Бэотию с медом, сыром или другим каким товаром для трактирщиков. Узнав, что в Гипате, одном из самых больших городов Фессалии, продается по очень сходной цене отличный на вкус свежий сыр, я поспешил туда, собираясь закупить его весь оптом. Но, как часто бывает, в недобрый час я отправился, и надежды на барыш меня обманули. Накануне все купил оптовый торговец Луп. Утомленный напрасной поспешностью, с наступлением вечера я спокойно направился было в бани.

6. Вдруг вижу я товарища моего Сократа! Сидит на земле, разодранный плащ его только наполовину прикрывает тело, почти другой человек, так грязь и жалкая худоба его изменили, что стал он похож на тех пасынков судьбы, что на перекрестках просят милостыню. Хотя я его отлично знал, и был он мне родственником, но, видя его в таком состоянии, я усомнился и подошел поближе.

— Сократ! — говорю, — что с тобою? что за вид? что за плачевное состояние? А дома тебя давно уже оплакали и окликали, как покойника! Детям твоим, по приказу верховного судьи провинции, даны опекуны; жена, помянув тебя как следует,

подурневши от непрестанной скорби и горя, чуть не выплакавши глаз своих, побуждается родителями увеселить несчастье дома радостью нового брака. И вдруг ты оказываешься здесь, к нашему крайнему позору, загробным выходцем!

— Аристомен, — ответил он, — не знаешь ты причин судьбы, непрочных ее милостей и обратных поворотов.— С этими словами лицо свое, давно уже от стыда красневшее, заплатанным и рваным плащом прикрыл, так что остальное тело обнажил чуть не до пупа. Я не мог дольше видеть такого жалкого зрелища нищеты и, протянув руку, помогаю ему подняться.

7. Но тот, как был с покрытой головой: — оставь, — говорит, — оставь судьбу насладиться досыта трофеем, который сама себе воздвигла.— Я заставил его итти со мною, одеваю, или, вернее сказать, прикрываю наготу одной из двух своих одежд и веду в баню; там мази и притиранья сам готовлю, оттираю огромный слой грязи, вымыв как следует, сам усталый, утомленного с большим трудом его поддерживая, веду к гостинице, постелью грею, пищею ублажаю, чашей подкрепляю, рассказами забавляю.

Уже он склонялся к разговору и шуткам, уж раздавались остроты и злоречие перобкое, как вдруг, испустив из глубины груди мучительный вздох и хлопнув яростно правой рукою по лбу — о, я несчастный! — воскликнул он, — предавшись страсти к гладиаторским зрелищам, достаточно пресловутым, в какие бедствия впал я! Ведь приехав в Македонию по прибыльному делу, как ты сам отлично знаешь, и пробыв там месяцев десять, я отправился обратно с хорошим

барышом. Немного не доехав до Лариссы, ради спектакля свернул я с дороги, и в темном, уединенном ущельи напали на меня лихие разбойники. Хоть дочиста обобрали, однако спасся. Нищим свернул я к старой, но до сих пор еще видной кабатчице Мэрроэ. Ей все начисто открываю: почему так долго ездил, какое несчастье постигло меня на обратном пути и как меня ограбили среди бела дня. Пока я вспоминал свои несчастья, она меня приняла более чем любезно, даром накормила хорошим ужином и вскоре, побуждаемая похотью, пригласила к себе на кровать. Тотчас делаюсь я несчастным, так как, переспав с ней, с одного раза уже не могу отделаться от этой заразы. Все в нее ввалил: и лохмотья, что добрые разбойники на плечах у меня оставили, и гроши, что я зарабатывал, как грузчик, пока сила была, пока эта добрая женщина и злая судьба не довели меня до такого состояния, в каком ты меня только что видел.

8. Ну,—говорю я,—вполне ты этого заслужил и еще большего, если может быть большее несчастье, раз любострастным ласкам и шкурной шкуре детей и дом предпочел!—Но он, следующий за большим палец ко рту приложив и ужасом пораженный—молчи, молчи!—говорит. И озирается, не слышал ли кто.—Берегись!—говорит,—вещей жены! Как бы невоздержанный язык вреда на тебя не накликать!

— Еще что!—говорю,— что же за женщина эта кабацкая королева?

— Ведьма,—говорит,—и колдунья: может небо слустить, землю подвесить, ручьи затвердить, горы расплавить, покойников вывести, богов

низвести, звезды загасить, ад крошечный осветить!

— Ну тебя! — отвечаю, опусти трагический занавес и перестань играть комедию, вернись к просторечью.

— Хочешь, — спрашивает, — про одно слушать, про два, про многие ее дела? Воспламенить к себе любовью жителей не только этой страны, но Индии, обеих Эфиопий, даже самых Антихтонов*, — для нее пустяки, детские игрушки! Но послушай, что она сделала на глазах у многих.

9. Любовника своего, посмевшего полюбить другую женщину, единым словом она обратила в бобра, так как зверь этот, когда ему грозит опасность упасть в плен, спасается от погони, лишая себя дегородных органов; она рассчитывала, что и с тем, кто на сторону понес свою любовь, случится нечто подобное. Кабатчика одного соседнего, значит конкурента, обратила она в лягушку. И теперь этот старик, плавая в своих винных бочках, прежних посетителей своих, из гущи, хриплым и любезным кваканьем приглашает. Судейского одного, который против нее высказался, в барана она обратила, и теперь тот так бараном и ведет дела. Еще: жена одного из ее любовников позлословила что то про нее, а сама была беременна; на вечную беременность осудила она ее, закрыв чрево и остановив зародыш. По общему счету, вот уже восемь лет, как бедняжка эта животом отягощенная словно слоном собирается разрешиться.

10. Это последнее злодеяние и зло, которое она многим продолжала причинять, наконец возбудили общественное негодование, и было

постановлено в один прекрасный день, что завтра жестоко отомстят ей, побив камнями, но этот план она предотвратила силою заклинаний. Как пресловутая Медея*, выпросив у Креонта только денечек отсрочки, все его семейство, и дочь, и самого старца пламенем, вышедшим из венца, сожгла,—так эта, совершив надо рвом погребальные моления (как мне сама недавно в пьяном виде сказывала), силою противобожеских чар всех заперла в их же собственных домах, так что целых два дня не могли они ни замков снять, ни сломать дверей, ни даже стен пробуровать, пока наконец по взаимному уговору в один голос все не возопили, клянясь священной клятвой, что не только не подымут на нее руки, но придут к ней на помощь, если кто замыслит иначе. Сдавшись на эти обещания, освободила она весь город. Что же касается зачинщика этого плана, то его она в глухую ночь, запертым, как он был, со всем домом, то есть со стенами, самой почвой, со всем фундаментом, перенесла в другую страну, за сто верст, на самую вершину крутой горы, к тому же лишенной воды.

А так как тесно расположенные жилища не давали места новому пришельцу, то выбросив дом за городские ворота, она удалилась.

11. Странные, — говорю, — вещи и жестокие, мой Сократ, ты рассказываешь. В конце концов ты меня вогнал не в малое беспокойство, даже в страх, я уже не сомнения испытываю, а словно удары ножа, как бы та старушонка, воспользовавшись адскими силами, нашего не узнала разговора. Ляжем ка поскорее спать и, отдохнув,

до света еще уберемся отсюда как можно дальше!—Я еще убеждал в этом, а мой добрый Сократ уже спал и храпел во всю, устав за день и выпив вина, от которого отвык. Я же запер комнату, проверил замки, приставил кроватишку плотно к дверям, чтобы загородить вход, и лег на нее. Сначала от страха я не спал, потом к третьей страже немножко глаза завел.

Только что заснул, как вдруг с страшным шумом (за разбойников не примешь) двери распахнулись, скорее были взломаны и сорваны с петель. Кроватишка коротенькая, да и хромоножка гнилая, от такого напора валится и меня, вывалившегося и лежащего на полу, всего собою прикрывает.

12. Тут я понял, что некоторые впечатления естественно приводят к противоположным последствиям. Как частенько слезы от радости бывают, так и я, будучи превращен в черепаху из Аристотелена, в таком то ужасе не мог уберечься от смеха. Пока, столь уничиженный, под прикрытием кровати искоса смотрю, что́ будет дальше, вижу двух женщин пожилых лет. Зажженную лампу несла одна, губку и обнаженный меч другая. В таком виде становятся около мирно спящего Сократа. Начала та, что с мечом:—вот, сестра Пантия, дорогой Эндимион*; вот голубок мой, что ночи и дни моими молодыми годочками наслаждался, вот тот, кто любовь мою презирал, не только клеветой меня пятнал, но замыслил прямое бегство. А я, как хитрым Улиссом брошенная, вроде Калипсо буду оплакивать вечное одиночество!—А потом, протянув руку и показывая на меня своей Пантии, продолжала:—а этот

добрый советчик, Аристомен, зачинщик бегства, что ни жив, ни мертв теперь на полу лежит, из под кровати смотрит на все это и думает безнаказанным за оскорбления, мне нанесенные, остаться! Скоро, скоро, сейчас, даже сию минуту накажется он за вчерашнюю болтовню и за сегодняшнее любопытство!

13. Как я это услышал, холодным потом, несчастный, обливаюсь, все внутренности затряслись, так что сама кровать от беспокойных толчков на спине моей, дрожа, затанцовала. А добрая Пантия говорит:—отчего бы, сестра, прежде всего не растерзать его, как вакханкам, или, связав как следует, не оскотить?—На это Мэроэ (я отгадал ее имя, так как она подходила к рассказам Сократа) отвечает:—нет, его оставим в живых, чтобы было кому горстью земли покрыть тело этого несчастного.—И повернув направо Сократову голову, она в левую сторону шеи ему до рукоятки погрузила меч и излившуюся кровь старательно приняла в поднесенный к ране маленький мех, так чтобы ни одной капли не было видно. Своими глазами я это видел. К тому же, чтобы ничего не опустить в обряде жертвоприношения, добрая Мэроэ, запустив правую руку глубоко, до самых внутренностей, в вышеуказанную рану, вынула сердце моего несчастного товарища. Горло его от такого удара было рассечено, и голос, вернее хрип неопределенный, из раны извлекся и заклокотал воздух. Затыкая эту разверзтую рану в самом широком ее месте губкой, Пантия сказала:—ну ты, губка, бойся, в море рожденная, через реку переправляйся*! После этого отодвинув кровать

и расставя над моим лицом ноги, они принялись мочиться, пока совсем зловоннейшей мочей меня не залили.

14. Как только они переступили порог, как двери встали в прежнее положение как ни в чем не бывало, петли заходили, створки стали одна к другой, болты легли в свои места. Я же, как был, так и остался на полу простертый, бездыханный, голый, холодный, весь мокрый, словно только что появившийся из материнского чрева, или вернее полумертвый, переживший самого себя, как последыш или человек, обреченный на виселицу,—я произнес:—что будет со мною, когда этот зарезанным утром обнаружится? Кто найдет мои слова правдоподобными, когда я буду говорить правду. Должен был бы звать на помощь, если такой мужчина не мог справиться с женщиной! На твоих глазах режут человека, и ты молчишь! Почему же сам ты не погиб при таком разбое? Почему свирепая жестокость пощадила свидетеля и доносчика преступления? Но хотя ты и избег смерти, теперь к товарищу присоединись.

Подобные мысли приходили мне в голову; а ночь близилась к утру. Лучшим мне казалось до свету выбраться тайком и пуститься в путь, хотя бы ощупью. Беру свою сумку и отодвинув задвижку, вставляю в скважину ключ. Но эти добрые и верные двери, что ночью сами собою раскрывались, только после долгой возни с ключом и трудов открыли мне проход.

15. Я закричал:—эй, есть тут кто? Откройте мне дворовую калитку: до свету хочу выйти!—Привратник, позади калитки на земле спавший, го-

ворит спросонья:—разве ты не знаешь, что дороги от разбойников неблагополучны! Как же ты так ночью в путь пускаешься? Если у тебя такой грех на душе, что ты помереть хочешь, так у нас то головы не тыквы, чтобы из за тебя умирать!— Не долго,—говорю,—до света. К тому же, что могут отнять разбойники у такого нищего путника? Разве ты, дурак, не знаешь, что голого раздеть десяти силачам не удастся?—На это он, засыпая и повернувшись на другой бок, говорит:—Почем я знаю, может быть, ты зарезал своего товарища, с которым вчера вечером пришел на ночлег, и думаешь спастись бегством?

16. При этих словах (до сих пор помню) показалось мне, что земля до самого Тартара расселась и голодный пес Цербер готов растерзать меня. Тогда я понял, что добрая Мэрор не из жалости меня пощадила и не зарезала, а от жестокости для крестной казни сохранила. Итак, вернувшись в комнату, стал я раздумывать, каким способом лишить себя жизни. Но так как судьба никакого другого смертоносного орудия, кроме единственной моей кровати не предоставила, то начал я:—кровать моя, кровать, дорогая душе моей, ты со мной столько несчастий претерпела, ты по совести знаешь, что ночью свершилось, тебя одну в моем бедствии могу я назвать свидетельницей моей невиновности. Мне, в преисподнюю стремящемуся, облегчи туда дорогу!—Сказав это, я отдираю от нее ляжку, которою она была обвита; закинув и прикрепив ее за край стропил, что выдавались над окном, на другом конце делаю крепкую петлю, влезая на кровать и, приподнявшись,

в петлю вкладываю голову. Но когда я ногой оттолкнул точку опоры, чтобы тяжестью тела петля сама затянулась и прекратила мое дыхание, внезапно веревка, сгнившая, да и старая уже, обрывается, и я валюсь с высоты на Сократа, что около меня лежал, рушусь и с ним вместе качусь на землю. Как раз в эту минуту врывается привратник, крича во все горло:—где же ты? среди ночи приспичило тебе уходить, а теперь хранишь, закутавшись?

17. Тут Сократ, придя в себя, не знаю, уже от падения ли нашего или от неистового крика, первым вскочили говорит:—не даром все постояльцы не терпят этих дворников! Этот нахал лезет сюда, наверное, чтобы стащить чтонибудь, и меня усталого разбудил от глубокого сна своим ораньем.

Я весело и бодро вскакиваю от неожиданного счастья.

— Вот, надежный привратник, мой товарищ, отец мой и брат. А ты с пьяных глаз болтал, что я его ночью убил!—с этими словами я, обняв Сократа, принялся его целовать. Но тот, услышав отвратительную вонь от жидкости, которою меня те ведьмы залили, с силой оттолкнул меня.

— Прочь!—говорит он,—несет как из отхожего места!—И начал меня ласково расспрашивать о причинах этого запаха. И я несчастный, кое-как отшучиваясь, чтобы снова перевести его внимание на другой предмет, обнял его и говорю:—пойдем ка, воспользуемся утром для пути.

Я беру свою котомку, и, расплатившись с дворником за постой, мы пускаемся в путь.

18. Мы уже несколько отошли, и восходящее солнце все освещало. Я с любопытством смотрел

на шею своего товарища, на то место, куда вонзили, как я сам видел, меч. И подумал про себя: — как это так напился, что мне привиделись такие странности! Вот Сократ: цел, жив и невредим. Где рана? где губка? и где наконец язва, такая глубокая и такая свежая? — Потом, обращаясь к нему, говорю: — не даром врачи опытные тяжелые и страшные сны приписывают обжорству и пьянству! Вот я вчера не считал бокалов, так ночью мне снились ужасные и жестокие вещи, так что до сих пор мне кажется, что я весь залит и осквернен человеческой кровью!

На это он, улыбнувшись, заметил: — не кровью, а мочей! А впрочем, мне и самому приснилось, будто меня зарезали. И горло болело, и сердце, казалось, вырывали: даже теперь дух замирает, колени трясутся, шаг нетверд и хочется для подкрепления съесть чего-нибудь.

— Вот, — отвечаю, — готов тебе завтрак! — С этими словами я снимаю с плеч свою сумку, и поспешно протягиваю ему хлеб с сыром. — Сядем, — говорю, — у этого платана.

19. После чего и сам собираюсь приняться за еду. Смотрю я несколько минут внимательно, как он с жадностью ест, и вдруг замечаю, что, смертельно побледнев, он лишается чувств; живые краски в его лице так изменились, что мне показалось, что снова приближаются к нам ночные фурии, и кусочек хлеба, который я откусил, как ни мал он был, застрял у меня в горле и не мог ни вверх подняться, ни вниз опуститься. При виде частых прохожих я еще больше впал в ужас. Кто же поверит, что убийство одного из двух путников произошло без участия дру-

гого? Между тем Сократ, достаточно насытившись, стал томиться несносной жаждой. Ведь он сожрал добрую половину превосходного сыра. Недалеке от подножья платана протекала медленная река, вроде стоячего болота, цветом и блеском похожая на серебро или стекло. — Вот, — говорю, — воспользуйся молочным источником. — Он поднялся и, найдя удобное на берегу местечко, встал на колени и жадно потянулся к чаше. Но едва только концами губ он верхнего слоя воды прикоснулся, как рана на шее его широко открылась, губка внезапно из нее выпадает, и вместе с нею несколько капель крови. Бездыханное тело упало бы в воду, если бы я его, удержав за ногу, не вытянул с трудом на высокий берег, где, наскоро оплакав несчастного спутника, песчаной землю около реки навеки его я засыпал. Сам же, трепеща за свою безопасность, в страхе, разными окольными и пустынными путями, я убегаю, словно действительно имея на совести убийство, я отказался от родины и родимого дома, взяв на себя добровольное изгнание. Теперь, снова женившись, я живу в Этолии.

Вот что рассказал Аристомен.

20. Но спутник его, который с начала рассказа упорствовал в недоверии, промолвил: — нет ничего баснословнее этих басен, нелепее этого вранья! — Потом, обратившись ко мне: — и ты, по внешности и манерам образованный человек, веришь таким басням?

Я, со своей стороны, отвечаю: — ничего не считаю невозможным, и все, что решено судьбою, со смертными и совершается. И со мною, ведь, и с тобою, и со всяким часто случаются стран-

ные и удивительные вещи, которым никто не поверит, если рассказать их неиспытавшему. Этому человеку я верю и благодарен, клянусь Геркулесом, уже за то, что приятностью интересной истории он нас позабавил: я без труда и скуки скоротал тяжелую и длинную дорогу. Кажется, даже лошадь моя радуется такому благодеянию: ведь до самых городских ворот я доехал, не утруждая ее, скорее на своих ушах, слушая повесть, чем на ее спине.

21. Тут пришел конец нашему пути и вместе с тем разговорам, потому что оба моих спутника направились налево к ближайшим домам. Я же подъехал к первой от ворот гостинице, попавшейся мне на глаза, и расспрашиваю пожилую хозяйку: — не Гипата ли, — говорю, — этот город? — Подтвердила. — Не знаешь ли Милона, одного из первых здесь людей? — Рассмеялась. — И вправду, — говорит, — первейший человек Милон, его владения за стены, за весь город простираются. — Шутки в сторону, добрая тетюшка, какой он такой и где обитает? — Видишь, — говорит, — крайние окна, что выходят на улицу, а вход в переулок с другой стороны? Тут этот Милон и обитает, набит деньгами, страшный богатеи, но скуп до нельзя, и всем известен, как человек преподмый и прегрязный, больше всего ростовщичеством занимается, под залог золота и серебра проценты большие дерет; одной наживе преданный, сам живет в чулане с женой, такую же как и он, сапог сапогу пара. Только одну служаночку держат, и ходит всегда, что нищий.

На это я, рассмеявшись, подумал: вот славную и предусмотрительную мой Дэмеас дал мне

для дороги рекомендацию. К такому человеку послал, в гостеприимном доме которого нечего бояться ни чада, ни кухонной вони.

22. Дом был близко, приближаюсь я ко входу и стучу в накрепко закрытую дверь, крича. Наконец является какая то девушка. — Эй, ты, — говорит, — что в двери барабанишь? подо что в займы хочешь? Один ты, что ли, не знаешь, что кроме золота и серебра у насничего ни принимают? — Лучше, — говорю, — встречай и скорее скажи, застану ли дома твоего хозяина? — Конечно, — отвечает, — а что тебе за нужда? — Письмо я принес ему от Дэмеаса Коринфского. — Сейчас доложу, — отвечает, — подожди меня здесь. — С этими словами заперла она снова двери и ушла внутрь. Через несколько минут вернулась и, открыв двери, говорит: — просят.

Вхожу, вижу, что хозяин лежит на диванчике и собирается обедать. В ногах сидит жена и, указав на пустой стол, говорит: — милости просим. — Прекрасно, — отвечаю и передаю письмо Дэмеаса. Пробежав его, хозяин говорит: — Дэмеас очень мил, послав мне такого гостя.

23. С этими словами он велит жене уступить мне свое место. Когда же я отказываюсь из скромности, он, схватив за полу — садись, — говорит, — здесь других стульев нет, боязнь воров не позволяет мне держать мебели в достаточном количестве. — Я исполнил его желание. Говорит: — правильно я заключил бы и по изящной манере держаться и по этой почти девической скромности, что ты благородного корня отпрыск? Да и Дэмеас мой в своем письме это же самое сообщает. Итак, прошу, не презирай скудость

нашей хижинки. Вот этот покой рядом будет для тебя вполне приличным помещением. Удостой его принять. Твое достоинство возвеличит мой дом, и тебе будет случай последовать славному примеру. Удовольствовавшись маленьким очагом, ты в добродетели сравнишься с Тезеем, пресловутым тезкой твоего отца, который не пренебрег скудным гостеприимством старой Гекалы. — И позвавши служаночку, говорит: — Фотида, прими гостевы вещи и положи их бережно в ту комнату. Потом принеси из кладовой масла для натирания, полотенце утереться и все прочее, и своди нашего гостя в ближайшие бани, — устал он после такого дальнего и трудного пути.

24. При этих словах, желая угодить Милону, войти в его экономные обычаи и теснее с ним сблизиться, я говорю: — у меня все есть, что нужно в пути. И бани я легко сам найду. Всего важнее, чтобы лошадь моя, что так старалась, не осталась голодной. Вот, Фотида, возьми эти деньжонки и купи овса и сена.

После этого, убрав свой багаж в том покое, сам я отправился в бани, по дороге зайдя на сытный рынок купить чтонибудь поесть. Вижу — выставлена масса рыбы. Стал торговаться, — вместо ста нуммов уступили за двадцать денариев. Я уже собирался уходить, как встречаю Пифея, школьного товарища моего еще по аттическим Афинам. Некоторое время он не узнает меня, потом радостно обнимает, целует. — Луций мой! — говорит, — как долго мы не видались, право, с самого того времени, как оставили школьную скамью! Что занесло тебя сюда? — Завтра узна-

ешь, — говорю, — но что это? тебя можно поздравить? Вот и ликторы, и лозы, весь чиновный прибор!.. — Продовольствием занимаемся, — отвечает, — и исполняем обязанности эдила *. Если хочешь закупить что, могу быть полезен. Я отказался, так как уже достаточно запасся рыбой на ужин. Тем не менее Пифей, заметив корзинку, стал перетряхивать рыбу, чтобы лучше рассмотреть ее, и спрашивает: — а это дрянцо почему брал? — Насилу, — говорю, — уговорил рыбака уступить мне за двадцать денариев.

25. Услышав это, он тотчас схватил меня за правую руку и, снова приведя на рынок, говорит: — а у кого ты купил такое ничтожество?

Я указываю на старикашку; сидел в углу. Тогда он на того набросился и стал грубейшим образом распекать его по эдильски: — так то обращаетесь вы с нашими знакомыми, да еще нездешними! Продаете таких паршивых рыб по таким ценам! Доведете вы цвет Фессалийской области до голода, и опустеет он как скала! Даром это не пройдет! Узнаешь ты, как под моим началом поступают с мошенниками! — И высыпав рыбу на землю, велел он своему помощнику встать на нее и всю ее растоптать ногами. Удовольствовавшись такою суровостью нравов, мой Пифей обращается ко мне: — мне кажется, мой Луций, для старикашки достаточно наказание такой позор!

Ошеломленный и огорченный этим происшествием, направляюсь я к баням, лишившись, благодаря остроумной выдумке моего школьного товарища, и денег, и ужина. Вымывшись, возвращаюсь я к дому Милона прямо в свой покойчик.

26. Тут Фотида, служанка, говорит: — зовет тебя хозяин.— Зная уже Милонову воздержанность, я вежливо извиняюсь, что, мол, дорожная усталость скорее сна, чем пищи требует. Получив такой ответ, он сам является и, обняв меня, тихонько увлекает. Я то отговариваюсь, то скромно упираюсь. — Без тебя,— говорит,— не выйду,— и клятвой подтвердил слова. Я нехотя повинуюсь его упрямству, и он снова ведет меня к своему диванишке и, усадив, начинает: — ну, как поживает наш Дэмеас? что жена его, что дети, домочадцы? — Рассказываю по отдельности о всех. Расспрашивает подробно о причинах моего путешествия. Все обстоятельно ему рассказываю. Тщательнейшим образом тогда разузнает он о моем родном городе, о первых его гражданах, о градоначальнике, пока наконец не заметил, что, устав после дороги, я утомился разговором и засыпаю посреди фразы, вместо слов бормоча что то неопределенное, и не отпустил меня в спальню. Так я освободился от трапезы мерзкого старика, отягченный сном, не пищею, поужинав одними рассказами. И вернувшись в комнату я предался желанному покою.

КНИГА ВТОРАЯ

КАК только ночь рассеялась и солнце новый день воздвигло, расстался я одновременно со сном и с постелью, в некоем беспокойстве, жадный узнать, что за редкостные чудеса меня окружают. При мысли, что я нахожусь в сердцевине Фессалии, единогласно прославленной, как родина магического искусства, что история, рассказанная добрым спутником Аристоменом, происходила в связи с этим городом, я в волнении и с некоторым благоговением оглядывался кругом. Не было ни одной вещи в городе, при виде которой я считал бы ее за то, что она есть. Все мне казалось обращенным в другой вид волшебными заклятиями. Так что и камни, по которым я ступал, казались мне отвердевшими людьми; и птицы, которым внимал, такими же людьми оперенными; деревья вокруг городских стен — подобными же людьми, покрытыми листьями; и фонтаны текли, казалось, из человеческих тел. Я уже ждал, что статуи и картины заходят, стены заговорят, быки и прочий скот запрорицают, и с самого неба, с солнца внезапно раздастся предсказание.

2. Так все обзираю я удивленный, ошеломленный мучительным любопытством и не вида никакого признака, чтобы началось осуществление моих ожиданий. Брожу, как богатый бездельник, зевакой с места на место, незаметно для себя прихожу на сытный рынок. Тут, ускорив шаг, догоняю какую то женщину, окруженную многочисленными слугами. Золото и драгоценности на платье, там вшитые, там затканые, выдавали ее за знатную даму. Рядом с ней находился пожилой уже человек, который, как только увидел меня, воскликнул: — клянусь Геркулесом, вот Лудий! — поцеловал меня и тотчас зашептал что то, не знаю что, на ухо даме. Наконец говорит: — что же ты не подойдешь и не поздороваешься со своей родственницей? — Я уважаю, — говорю, — незнакомых госпож. — И тотчас, покраснев, я опустил голову и отступил. Тогда та, пристально на меня глядя, начала: — да, вот и благородная честность покойной Сальвии матери, и страшно правильная пропорциональность тела, соразмерный рост, стройность без худобы, умеренная краска в лице, светлые, от природы вьющиеся волосы, глаза голубые, но зоркие, орлиный взгляд, смягченный нежностью, очаровательная и свободная поступь!

3. Продолжает: — я, мой Лудий, тебя воспитала вот этими самыми руками. Почему и нет? я не только родственница, я молочная сестра твоей матери. Обе мы из рода Плутарха, и одна у нас была кормилица, выросли мы, как две сестры; разница была только в положении, она вышла замуж за знатнейшего человека, я за скромного. Я — та Биррена, имя которой, часто повторяемое

твоими воспитателями, наверное ты запомнил. Прими же доверчиво мое гостеприимство, считая мой очаг за свой.

Я, перестав краснеть во время этой речи, отвечаю: — неприлично, тетушка, покидать дом Милона без всякого повода. Но я буду посещать тебя так часто, как позволят дела. В другой раз, сколько бы сюда ни приезжал, кроме тебя ни у кого не остановлюсь.

Обмениваясь такими разговорами, через несколько шагов мы пришли к дому Биррены.

4. В прекраснейшем атриуме видны были в каждом углу по колонне, украшенной победоносной богиней. Каждая на четыре страны света, летучая, не покидая столбов, шаткой ногой отталкивает точку опоры и, кажется, летит, оставаясь на месте. Как раз середину комнаты занимала Диана из паросского камня *, превосходной работы, с развевающимися одеждами, грудь вперед, навстречу входящим, внушая почтение божественным величием. С обеих сторон сопровождают ее собаки, тоже из камня. Глаза грозят, насторожены уши, раздуты ноздри, зубы оскалены. Если поблизости раздастся лай, подумаешь, он из каменных глоток исходит. Мастерство художника выразилось больше всего в том, что передние лапы у собаки словно бегут, оставаясь в воздухе, меж тем как задние опираются на землю. За спиной богини высилась скала в виде грота, украшенная мохом, травой, листьями, ветками, виноградом и растущим по камням кустарником. Сумрак углубления рассеивался от блеска мрамора. По краю скалы яблоки и виноград висели, превосходно сделанные, в прав-

дивом изображении которых искусство соперничало с природой. Подумаешь, их можно сорвать для пищи, и зрелым цветом ожелтила их плодоносная осень. Если наклонись к фонтанам, которые, разбегаясь из под следов богини, журчали звонкой струей, подумаешь, что висящим лозам, кроме прочей правдоподобности придана и трепещущая живость движения. Среди ветвей изображен Актеон, наполовину уже оленем смотрит внимательно он на собирающуюся купаться Диану, и в мраморе и в бассейне.

5. Пока я сильно наслаждаюсь поочередным лицезрением всего этого, Биррена говорит: — все, что видишь — твое. — С этими словами она всех высылает, желая поговорить со мной наедине. Когда все ушли, она начинает: — эта богиня порука, Луций дражайший, с какой тревогой я боюсь за тебя и как хочу, словно родного сына, спасти тебя от опасности. Берегись, ой, берегись злых искусств и преступных чар этой Памфилы, жены Милона, который, говоришь, твой хозяин. Первой ведьмой она считается и вызывательницей духов. Нашепчет на палочку, камушек, на какой другой пустяк и весь звездный свод в Тартар низринет и мир погрузит в древний хаос. Как только увидит юношу красивой наружности, тотчас покоряется его прелестью и приковывается к нему душой и взором. Обольщает его, туманит рассудок, по рукам навеки связывает глубокой любовью. Если же кто воспротивится и пренебрежет ею, тотчас обращает в камень, в скота, в любого зверя, или же совсем уничтожает. Я в трепете думаю, как тебе следует остерегаться. Она непрестанно ярится, а ты по возрасту и

красоте ей подходишь. — Так Биррена со мной взволнованно беседовала.

6. Я же в крайнем любопытстве, лишь только услышал давно желанное слово «магическое искусство», как, вместо того, чтобы избегать козней Памфилы, всею душой стал стремиться предаться за любую цену ее руководительству, готовый стремглав броситься в бездну. Вне себя от нетерпения я вырываюсь из рук Биррены, как из оков, и наскоро сказав: — прости! — лечу с быстротой к Милонову дому. Ускоряя шаги, как безумный, — действуй! — говорю сам себе, — Луций, не зевай и держись! Вот желанный тобою случай: теперь можешь насытиться давно ожидаемыми чудесными сказками! Отбрось детские страхи, нужно осторожно обделать дело, воздержись от объятий твоей хозяйки и считай священным ложе честного Милона! Но надо усиленно постараться насчет служанки Фотиды. Она ведь и лицом привлекательна и нравом резва и на язык очень остра. Вчера вечером, когда ты падал от сна, как обязательно проводила она тебя в спальню, уложила ласково на постель, хорошо и вполне любовно укрыла и, поцеловав тебя в лоб, наглядно лицом показала, с какой неохотой уходила, наконец удалилась, сколько раз оборачиваясь! Что ж, принимаю приметку: будь, что будет, попытаю счастье с Фотидой!

7. Так рассуждая, достиг я дверей Милона, укрепившись в своем решении. Но не нахожу дома ни Милона, ни его жены, только дорогую мою Фотиду. Она тушила в кастрюльке рубленные фаршированные кишки и куски мяса. Даже издали носом слышу я вкуснейший запах. Сама

она, опрятно одетая в полотняную тунику, высоко, немного не под самые груди ярким красным поясом опоясанная, цветущими ручками размешивала стряпню в горшке; она плавными кругами вздрагивала, всем членам передавалось движение, заметно бедра трепетали, гибкая спина заметно встряхивалась и волнилась прелестно. Пораженный этим зрелищем, я остолбенел и стою, удивляясь; стали и члены мои, пребывавшие прежде в покое. Наконец говорю к ней: — что за прекрасное, что за пышное кушанье, Фотида, ты стряпаешь, тряся кастрюлей и ягодицами? Что за медвяный соус готовишь? Счастлив и трижды блажен, кому ты позволишь хоть пальцем к нему коснуться! — Тогда девушка, столь же развязная, сколь прекрасная: — уходи, — отвечает, — уходи подальше от моего огня! Ведь если малейшая искра моя тебя зажжет, сгоришь до тла. Тогда кроме меня никто твоего огня не угасит, я ведь не только кастрюли, но и ложе сладко трясти умею!

8. Сказав это, она на меня посмотрела и рассмеялась. Но я не раньше ушел, чем осмотрев ее всю. Но что говорить о подробностях? И в обществе и в домашних забавах меня одно всегда интересовало: лицо и волосы. Причина такого моего предпочтения ясна и понятна, ведь видная эта часть тела всегда открыта и первая представляется взорам людей, и чем для остального тела служат расцвеченные веселым узором одежды, тем для лица волосы — природное украшение. Наконец многие, чтобы доказать свое сложение и прелести, последние одежды сбрасывают, являя нагую красоту, предпочитая

розовый цвет кожи золоченым одеждам, — но если бы (ужасное предположение, да сохраняют боги от его осуществления), если бы у особо прекраснейших женщин снять волосы с головы и лицо лишить природной прелести, то пусть будет с неба сошедшая, морем рожденная, волнами воспитанная, пусть, говорю, будет самой Венерой, хором граций сопровождаемой*, толпой купидонов сопутствуемой, поясом своим опоясанной, киннамоном благоухающая, бальзам источающая, — если плешива будет, даже Вулкану своему понравиться не сможет.

9. Что, в самом деле, дает волосам милый цвет и лучезарит их сверкающим блеском, что блистают навстречу солнцу или отливаются спокойно и меняют свой вид с разнообразным очарованием?

Что же скажешь, когда у волос цвет приятный*, и блестящая гладкость сияет, и под солнечными лучами мощное они испускают сверканье или спокойный отблеск и изменяют свой вид сообразно различному освещению, то златом пламенея, погружаются в нежную медвяную тень, то вороньей чернотой соперничая с темнолазурным оперением голубиных горлышек, или когда аравийскими смолами умащенные, тонкими зубьями острого гребня на мелкие пряди разделенные и собранные назад, они привлекают взоры любовника, отражая его изображение наподобие зеркала, еще приятнейшим? Что скажешь, когда, сжатые во множество кос, они громоздятся на макушке, или, широкой волною откинутые, покоятся за спиной? Одним словом шевелюра имеет такое большое значение, что

в какое бы золотое с драгоценностями платье женщина ни оделась, чем бы на свете она ни разукрасилась, если она не радеет о прическе, убранной назваться не может.

Но Фотиде моей не замысловатый убор, а естественный беспорядок волос придавал прелесть, так как пышные локоны ее, слегка распушенные и свисающие с затылка, откуда они располагались по обе стороны щек вроде природной волнообразной бахромы, чуть чуть завивающиеся на концах, на самой макушке были стянуты узлом.

10. Дольше не смог я выдержать такой муки жгучего вожделения, а прикинув к ней в том месте, откуда волосы у нее зачесаны были на самую макушку, сладчайший поцелуй напечатлел. Тут она обернулась ко мне и, искоса взглянув на меня лукавым взором, говорит: — эй ты, школьник! за кисло-сладкую закуску хватаешься. Смотри, как бы, объевшись медом, надолго горечи в желчи не нажить!

— Что за беда, — говорю, — моя радость? Когда я до того дошел, что за один поцелуйчик готов изжариться, растянувшись на этом огне! — и с этими словами, еще крепче ее обняв, принялся целовать. И к ней, уже по братски разделяющей со мною равную степень одинаковой страсти в любви, уже упоенной, судя по благовонному дыханию полуоткрытого рта, по ответным ударам сладостного языка, близким к концу вожделением — погибаю — воскликнул я, — и погиб уже совершенно, если ты не придешь на помощь! — На это она, опять меня поцеловав, говорит: — успокойся. Меня тебе отдало взаимное желание, и завершение нашей страсти отклады-

вается не на долго. Чуть смеркнется, я приду к тебе в спальню. Теперь уходи и соберись с силами, я всю ночь напролет ведь буду с тобой бороться крепко и от души.

11. Долго еще обмениваясь такими и тому подобными словами, мы наконец разошлись. Как раз, как только наступил полдень, Биррена в гостинец мне прислала отличную свинью, пяток курочек и боченок превосходного старого вина. Я кликнул тогда Фотиду и говорю: — вот к тому и Либер прибыл, оруженосец и уговорщик Венеры. Сегодня же все это вино и выпьем, чтобы оно заставило исчезнуть стыдливую немочь и силу веселую придало страсти. Ведь на Венерином корабле один провиант требуется, чтобы на бессонную ночь в лампе достаточно было масла, в чаше — вина.

Остаток дня посвящен был бане и наконец ужину. Так как по приглашению доброго Милона я разделил с ним его изысканную трапезу, стараясь, памятуя наставления Биррены, как можно реже попадаться на глаза его супруге и потом отвращая свои взгляды от ее лица, как будто от страшного Авернского (адского) озера, но наблюдая без устали за прислуживающей Фотидой, я уже несколько приободрился, как вдруг Памфила, взглянув на зажженную лампу, говорит: — какой сильный ливень будет завтра! — и на вопрос мужа, откуда это ей известно, отвечает, что это лампа ей предсказала. На эти слова Милон, расхохотавшись, говорит: — великую Сивиллу мы держим в этой лампе, что с высоты своей подставки наблюдает за всеми небесными делами и за самим солнцем.

12. Тут я вступил в разговор и заявляю:— в этом и состоят первые признаки любого предвиденья; нет ничего удивительного, что этот скромный, зажженный человеческими руками огонечек*, который тем не менее есть частица того большого и небесного светила, или родственного ему, что взойдет сейчас на вершину эфира, обладает способностью божественного провиденья и может знать их состояние и возвещать нам об этом. Да вот и теперь у нас в Коринфе гостит проездом некий халдей,* который своими удивительными ответами весь город сводит с ума и за известную плату кому угодно открывает тайну судьбы, в какой день вернее всего заключать браки, в какой крепче всего постройки закладывать, какой торговым сделкам сподручнее, какой для путешествия по суку удобнее, какой для плаванья благоприятнее. Когда я наконец задал ему вопрос; что случится со мною в этом странствии, он наскзал много удивительнейших и разнообразных вещей; сказал, что и слава цветущая меня ожидает и великие приключения невероятные, которые и в книги попадут.

13. Ухмыльнувшись на это, Милон говорит:— а какой с виду этот халдей и как его звать?— Длинный,— отвечаю,— и черноватенький, Диофан по имени.— Он самый!— воскликнул.— Никто как он! Он и у нас подобным же образом многое многим предсказывал за немалые деньги и больше того, достигши уже высшей платы, впал, несчастный, в убожество, даже можно сказать, в ничтожество.

В один прекрасный день, когда окруженный тесным кольцом народа, давал он предсказания в кружок стоявшим, подошел к нему некий купец, по имени Кердон, желая узнать день благоприятный для отплытия. Тот ему уже день указал, уже кошелек появился на сцену, денежки высыпали, отсчитали сотню денариев, условленную плату за предсказание, как вдруг сзади протискивается какой-то молодой человек приличного вида, схватывает его за полу, а когда тот обернулся, обнимает его и крепко накрепко целует. А тот, ответив на его поцелуи, усадил рядом с собою и, ошеломленный неожиданностью встречи, забыв о торговой сделке, которую совершил, говорит ему:—что же так поздно приходишь ты, долгожданный?—А тот другой отвечает на это:—как раз с наступлением вечера. Ты лучше, братец, расскажи мне, каким образом держал ты путь морем и сушей с тех пор, как ты поспешно отплыл с острова Эвбеи?

14. На это Диофан, этот халдей доблестный, но петвердый в разуме и памяти, говорит:—врагам и неприятелям всем нашим пожелал бы я такого сурового поистине Улиссова странствия! Ведь корабль наш, на котором мы плыли, потрепавшись от разных вихрей и бурь, потеряв к несчастью оба кормила, натолкнувшись на передовую гряду противоположного берега, быстро пошел ко дну, так что мы, потеряв все, едва выплыли. Что было сбережено у нас благодаря ли состраданию незнакомых людей или благосклонности друзей, все это попало в разбойничьи руки, а брат мой единственный Аригнот, вздумавший противостоять их наглости, на

глазах у меня, бедняга, был зарезан.—Пока он вел этот плачевный рассказ, купец этот Кердон, забрав свои деньги, предназначавшиеся в уплату за предсказание, немедленно убежал. И только тогда Диофан, очнувшись, понял, какой своим неблагоразумием дал он промах, когда наконец увидел, что мы все кругом стоящие разразились громким хохотом.

— Но тебе, конечно, господин Луций, одному из всех халдей этот сказал правду. Да будешь ты счастлив, и путь твой да будет благополучен!—

15. Пока Милон, таким образом, пространно разглагольствовал,* я молча мучился и порядочно злился, что по моей вине из-за затянувшейся так некстати болтовни я пропущу добрую часть вечера, которым мог бы воспользоваться с гораздо большей приятностью. Наконец, отложив в сторону робость, говорю я Милону:—пускай этот Диофан ищет своего счастья и снова обирает народ, где ему угодно, на море или на суше; я же, по правде сказать, до сих пор еще не оправился от вчерашней усталости, так что ты разреши мне раньше пойти к себе в спальню. Сказано, сделано, я добираюсь до своей комнаты и там нахожу сделанными приготовления для довольно изящной пирушки. И слугам были посланы постели как можно дальше от дверей, для того, как я полагаю, чтобы удалить на ночь свидетелей нашей возни, и к кровати моей был пододвинут столик, весь уставленный остатками от ужина, и большие чаши, уже наполовину наполненные водой, только ждали, чтобы в них налили вина для смеси, и рядом бутылка с широким горлышком, из которой так удобно пить,—

словом, полная подготовительная закуска для любовной схватки.

16. Не успел я лечь, как вот и Фотида моя, отведя уже хозяйку на покой, весело приближается, неся в подоле ворох роз и розовых гирлянд. Крепко расцеловав меня, опутав веночками и осыпав цветами, она взяла бокал и, подлив туда теплой воды, протянула мне, чтобы я пил, но раньше, чем я осушил его весь, нежно взяла обратно и понемногу потягивая губками, не сводя с меня глаз, глоточками сладостно докончила. За этим бокалом послеловал другой и третий, и часто чаша переходила у нас из рук в руки; тут я, возбужденный вином и волнением, да и в теле, готовом к сладострастию, чувствуя беспокойство, горение и все увеличивающуюся потребность, наконец приоткрыл свою одежду и, показывая своей Фотиде, с каким нетерпением жажду я любви, говорю:—сжался, скорей приди мне на помощь! Ведь ты видишь, что пылко готовый к бою, который ты открыла без всякого провозглашения, едва получил я удар стрелы в самую грудь от жестокого Купидона, и свой лук я сильно натянул, так что страшно боюсь, как бы от чрезмерного напряжения не лопнула тетива. Но если ты хочешь меня полнее уважить, распусти косы и волною струящихся волос сделай объятия еще более приятными!

17. Без промедления, быстро убрав посуду, сняв с себя все одежды, распустив волосы, преобразилась она прекрасно для радостного наслаждения наподобие Венеры, входящей в волны морские, к гладенько выбритому женскому месту приложив розовую ручку, скорее для того, чтобы

искусно оттенить его, чем для того, чтобы прикрыть стыдливо, говорит: — на бой, на сильный бой! Я ведь тебе не уступлю и в бегство не обращусь. Если ты муж, во фронт передо мною и нападай с жаром и, нанося удары, готов будь к смерти. Сегодняшняя битва ведется без пощады!..

Так без сна провели мы ночь до рассвета, от времени до времени чашами подкрепляя утомление, возбуждая вождение и наново предаваясь сладострастью. По примеру этой ночи прибавили мы к ней других подобных не малое количество.

18. Случилось как то, что Биррена весьма настойчиво попросила меня притти к ней на небольшой дружеский ужин; я долго отказывался, но отговорки мои не были уважены. Значит, пришлось обратиться к Фотиде и спросить у нее совета, как у оракула. Хотя ей трудно было переносить, чтобы я хоть на шаг от нее удалялся, тем не менее она любезно сооблаговолила сделать перемирие в военных действиях любви. Но говорит мне: — послушай, постарайся пораньше уйти с ужина. У нас есть отчаянная шайка из знатнейших молодых людей, которая нарушает общественное спокойствие; то и дело прямо посреди улицы валяются трупы убитых, а областной гарнизон стоит далеко и не может очистить город от такой заразы. Положение твое блестящее, а как с человеком дорожным, церемониться с тобой не будут, как раз можешь поцасть в ловушку. — Отбрось тревогу, моя Фотида, — отвечаю, — ведь кроме того, что утехи страсти мне дороже чужих ужинов, один этот страх твой заставил бы меня во время возвратиться. Да и пойду я не без провожатых. Опоя-

савшись испытанным мечом своим, сам понесу залог своей безопасности.

Приготовившись таким манером, отправляюсь на ужин.

19. Здесь большое количество приглашенных, как и полагается для первоклассной женщины, — цвет города. Обильные столы из кедра и слоновой кости блестят, ложа покрыты золотыми тканями, большие чаши, разнообразные по фасону и красоте, но одинаково драгоценные. Здесь стекло искусно граненое, там чистейший хрусталь, в одном месте светлое серебро, в другом сияющее золото и янтарь дивно выдолбленный и драгоценные камни, устроенные для питья, и чего быть не может — все здесь налицо. Многочисленные разрезальщики, роскошно одетые, изящно накладывают обильные порции на блюда, завитые мальчики в красивых рубашках то и дело подносят старые вина в бокалах, украшенных самоцветами. Вот уже вынесены светильники, застольная беседа оживилась, уже и смех примешался и вольные словечки и шутки то там, то сям.

Тут Биррена ко мне обращается с речью: — хорошо ли живется тебе в наших родных местах? Насколько я знаю, по храмам, баням и другим постройкам мы далеко опередили все города; кроме того нет у нас недостатка ни в чем необходимом. Кто бы ни приехал к нам, праздный ли человек, или деловой, всякий найдет, что ему нужно, не меньше чем в Риме; скромный же гость обретет сельский покой, одним словом, все удовольствия и удобства провинции соединились в нашем месте.

20. На это я отвечаю:—правильно ты говоришь; ни в какой другой стране я не чувствовал себя так свободно, как здесь. Но опасаясь я в вашем городе тайных козней магической науки, которых невозможно избежать. Говорят, что даже в могилах покойники не могут оставаться неприкосновенными, и из костров, из склепов добываются оставшиеся части трупов на гибель живущим. И старые чародейки в самую минуту погребальных процессий успевают с быстротою хищных птиц предвосхищать уже другие похороны.

При этих моих словах вступил в разговор кто то из присутствующих:—да тут и живым людям спуска не дают. Только везде и разговора, как с неким человеком случилась подобная же история, и он до неузнаваемости был обезображен.

Тут все общество разразилось неудержимым хохотом, причем лица и взоры всех обратились на гостя, возлежавшего в углу. Когда тот, смущенный упорным вниманием всех, хотел, проворчав в негодовании что то, подняться с места, Биррена говорит:—ну полно, мой Телефрон, останься немного и будь любезен, расскажи еще раз свою историю, чтобы сынок мой, вот этот Луций, мог насладиться прелестью твоей складной речи!

А он в ответ:—ты то госпожа, как всегда, проявляешь свою святую доброту, Но есть некоторые люди, наглость которых невозможно переносить!—Так он был возмущен. Но настойчивость Биррены, которая, заклиная его своим спасением, заставляла рассказывать против воли, достигла своей цели.

21. Тогда, образовав из покрывал возвышение, приподнявшись на ложе и опершись на локоть, Телефрон простер правую руку, пригнув, наподобие ораторов, мизинец и безымянный палец, остальные протянув вперед и как бы в виде угрозы слегка отставив большой палец, и начал благодушно таким образом:

— Будучи еще несовершеннолетним, отправился я из Милета на Олимпийские игры, так как больше всего из провинций желал видеть эти пресловутые места, и проехавши через всю Фракию *, в недобрый час прибыл я в Лариссу. И покуда, истощивши во время всех этих переездов свои дорожные деньги, придумывал я как бы помочь своей бедности, вижу посреди площади какого то высокого старика. Он стоял на камне и громким голосом предлагал, желающим наняться караульщиком к покойникам, условиться с ним о цене. Тогда я обращаюсь к какому-то прохожему и говорю: — что я слышу? Что же, здесь покойники имеют обыкновение убегать?

— Помолчи!—отвечает тот,—ты еще слишком молод и человек приезжий, так что недостаточно понимаешь, что находишься ты в Фессалии, где колдуньи нередко отгрызают у покойников части лица, так как это составляет необходимый материал для магических действий *.

22. Я продолжаю:—а в чем же состоит, скажи на милость, обязанность этого покойнического караульщика?—Прежде всего,—отвечает тот,— всю ночь напролет нужно бодрствовать и открытыми, не знающими сна глазами смотреть на труп, не отвращая взора, никуда его не поворачивая; ибо негоднейшие эти оборотни, пере-

менив свой вид на любое животное, тайком стараются проникнуть, так что самое всевидящее и недреманное око может легко вдаться в обман; то они обращаются в птиц, то в собак, то в мышей, иногда даже в мух. Тут от зловещих чар на караульщиком нападает сон. Никто не может даже перечислить, к каким уловкам прибегают эти зловреднейшие женщины ради своей похоти. И за трудную эту работу обыкновенно полагается плата не больше, чем в четыре, шесть золотых. Да, чуть еще не забыл! В случае, если на утро тело будет сдано не в целости, все те части, которых целиком или частью будет не хватать, караульщик обязан пополнить, отрезав от собственного лица.

23. Узнав все это, я собираюсь с духом и тут же, подойдя к кричальщику, говорю:—полно уж надсаживаться! Вот тебе готовый караульщик, посмотрим, что за цена.

— Тысяча нуммов, — отвечает, — тебе полагается, но послушай, малый, хорошенько постарайся тело сына одного из важнейших граждан в городе от злых гарпий уберечь на совесть.

— Глупости, — говорю, — ты мне толкуешь и чистейшие пустяки. Перед тобой человек железный, которого сон не берет, более бдительный без сравнения, чем Линцей или Аргус самый глазастый.

Не поспел я еще кончить, как он сейчас же ведет меня к какому то дому, входы у которого были заперты, так что он зазвал меня внутрь через какую то маленькую дверцу и, открыв какую то комнату, в которой было темно от пригашенных светильников, указывает на горест-

ную матрону, закутанную в темные одежды, и подойдя к ней, говорит:—вот пришел человек, который не побоялся наняться в караульщики к твоему мужу.—Тут она откинула волосы, спадавшие с обеих сторон наперед и, показав прекрасное несмотря на скорбь лицо, говорит, глядя мне в глаза:—смотри, прошу тебя, как можно бдительнее исполни свое дело.

— Не беспокойся,—говорю,—только награду соответственную приготовь.

24. Удовлетворившись таким ответом, она поднялась и ведет меня к другому покою. Там, введя семерых неких свидетелей, она подымает рукою блестящие покровы с тела покойного и, некоторое время поплавав, взывает к совести присутствующих и начинает тщательно по статьям перечислять части тела, а писец умышленно заносил ее слова на таблички.—Вот,—говорит,—нос в целости, нетронуты глаза, целы уши, неприкосновенны губы, подбородок тверд; во всем этом вы, честные граждане, будьте свидетелями.—После этих слов таблички были подписаны, и она направилась к выходу.

А я говорю:—прикажи, госпожа, чтобы все, что по обычаю требуется и мне полагается, было приготовлено.

— А что именно?—спрашивает.

— Лампу,—говорю,—побольше масла, чтобы свету до утра хватило, теплой воды, сосуд с вином, да поднос с чашей и с остатками ужина.

Тут она покачала головой и говорит:—да ты с ума сошел? в доме, где траур, ищешь остатков от ужина, когда у нас который день и кухня не топится! Ты что думаешь, что ты сюда пи-

ровать пришел? Лучше бы предавался ты скорби и слезам подстать окружающему!—С этими словами она взглянула на служанку и говорит:— Миррина, принеси сейчас же лампу и масло, потом запрешь караульщика в спальне и уходи обратно.

25. Оставленный таким образом наедине с трупом, я тру глаза, таращу их, чтоб не дремать, напевая песенку, а тем временем смеркается, сумерки наступают, первая стража ночи, потом полночь, наконец глубочайший мрак. А у меня страх увеличивался, как вдруг внезапно вползает ласочка, останавливается передо мной и так пристально на меня смотрит, что я смутился от такой наглости в столь ничтожном зверке. Наконец говорю я ей:—пошла прочь! Подлая тварь! Убирайся к мышам, они тебе компания, покуда не испытала на себе моей силы! Пошла прочь!

Повернулась и сейчас же исчезла из комнаты. Но в ту же минуту глубокий сон как бы погрузил меня на самое дно преисподней, так что сам Дельфийский бог с трудом угадал бы, какое из нас двух лежащих тел более мертво. До такой степени я ничего не чувствовал, что скорее сам нуждался в караульщике, чем мог быть им для другого.

26. Тут как раз пение петухов протрещало, что ночь на исходе. Наконец я проснулся и охваченный немалым страхом бегу к трупу и подняв светильник, рассматриваю по частям его лицо, все ли на месте; вот и бедная супруга в слезах в сопровождении вчерашних свидетелей быстро входит и сейчас же бросается на тело мужа, долго покрывая его поцелуями,

потом, поднеся огонь, убеждается, что все в порядке. Тогда, обернувшись, подзывает она своего управляющего Филодеспота и дает ему распоряжение немедленно выдать вознаграждение доброму караульщику. И сейчас же прибавляет:—мы тебе крайне признательны, юноша, и, клянусь Геркулесом, за такую хорошую службу мы с этой минуты считаем тебя нашим домочадцем.

На что я, обрадованный неожиданной поживой и ошалелый от блестящих золотых, которыми я от времени до времени побрякивал в руке, говорю:—больше того, госпожа! Считаю меня своим слугою, и сколько бы раз тебе ни потребовалась наша служба, смело приказывай*.

Едва я это произнес, как тотчас все домочадцы, возмущенные таким зловещим предложением, всякий как попало, на меня набросились, кто кулаком в зубы заехал, кто локтями по плечу колотит, кто руками злобно под бока поддает, пятками топтать, за волосы таскать, платье драть. Так что разодранный и растерзанный, наподобие гордого беотийского юноши или вещего Пиплейского певца*, был я выгнан из дому.

27. И покуда на ближайшей площади я прихожу в себя и, слишком поздно вспоминая всю неосмотрительность и зловещий смысл моих слов, сознаюсь, что достоин был бы по своим заслугам еще больших побоев, вот уже после того, как покойника оплакали и трижды окликали, погребальная процессия, по исконным обрядам, как полагается одному из вельмож, проходила через форум. Подбегает тут какой то старик в темной одежде, скорбный, весь в сле-

зах, рвя на себе густые седины и обеими руками обняв погребальное ложе, громким, хотя и прерываемым поминутно рыданиями, голосом восклицает:—всем святым заклинаю вас: помогите убитому гражданину и за крайнее преступление зловерной этой и нечестивой женщине сурово отмстите. Она, никто другой, несчастного юношу, сына моей сестры, извела отравой, чтобы предаться прелюбодейной страсти и наследство получить добычей.

Так старец этот, то к одному, то к другому обращаясь, разливался в горьких жалобах. Толпа между тем начала грозно волноваться, и правдоподобность случая заставляла верить в преступление. Крики раздалась, чтобы сжечь ее, другие хватались за камни, собак науськивали прикончить женщину. А та, обливаясь притворными слезами, как могла ревностней, призывая всех небожителей в свидетели, отпиралась от такого злодейства.

28. Наконец старец молвит:—предоставим божественному провидению решить, где правда. Тут находится Затклас, один из первых египетских пророков, который уже давно за большую цену условился со мною на время вызвать душу из преисподней, а тело это вернуть к жизни,—и с этими словами выводит он на середину некоего юношу в льняной одежде, с пальмовыми сандалиями на ногах, с наглядко выбритой головой. Долго целуя ему руки и даже колен касаясь, сказал он:—сжался, служитель богов, сжался ради светил небесных, ради подземных божеств, ради стихий природных, ради ночного безмолвия, ради святилища Коптского и ради

половодья Нильского, и тайн Мемфийских и сестров Фарийских. Дай на краткий миг воспользоваться сиянием солнца и в сомкнутые навеки очи влей частицу света. Не ропщем мы и не оспариваем у земли ей принадлежащего, но для выяснения справедливого возмездия просим о кратком возвращении к жизни.

Пророк после таких молитв положил какую то травку на уста покойнику, другую ему на грудь. Затем повернувшись к востоку, где царственно восходило солнце, начал молча молиться, всей видимостью этой достойной уважения сцены как нельзя лучше подготовив внимание присутствующих к чуду *.

29. Я вмешиваюсь в толпу и, став на высоком камне возле самого погребального ложа, любопытным взором за всем слежу, как уже начинает вздыматься грудь, вены спасительно биться, уже духом наполняется тело: и поднялся мертвец и заговорил юноша:—зачем вкусившего уже от летейских чаш, уже по стигийским болотам плывшего к делам мимолетней жизни возвращаете? Перестань же, молю, перестань, и меня к покою моему отпусти!

Услышав этот голос, исходящий из тела, пророк несколько с большим жаром произносит:— что же ты не рассказываешь народу все по порядку, отчего не объяснишь тайну твоей смерти? Разве ты не знаешь, что я могу заклинаньями моими призвать фурий и усталые члены твои предать мученью?

Тот слушает это с ложа и с глубоким вздохом так вещает народу:—злыми чарами жены молодой изведенный и обреченный на

гибельную чашу, брачное ложе неостывшим еще уступил я прелюбодею.

Тут почтенная эта женщина, явно обнаглев, задалась кощунственной мыслью упрямо опровергать доводы мужа. Народ разгорячился и мнения разделились; эти требовали, чтобы негоднейшая эта женщина сейчас же погребена была с телом покойного мужа, другие говорили, что не следует верить живому трупу.

30. Но эти пререкания были прерваны последующею речью юноши, так как снова, испутив еще более глубокий вздох, говорит он: — дам, дам вам свидетельства сущей правды: ясное дам доказательство, о котором никто, кроме меня, не может знать. — И тут, указывая на меня пальцем: — ибо когда у тела моего сей бдительнейший караульщик твердо стоял на страже, старые колдуньи, охочие до брэнной моей оболочки и для этого принимавшие разные образы, не будучи в состоянии обмануть его искусными хитростями и напущенным сонным дурманом погрузив его в глубокий покой, не раньше перестали вызывать меня по имени, как застывшие связки и похолодевшие члены начали стараться медленными движениями отвечать на приказания магического искусства. Тут этот человек, как по настоящему живой, мертвый только с виду от действия снотворных чар, ничего не подозревая, встает на свое имя, так как мы с ним называемся одинаково, и добровольно идет наподобие безжизненной тени; хотя двери в покой были тщательно закрыты, однако там нашлось отверстие, через которое ему сначала отрезали нос, потом оба уха, так что он ока-

зался моим заместителем в этой операции. И чтобы скрыть свою кражу, обманщицы приставляют ему сделанные из воска уши и нос, точь в точь похожие на его собственные. Вот он пред вами, этот несчастный, получивший плату не за труд свой, а за увечье.

Перепуганный такими словами, я пробую проверить свои члены: схватываюсь за нос—остается у меня в руке; провожу по ушам—отваливаются. Когда все присутствующие стали указывать на меня пальцами и кивать головою, когда поднялся смех, я, обливаясь холодным потом, нырнул между ног окружавших меня и спасаюсь. Но после того, как я был так изувечен и предан на посмеяние, я не мог уже вернуться к домашнему очагу, а распустив волосы на обе стороны, скрыл шрамы от отрезанных ушей, а постыдный недостаток носа стараюсь из приличия маскировать этим полотняным платочком, который я все время плотно прижимаю к лицу.

31. Когда Телефрон окончил эту историю, собутельники, разгоряченные вином, вновь разразились хохотом. Пока они требовали, чтобы совершенно было обычное возлияние богу Смеха, Биррена обращается ко мне со следующими словами:

— Завтра наступает день, считающийся с самого основания нашего города торжественным, потому что в этот день единственные на всем свете мы чтим веселыми и радостными обрядами святейшее божество Смех. Своим присутствием ты сделаешь нам этот праздник еще приятнее. И вот было бы мило с твоей стороны, если бы ты в честь бога придумал что нибудь веселенькое, чтобы мы могли тем сильнее и полнее отпраздновать день, посвященный такому божеству.

— Отлично, — говорю, — как приказываешь, так и будет. И, клянусь Геркулесом, хотелось бы мне чтонибудь придумать, достойное полного принятия столь великим богом. — После этого, так как слуга мой доложил мне, что наступает ночь, да и сам я уже до сыта наелся и напился, я быстро поднимаюсь с места и, наскоро пожелав Биррене всего хорошего, шатающейся походкой пускаюсь в обратный путь.

32. Но как только вышли мы на ближайшую площадь, внезапный ветер гасит факел, который освещал нам дорогу, и мы, обреченные на мрак неожиданной наступившей ночи, исколов о камни все ноги, еле еле добрались до дому. Когда мы рядышком подходили уже к дому, вдруг видим: трое каких то здоровых и дюжих людей из всех сил ломаются в нашу дверь, не только нисколько не смутившись нашим появлением, но еще сильнее один перед другим участив свои удары, так что нам, а мне в особенности, не без основания показались они разбойниками, притом самого злостного рода. Сейчас же вытаскиваю наружу меч, который я нес с собою под плащом на подобный случай. Без промедленья бросаюсь прямо на разбойников и по очереди, кто попадался под руку, всаживаю глубоко меч, куда наконец, пронзенные множеством широких ран, у самых ног моих духа они не выпускают. Окончив битву, меж тем как и Фотида от шума проснулась, едва переводя дыхание и обливаясь потом, вбгаю я в открытые двери и сейчас же усталый, словно вместо боя с тремя разбойниками совершил убийство Герiona, бросаюсь на кровать и сейчас же засыпаю.

КНИГА ТРЕТЬЯ

УТ аврора, розовою рукою потрясая алую сбрую на конях, пустилась по небу, и для меня, исторгнутого от сладкого покоя, ночь сменилась днем. При воспоминании о вчерашнем преступлении на душу мне пало беспокойство; скрестив ноги и обвив колени переплетенными пальцами рук, сел я скорчившись на кровати и горько плакал, рисуя в своем воображении и городскую площадь, и суд, и приговор, и самого палача. Неужели может мне попасться такой мягкий и благорасположенный судья, который меня, запятнанного жестокостью тройного убийства, забрызганного кровью стольких граждан, мог бы признать невиновным? Так это то славное странствование халдей Диофан так упорно мне предсказывал?

Обуреваемый такими и подобными им мыслями, я оплакивал свою судьбу. Вдруг раздались удары в двери, и перед входом в дом поднялся крик.

2. Тотчас же в дом вошли с большим треском чиновники, их прислужники, смешанная толпа все наполнила, и сейчас же двое ликторов по

приказанию чиновников наложили на меня руки и повели без особенного с моей стороны сопротивления. И едва мы вступили в ближайший переулок, все жители, высыпав на улицу, необыкновенно тесной толпой идут за нами следом. И хотя шел я печально, опустив голову, желая провалиться сквозь землю, однако бросив украдкой взор по сторонам, замечаю нечто достойное величайшего удивления: ибо из стольких тысяч людей, что нас окружали, не было ни одного, который бы не покатывался со смеху. Тем временем, обойдя все площади, как обводят животных предназначенных для искупительных жертв, когда грозит какая либо опасность, проведенный по всем закоулкам, привожусь наконец я на городскую площадь и предстаю судилищу. Уже на возвышенном месте восседали судьи, уже глашатай взывал о молчаньи, как вдруг все в один голос требуют, чтобы, вследствие многочисленного скопища, при котором давка может угрожать опасностью, разбирательство столь важного дела было перенесено в театр. Не прошло и минуты, как народ, беспорядочно хлынувши, с удивительною быстротою наполнил все здание; все входы внизу и галереи битком набиты, многие ухватились за колонны, другие на статуях повисли, некоторые по пояс высунулись из окон и всех отдушин в потолке, так что необыкновенное желание посмотреть заставляло пренебрегать опасностью для жизни. Тут меня стража, как жертву какую нибудь, проводит через просцениум и ставит посреди оркестра.

3. Тут снова раздается оглушительный голос глашатая и подымается обвинитель, некий ста-

рец, держа в руках для исчисления продолжительности речи какой-то сосудец, вроде воронки, искусно пробуравленный, из которого по капле вытекала влитая внутрь вода, и обращается к народу с такими словами:

— Почтеннейшие граждане, дело идет не о малой вещи, но о событии, непосредственно касающемся спокойствия всего города и которое может послужить на будущее серьезным примером. Тем более надлежит вам, ради общественного достоинства, каждому в отдельности и всем вместе, озаботиться, чтобы совершение злостным убийцей такой бойни, которую с немалой жестокостью он устроил, не прошло безнаказанным. И не думайте, что я, побуждаемый частной враждой, по личной ненависти проявляю строгость. Я начальник ночной стражи и полагаю, что до сегодняшнего дня в любом карауле внимательности моей ничего нельзя было поставить в вину. Я в точности вам доложу, в чем суть дела и что произошло в эту ночь. Итак, когда уже около третьей стражи, я с тщательнейшею бдительностью, осматривая каждый дом в отдельности, обхожу весь город, замечая я этого жесточайшего юношу; обнажив меч, он сеет вокруг себя убийство и уже три числом жертвы его ярости испускают дух у самых его ног, содрагаясь телом в лужах крови. Он же справедливо взволнованный сознанием такого преступления, сейчас же пустился бежать и, воспользовавшись темнотою, скрылся в какой то дом, где всю ночь и оставался спрятанным. Но благодаря божественному провидению, которое не оставляет ни одного злодейства ненаказанным, прождав его до утра,

раньше чем он успел улизнуть тайными путями, я сделал все усилия, чтобы привести его пред почтеннейшее и святейшее ваше судилище. Итак перед вами находится подсудимый, запятнанный столькими убийствами, подсудимый, захваченный на месте преступления, подсудимый, который для нас чужеземец. Вынесите же этому чужому человеку крепкий приговор о преступлении, за которое вы и своего согражданина строго наказали бы.

4. После этих слов, смолк ужасный голос моего жестокого обвинителя. Сейчас же глашатай обратился ко мне, с предложением начать говорить, если я хочу чтонибудь ответить на обвинительную речь. А я в ту минуту мог только плакать, думая, клянусь Геркулесом, не столько о грозной речи, сколько о злосчастной моей совести. Наконец, свыше послано было мне мужество, и я начал так отвечать:

— Не безызвестно и самому мне, как трудно человеку перед этими трупами трех граждан, которого обвиняют в убийстве, доказать в виду такого множества народа свою невинность, хотя бы он и говорил правду, или добровольно сознался бы в содеянном. Но если ваша снисходительность уделит мне немного внимания, я легко объясню вам, что не по своему злому умыслу рискую я сейчас головою, а вследствие вполне объяснимого и возникшего по поводу чисто случайному негодованию я подвергаюсь напрасно обвинению в столь тяжком преступлении.

5. Итак, когда я несколько поздно возвращался с ужина и был немного под хмелем, в чем при-

знаю настоящее мое преступление, у самых дверей дома, где я живу и куда возвращался к почтенному вашему согражданину Милону, вижу каких то свирепых разбойников, которые пытались войти, сбивая двери с вывернутых петель и яростно вытаскивая тщательно прилаженные засовы и уже сговариваясь между собою, как прикончить жителей этого дома. Один из них, к тому же и на руку более проворный и самый коренастый, других такими словами подзадоривает:—эй ребята! Нападем на спящих, как подбает мужам, быстро и сильно. Прочь из груди всякая медлительность, всякая вялость! мечи наголо, и пусть забродит по всему дому убийство! Кто лежит объятый сном—да погибнет; кто противиться посмеет—да будет убит. Целыми уйдем, если в доме целым никого не оставим.—Признаться, граждане, при виде таких отпетых разбойников, сознавая долг честного гражданина, да и испытывая немалый страх за своих хозяев и за себя самого, вооруженный маленьким мочом, который я всегда ношу при себе на случай подобного рода опасностей, я решил испугать их и обратить в бегство. Но эти закоренелые в злодействе, бесчувственные люди и не подумали удирать, а как увидели у меня в руках оружие, тем смелее стали защищаться.

6. Начинается форменное сражение. Тут самый главный коновод их сильно на меня напал и, сразу схватив обеими руками меня за волосы, закинул мне голову назад и ищет как бы ударить меня камнем. Покуда он кричал, чтобы ему дали камень, я, верной рукою пронзив его, удачно сваливаю с ног. Вскоре и второго, кото-

рый кусался, уцепившись мне за ноги, метким ударом между лопаток прикончил, да и третьего, что без оглядки ринулся на меня, в грудь насквозь пронзаю. Таким образом восстановив спокойствие, защитив дом своих хозяев и общественную безопасность, я не только считал себя ни в чем не виновным, но даже полагал, что я заслуживаю похвалы со стороны граждан, тем более, что меня не касалась даже тень обвинения в каком либо преступлении, и у себя на родине я всегда считался человеком, который чистую совесть ставит выше всяких выгод. Не могу себе представить, почему справедливая расправа, учиненная мною по отношению к отъявленным разбойникам, теперь навлекла на меня это обвинение, когда нет возможности доказать, что между нами до этого была личная вражда, меж тем эти разбойники были совершенно мне неизвестны; также не указывается на какую либо прибыль, желанием которой могло бы объясниться подобное злодеяние.

7. Произнеся это, я снова залился слезами и, с мольбою простирая руки, в горести упрашиваю то тех, то других, во имя общественного милосердия, заклиная всем самым дорогим на свете. Мне уже начало казаться, что во всех пробудилось сострадание, что все достаточно тронуты жалостным видом слез, я уже собираюсь призвать в свидетели всевидящее око справедливости и течение моего дела предоставить божественному промыслу, как вдруг, подняв голову немного выше, я вижу, что вся толпа надрывается от хохота, и даже добрый хозяин, родственник мой Милон, хохочет во весь рот.

Так я про себя подумал:—так вот твоя верность! твоя совесть! Я стал ради спасения хозяина убийцею и подвергаюсь опасности смертной казни, а он не только никакого утешения мне не дает, а над бедою моею хохочет!

8. В эту минуту через средину театра прибегают какая то скорбная заплаканная женщина, закутанная в черные одежды, с каким то малюткой на груди, а за ней другая, старая, покрытая рубищем, такая же печальная, в слезах, у обеих оливковые ветви в руках, они окружают ими ложе, где находятся прикрытые тела убитых, и поднимают плач, заунывно причитая:—общественной жалостью заклинаем — вопят они,—правом общим для всех на человечность. Сжалитесь над недостойно зарезанными юношами и нашему вдовству, нашему одиночеству дайте утешение в возмездии. По крайней мере, придите на помощь этому малютке, с младенческих лет уже лишенному благосостояния, и кровью этого разбойника удовлетворите законы ваши и устои общественной нравственности!

После этого старейший судья поднялся и обратился к народу так:—настоящее преступление, заслуживающее серьезного наказания, даже сам тот, кто его совершил, отвергнуть не может; но нам осталась еще одна второстепенная забота, отыскать остальных участников злодеяния. Ведь совершенно невероятно, чтобы человек один одинешенек мог справиться с тройкой столь крепких молодых людей. Итак попытка откроет нам истину. Слуга, сопровождавший его, тайно скрылся, и обстоятельства так сложились, что допрашивать можно только его самого о соу-

частниках злодеяния, дабы опасность столь вредной шайки с корнем была уничтожена.

9. Не прошло и минуты, как приготавлиются по греческому обычаю огонь, колесо и всякого рода плети. Все это было тем хуже, отчего я вдвое загрустил, что даже не дано мне будет умереть в неприкосновенности. А старуха та, что все время мешала своим воем, говорит:— добрые граждане, прежде чем разбойника этого, несчастных деток моих погубителя, к кресту пригвоздите, разрешите открыть тела убитых, чтобы лицемерие красоты их и молодости еще более возбудило к справедливому негодованию для должной строгости за такое злодеяние.

Слова эти встречены были рукоплесканиями, и судья тотчас приказывает мне самому собственноручно открыть тела, положенные на одре. Так как я долго сопротивляюсь и знаками показываю, что не желаю новым показом возобновлять в памяти вчерашнее событие, за меня сейчас же, по приказанию суда, с особой настойчивостью берутся ликторы и, в конце концов, отодрав руку мою от бока, насильно, ей на горе, тянут ее на самые трупы. Наконец, побежденный необходимостью, я покоряюсь и против воли, разумеется, сняв покрывало, открываю тела. Благие боги, что за вид? что за чудо? что за внезапная перемена в моей судьбе? Когда я считал себя уже подданным Прозерпины, зачисленным в сонмы, подвластные Орку, из внезапной перемены обстоятельств я в удивлении застываю и не могу подыскать подходящих слов для выражения неожиданного зрелища,—трупы убитых людей оказались тремя надутыми бурдю-

ками, просеченными по всем направлениям отверстиями и зиявшими как раз на тех местах, куда, насколько я помню вчерашнюю мою битву, я наносил тем разбойникам раны.

10. Тогда участники этой коварной шутки, до сих пор несколько сдерживавшие свой смех, дали полную волю хохоту. Одни на радостях поздравляли друг друга, другие сели, держась руками за живот от боли. И досыта навеселившись, все ушли из театра, поглядывая на меня. А я, как взял в руки покрывало, так, окаменев, и продолжал стоять, заочнев, ничем не отличаясь от любой статуи или колонны в театре. Пришел я в себя из забытья только когда хозяин мой Милон подошел ко мне и взял под свое попечение; не взирая на мои сопротивления, на слезы вновь хлынувшие, на частые всхлипыванья, он повлек меня за собою, употребив дружеское насилие, и, выбрав улицы попустынные, далеким обходом довел меня до дому, стараясь разными разговорами разогнать мою мрачность и успокоить меня, все еще дрожавшего. Однако возмущения от обиды, глубоко засевшей в моем сердце, ему никакими способами смягчить не удалось.

11. Сейчас же приходят в наш дом сами судьбы со своими знаками отличия и пытаются умиловить меня следующими рассуждениями:—не были нам неизвестны, господин Луций, ни твое собственное достоинство, ни древность твоего рода, ибо по всей провинции распространена слава о благородстве вашей знаменитой фамилии. Да не сочтется тобою то, что ты близко принял к сердцу, за оскорбление,

Итак, выбрось из головы всякое огорчение и от печали душу очисти. Ведь игрище это, которое мы торжественно и публично справляем ежегодно в честь всемилостивейшего бога Смеха, всегда украшается какой нибудь новой выдумкой. Бог этот благосклонен к тому, кто оказался и автором и исполнителем в его честь представления, везде любовно будет тебе сопутствовать и не допустит, чтобы ты скорбел душою, но постоянно чело твое ясною прелестью радовать будет. Весь город за услугу эту присудил тебе знатные почести, ибо постановлено вписать тебя в число почетных граждан и воздвигнуть медное твое изображение.

На эту речь отвечаю я:—вечно не забуду, блистательнейший и знаменитейший город Фесалии, как милостиво ты наградил меня столь великими почестями, но убеждаю вас: статуи и изображения сохранить для людей, более меня достойных и значительных.

12. После этого скромного ответа лицо у меня несколько прояснилось, и я, постаравшись принять как можно более веселый вид, вежливо прощаюсь с уходящими судьями. Но вот вбегают какой то челядивец и говорит:—зовет тебя родственница твоя Биррена и напоминает, что уже наступает время пиршества, на которое ты вчера обещал притти. Испугавшись, как будто самый дом ее внушал мне ужас:—охотно,—говорю,—исполнил бы я желание моей родственницы, если бы не был связан словом. Хозяин мой Милон на сегодняшний день, заклиная ныне празднуемым богом, уговорил меня, чтобы я почтил своим присутствием его трапезу, ни он

сам не будет никуда выходить, ни меня не пустит. Так что эту повестку на пирушку нужно переложить на другой день.

Не поспел я еще выговорить, как Милон, взяв меня под свою крепкую опеку, повел в ближайšie бани, отдав приказание принести туда все необходимое для мытья. Я шел, прижавшись к нему, чтобы не быть замеченным, избегая всех взглядов и уклоняясь от смеха, который сам внушал всем встречным. От стыда не помню уж, как мылся, как натирался, как обратно домой вернулся; так вне себя я коченел, когда на меня указывали все глазами, кивками и даже руками.

13. Наконец наскоро проглотив скудный Милонов ужин и сославшись на сильную головную боль, бывшую последствием непрерывного плача, удаляюсь в свою комнату, на что без труда дается мне разрешение, и бросившись на свою кровать, в горести начинаю в подробностях вспоминать все, что случилось, пока, уложивши спать свою госпожу, не является моя Фотида, сама на себя не похожая; ни веселого лица, ни бойкой речи, но суровый вид, нахмуренные брови. Наконец, с трудом и замешательством произнося слова: я,—говорит,—именно я сама, признаюсь, была причиной твоих неприятностей,—с этими словами она вытаскивает из пазухи какой то ремень и, протягивая его мне, продолжает:—возьми его, молю тебя; мало того, наложи на неверную женщину какое только найдешь нужным более строгое наказание! Но не думай тем не менее, прошу тебя, что я по своему желанию причинила тебе эту досаду.

Не дай бог, чтобы из за меня тебе хоть сколечко пришлось пострадать. И если бы тебе грозило что враждебное, я для отвращения отдала бы всю свою кровь. Но по горькой своей судьбе, то что я делала по чужому приказу для других, вышло тебе на вред.

14. Тогда я, побуждаемый прирожденным мне любопытством и желая выяснить себе скрытую причину совершавшегося, начинаю:—ремень этот, предназначавшийся тобою для бичеванья, из всех ремней нечестивейший и самый дерзкий, я скорей изрежу и разорву в клочки, чем прикоснусь им к твоей пуховой, молочной коже. Но расскажи мне по совести: какое несчастье, последовавшее из твоего поступка, могло обратиться мне на гибель? Клянусь тебе твоею драгоценнейшей для меня головою, что я решительно не могу поверить, даже если бы ты сама это утверждала, чтобы ты задумала что бы то ни было мне во вред. Притом, неверная или даже оказавшаяся враждебной, случайность не может невинному замыслу придать вины.

Окончив эту речь, глаза моей Фотиды, увлажненные и трепетные, томные от близкой страсти и почти уже полужакрытые, я стал жадно осушать страстными, звучными поцелуями.

15. Так она приободренная радостью говорит:—позволь, прошу тебя, сначала тщательно замкнуть двери в покойчик, чтобы не совершить мне большого преступления, если по суетной болтливости какое нибудь слово вылетит,—с этими словами она закрепила засовы, наложила крюки, затем вернувшись ко мне и обеими руками

обвив мою шею, начала тихим и сильно ослабевшим голосом:—боюсь и очень страшусь я открыть секреты этого дома и выдать страшную тайну моей хозяйки. Но у меня такое доверие к тебе и к твоим правилам, и я верю, что ты как человек, не только достойный по благородному своему происхождению, не только обладающий возвышенным разумом, но посвященный во многие таинства, в совершенстве умеешь хранить святую верность молчания. Итак то, что я доверю глубине твоего богобоязненного сердца, навеки запертым там на дне береги и за простоту моего признания награди меня крепостью своего молчания, потому что любовь, которую я к тебе испытываю, побуждает меня рассказать тебе то, что одной мне на свете известно. Сейчас узнаешь, в каком положении наш дом, сейчас узнаешь удивительные тайны моей хозяйки, посредством которых она заставляет слушать себя души усопших, изменяет течение светил, принуждает богов и держит в рабстве стихии. Но никогда она не прибегает так усердно к этому искусству, как когда заглянется на изящную фигурку какогонибудь молодого человека, что с ней случается довольно часто.

16. Вот и теперь она без памяти влюблена в некоего беотийского юношу замечательной красоты и с жаром пускает в ход все возможности своего искусства, все ухищрения. Вечером я слышала,—продолжает,—своими ушами слышала, как она само солнце грозила ввергнуть в облачный мрак и вечную темноту, если оно не ускорит своего ухода с неба и не поспешит

уступить место ночи для исполнения магических обрядов. Вчерашний день, возвращаясь из бани, увидела она случайно, что этот юноша сидит в цырюльне, и сейчас же велела мне потихонечку унести волосы его, которые после стрижки валялись на полу. Покуда я их торопилась украдкой подобрать, поймал меня цырюльник, а так как о нас ходит дурная слава, что мы занимаемся злым чародейством, то, схватив меня, он безжалостно закричал:— что же ты, дрянь, не бросишь волосы от порядочных молодых людей таскать? Если сейчас же не перестанешь эти пакости делать, без разговоров отправлю тебя к подлежащим властям!— За этим словом последовало и дело, запустив руку глубоко мне за пазуху и шаря там, он уже вытащил в гневе спрятанные волосы. Глубоко огорченная таким поступком и вспомнив характер своей госпожи, которая при подобного рода неудачах обыкновенно сильно расстраивается и очень часто бьет меня, я подумывала было о бегстве, но мысль о тебе сейчас же заставила меня бросить это намерение.

17. Когда я все таки пошла домой, озабоченная, как я вернусь с пустыми руками, вижу, что какой то человек стрижет маленькими ножницами шерсть на козых мехах; я заметила, что он их крепко связывает в пучки, раздувает и потом развешивает, а также и то, что по желтоватому цвету они совершенно похожи на волосы того молодого беотийца, что валялись на полу, потому я уношу несколько пучков и скрыв правду, передаю их своей госпоже. Итак с наступлением ночи, перед тем как тебе вер-

нуться с ужина, моя Памфила, вне себя от нетерпения, подымается в чердачное помещение с другой стороны здания, ничем не защищенное от ветров, открытое на все, на восточную и прочие стороны горизонта, в помещенье, которое она больше всего ценила, как удобнее для этих ее занятий. Прежде всего она располагает в заведенном порядке принадлежности зловещего своего дела: всякого рода ароматы, клинки с непонятными надписями и уцелевшие обломки погибших кораблей, разложенные в большом количестве части оплаканных и даже погребенных покойников, там ноздри и пальцы, там гвозди от крестов с приставшим мясом, в другом месте кровь, сохраненная после убийства, и сломанные черепа, вырванные из пасти диких зверей.

18. Тут, произнеся заклинания над еще трепещущими внутренностями, она возливает различные жидкости, то воду ключевую, то молоко коровье, то горный мед, возливает и сыту. Затем волосы эти, сплетя между собою в узлы и завязав, она кладет на горячие угли, куда уже положено было множество ароматов, для того чтобы сжечь их. Тотчас же по необоримой силе магического искусства и по таинственной власти призываемых божеств тела те, чьи волосы трещая дымились, оживают, обратившись в человеческие, и чувствуют, и слышат, и двигаются, и привлеченные запахом паленых своих останков, приходят сюда, и, желая войти вместо того беотийского юноши, ломятся в двери: вдруг являешься ты, полный винных паров, сбитый с толку мраком неожиданной ночи и храбро обнажив меч,

вооруженный наподобие бесноватого Аякса, не разгоняешь по его примеру целое стадо, напав на живой скот, но гораздо доблестнее лишаешь жизни три надутых козых бурдюка, так что в объятиях у меня находится сразивший врагов без единой капли крови не человекоубийца, а мехоубийца.

19. Милою этой беседой Фотидиной и сам развеселившись, говорю я: — так значит и сам я могу первое это доказательство моей доблести считать за один из двенадцати подвигов Геркулеса и по числу уничтоженных бурдюков сравнивать его с победой над трехтелым Герионом или трехглавым Цербером. Но для того, чтобы я от души простил тебя за твой проступок, навлекший на меня столько неприятностей, исполни заветнейшее мое желание и покажи мне хоть отчасти, как твоя хозяйка занимается этой божественной наукой, чтобы мне посмотреть, как она призывает богов, как делает все приготовления, потому что я до всего, что касается магии, страстный охотник. Впрочем, ты и сама мне кажешься в этих делах не новичком, а человеком опытным. Знаю это и отлично чувствую, ведь я всегда бежал от женских объятий, а ты меня этими сверкающими глазками, румяными щечками, блестящими кудрями, сочными поцелуйчиками и душистыми грудками забрала в неволю и форменного во мне имеешь раба. Я уже и к домашнему очагу не стремлюсь, и к отъезду не делаю приготовлений, и такой вот ночи ни на что не променяю.

20. Как бы я хотела, — отвечает она, — исполнить, Лудий, то, что ты желаешь, но, не говоря

уже о подозрительном ее характере, такого рода потаенными вещами занимается она обыкновенно в полном уединении, недоступная ничьим взорам. Но с опасностью для себя я буду иметь в виду твою просьбу и, заметив первый удобный случай, постараюсь исполнить ее при одном, конечно, условии, как я сказала вначале, что прежде всего я буду вполне уверена, что ты верно будешь сохранять молчание о столь важном деле.

Пока мы так щебетали, у обоих в душе и теле проснулось желание. Сбросив все одежды, раздевшись до нага, мы предались восторгам Венеры; при этом, когда я уже утомился, Фотида по собственной щедрости подарила меня отроческой надбавкой; глаза наши от бдения сделались томными и напавшее забытие продержало нас до белого дня.

21. Немного провели мы сладостных ночей в таком же роде, как вдруг в один прекрасный день прибегает ко мне взволнованная. вся в трепете Фотида и докладывает, что госпожа ее, которой никакие чары до сих пор не оказали помощи в ее любовных делах, сегодня ночью будет обращаться в птицу и в таком виде полетит к своему желанному. Итак пусть я сам как следует приготовлюсь для наблюдения за столь редкой вещью. И действительно, около первой стражи ночи она на дыпочках неслышными шагами провела меня к тому чердачному покою и велела смотреть через какую то дверную щелку. А происходило дело так. Прежде всего Памфила сняла с себя все одежды, и открыв какую то шкатулку, вынула оттуда множество ящичков,

сняла крышку с одного из них и, добыв оттуда мази, сначала долго натираала себе ладони, потом сама смазалась от головы до пят и долгое время шептала что то над фонарем и затряслась сильно всеми членами. Их покрывает нежный легко раздувающийся пушок, вырастают и крепкие перья, нос удлиняется в клюв, появляются кривые когти. Памфила обратилась в сову. Испустив жалобный крик и попробовав полетать немного над землей, вскоре поднявшись вверх, распутив оба крыла, улетает она из дому.

22. Но она-то по доброй воле силою магического своего искусства переменяла свой образ, а я, никаким заклятием не зачарованный, только окаменев от удивления перед только что происшедшим, походил на что угодно, только не на Лудия; почти лишившись чувств, ошеломленный до потери рассудка, видя сны на яву, я долго протираю глаза, чтобы убедиться—сплю я или бодрствую. Наконец, вернувшись к сознанию действительности, схватываю руку Фотиды и, поднося ее к своим глазам, говорю:—не откажи, пока случай нам благоприятствует, дать мне великое оказательство исключительного твоего расположения и удели мне немного этого масла, заклинаю тебя твоими грудками, медовенькая моя, и неоплатным этим благодеянием так накрепко раба своего к себе привяжи, и так устрой, чтобы я у тебя при своей Венере находился как Купидон крылатый.

— Скажите, пожалуйста, — говорит, — какой хитрец у меня любовничек, хочет, чтобы я сама себе для ног палку приготовила! И так-то я тебя беззащитного с трудом оберегаю от Фес-

салийских девок; а тут станешь птицей, где я тебя найду? поминай, как звали!

23. Да спасут меня небожители от такого преступления,—говорю,—чтобы я, будь я самим орлом и облетай высокими полетами все небо, как испытанный вестник или веселящийся перуноносец высшего Юпитера, все таки не прилетел вдруг в свое гнездышко после таких крылатых подвигов. Клянусь этим сладким завиточком твоих локонов, которым разум мой ты опутала, что нет никого на свете, кого бы я предпочел моей Фотиде. Вот еще что мне сейчас пришло в голову: раз от этой мази я обращаюсь в подобную птицу, мне придется избегать близости жилых помещений. Какую прибыль могут иметь матроны от такого красивого и такого веселого любовника, как сова? Мы часто видим, что ночных этих птиц, если они залетят в чейнибудь дом, усердно ловят и пригвозждают к дверям, чтобы зловещее предвестие полетами своими для семьи искупала она мучениями. Но вот о чем я совсем позабыл спросить: что надо произнести или сделать, чтобы, сбросив это оперение, я снова мог сделаться сам собою, Луцием?

— На счет этого не беспокойся,—сказала,— мне госпожа подробно объяснила, как можно из животных снова обращаться в человеческий вид. Не думай, что она сделала это из какогонибудь особенного расположения ко мне, она хотела, чтобы, когда она возвращается домой, я могла оказывать ей необходимую помощь. В конце-концов смотри, какими простыми и ничтожными травками достигается такая важная

вещь: немного укропа и лавровых листьев, разведенных в ключевой воде; пользуются этим как в виде умыванья, так и в виде питья.

24. Повторив это наставление несколько раз, она вся в трепете бросилась в комнату и вынула из шкатулки ящичек. Схватив его и облобызав, раньше чем произнести воззвание, чтобы он соблаговолил дать мне счастливые полеты, я сбрасываю с себя все одежды и жадно запустив в него руку, забрав порядочно мази, натираю ею члены моего тела. И уже поочередно махая руками и стараясь сохранить равновесие, я подражаю движениям птицы — но никакого пуха, ни одного перышка, только волосы мои утолщаются до шерсти, нежность кожи моей грубеет до шкуры, да на конечностях моих все пальцы, потеряв разделение, соединяются в одно копыто, да из конца спинного хребта вырастает большой хвост. Уж лицо огромно, рот до ушей, и ноздри открылись и губы висят, к тому же и уши несоразмерно вытягиваются кверху, покрытые шерстью. И ничего утешительного в злосчастном превращении моем я не видел, если не считать того, что мужское естество мое увеличилось, хотя я и был лишен возможности обладать Фотидой.

25. И пока без всякой надежды на спасение осматриваю я все части моего тела и вижу себя не птицей, а ослом, желая пожаловаться на происшедшее Фотиде, но уже лишенный человеческих движений, как и голоса, делал я единственное что мог: вытянув нижнюю губу и искоса посматривая увлажненными все таки глазами, молча взывал к ней. Та же, как только

увидела меня к такому виде, безжалостно ударила по лицу себя руками и воскликнула:—погибла я, несчастная! Волнение мое и торопливость заставили меня ошибиться, ввело в заблуждение и сходство коробочек. Хорошо еще, что средство против такого превращения под рукою. Ведь стоит только пожевать тебе розы,—и сбросишь вид осла и тотчас снова обратишься в моего Лудия. Почему я с вечера, по своему обыкновению, не припасла сколько нибудь гирлянд,—тебе бы и ночи одной не пришлось ждать! Но чуть начнет светать я поспешу к тебе с лекарством.

26. Так она горевала, я же, хотя и сделался заправским ослом и из Лудия обратился в выючное животное, тем не менее сохранял человеческое соображение. Итак я долго и основательно раздумывал, не следует ли мне забить ударами твердых копыт или закусать до смерти эту негоднейшую и преступнейшую женщину. Но от безрассудного этого замысла удержало меня более здравое рассуждение, а именно, что, обрекая Фотиду на смерть, я тем самым уничтожаю для себя возможность спасительной помощи. Итак, опустив трясущуюся морду и временно молча перенося обиду, покорствую я жестокой моей беде и отправляюсь к моей лошади, верному моему слуге, в конюшню, где нашел поставленным еще другого осла, принадлежащего Милону, бывшему моему хозяину. И я полагал, что, если существуют между бессловесными животными какие нибудь тайные и природные обязательства чести, то лошадь моя, побуждаемая знакомством и некоторым состраданием, должна будет оказать

мне гостеприимство и уступить лучшее место. Но, о Юпитер странноприимный, о божество верности святым обетам! Преславный конь мой вместе с ослом сдвинули морды вместе, сговариваясь погубить меня, конечно, боясь за свой корм, едва только увидели, что я приближаюсь к яслям; прижав уши от ярости, принялись они лягать меня. И отогнан я был прочь от ячменя, который вчера собственными руками насыпал этому благодарнейшему из слуг.

27. Так то, обиженный и отогнанный в уединение, отхожу я в угол конюшни. Покуда размышляю и о наглости моих товарищей и придумываю, как на следующий день, превратившись с помощью роз снова в Луция, возьму я на неверном коне моем, вдруг вижу на среднем столбе, который поддерживал конюшенные балки, по самой почти середине изображение богини Эпоны, поставленное в киотике и заботливо украшенное совсем свежими гирляндами из роз. Признав средство к спасению, окрыленный надеждой, оперся я, насколько мог, вытянутыми передними ногами, крепко встал на задние и, подняв шею, вытянув губы, со всевозможным усилием старался добраться до гирлянд. Но на мое несчастье слуга мой, которому поручен был постоянный уход за лошадью, неожиданно заметив это, вскочил возмущенный. — Долго еще, говорит, будем мы терпеть эту клячу? только что корм у скота отнимал, а затем уже за изображение богов принялся. Я тебя, святотатец, так отделаю, что захромаешь у меня, заковылаешь — и сейчас же принялся искать, чем бы меня отколотить; под руку попалась ему связка

поленьев, случайно лежавшая здесь, выбрав орясину покрупнее других, еще покрытую листьями, он принялся лупить меня несчастного и прекратил бы не скоро, если бы не раздался страшный шум, в двери начали стучаться, поднялось волнение, крики, что по соседству разбойники, и он, со страху, не убежал.

28. Не прошло и минуты, как шайка разбойников, выломав ворота, все собой наполнила, и все помещения окружены были вооруженными группами, которые оказывали сопротивление всем прибегавшим с разных сторон на помощь. У всех в руках мечи и факелы; оружие и пламя сверкают как восходящее солнце. Тут некую кладовую, на крепкие запоры закрытую и запертую, выстроенную посреди домовых построек и наполненную Милоновыми сокровищами, ударами крепких топоров взламывают. Открыв ее со всех сторон, они второпях вытаскивают все добро и, завязав в отдельные узлы, делят на части. Но количество поклажи превышает число носильщиков. Тут доведенные до крайности обилием богатства, они выводят из конюшни нас, двух ослов и мою лошадь, навьючивают на нас как можно больше мешков потяжелее и, обобрав дочиста дом, погоняют нас палками вон; и оставя одного из своих товарищей для наблюдения, чтобы он донес им о последствиях преступления, осыпав нас ударами, они быстро гонят в горы по непроходимым дорогам.

29. Я был ни жив, ни мертв от тяжести такой поклажи и от продолжительного пути в гору по отвесному подъему. Тут мне поздно, но всерьез, пришлось в голову обратиться к обще-

ственной помощи и, сославшись на почитаемое имя императора, освободиться от стольких невзгод. Наконец, когда уже совсем днем мы шли через какое то довольно населенное село, где по случаю базарного дня было большое скопление народа, я в самой гуще попытался воззвать к имени божественного цезаря на своем родном греческом языке; но возгласил только громко и отчетливо *О*, а остальных букв из цезарского имени не мог произнести. Разбойники, не поняв значения моего дикого крика, принялись дубасить мою несчастную шкуру, пока не измочалили ее в решето. Тем не менее сам Юпитер послал мне неожиданное спасение. Пока мы проезжали мимо многих деревушек и больших усадеб, заметил я какой то прелестный садик, где меж других приятных растений цвел куст с розовыми бутонами, влажный от утренней росы. Зарясь на них и окрыленный радостной надеждой на избавление, я приблизился к ним и стал тянуться, шевеля влажными губами, как вдруг меня остановило более здравое опасение, что, если я вдруг сейчас из осла превращусь в Луция, гибель моя от рук разбойников неизбежна, так как они или заподозрят во мне колдуна, или побоятся, что я донесу на их преступление. Итак, в силу необходимости, покуда я воздержался от роз и, принимая настоящее положение вещей, пощипал, в качестве осла, сенца.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

РЕМЯ приближалось к полудню и солнце пекло уже неистово, когда мы завернули в одной деревне к каким то старым людям, водившим с разбойниками знакомство и дружбу. Хотя я был и осел, мне это сделалось ясным из того, как их встретили, из бесконечных разговоров и взаимных лобзаний. Действительно, сняв с моей спины кое какую поклажу, они ее им подарили, и таинственным перешептыванием повидимому объясняли, что это их часть в разбойничьей добыче. Вскоре нас облегчили от всех навьюченных мешков и отвели свободно пастись на соседний луг, но разделять пастбище в одном стаде с ослом или моею лошадью не могло особенно привлекать меня, не совсем еще привыкшего иметь на завтрак сено. Но, погибая от голода, я смело отправляюсь в замеченный мной сейчас же за хлебом садик, там досыта, хотя и сырыми овощами, набиваю желудок и, призвав на помощь всех богов, осматриваюсь повсюду по сторонам, не увижу ли я где нибудь в смежных садах прекрасного куста роз. Сама уединенность места внушила мне благую уверен-

ность, что в одиночестве, закрытый кустарником, приняв лекарство, из согбенного положения четырехногого вьючного животного, никем не наблюдаемый, восстану я снова, выпрямившись, человеком.

2. Итак, пока я плавал в море этих соображений, вижу немного подальше тенистую долинку с густою рощей, где посреди разных растений и веселой зелени выделялся алый цвет сверкающих роз. Уже считаю я в своем, не совсем еще озверевшем, сердце, что Венере и Грациям посвящена эта чаща, где среди темной кущи сияет царственный блеск праздничного цветка. Тут, воззвав к радостной и благоприятной Удаче, пускаюсь я полным галопом, так что, клянусь Геркулесом, чувствовал я себя не ослом, а по необыкновенной скорости заправским беговым скакуном. Но проворной и знатной этой попытке не удалось переспорить жестокость ко мне судьбы. Приблизившись уже к месту, не нахожу тех нежных и приятных роз, томных от росы и сладкого сока, порождаемых блаженными божественными колючими кустами, да и никакой долинки, а вижу только край речного берега, поросшего частыми деревьями. Деревья эти, покрытые густо листьями, вроде лавров, производят, наподобие душистых цветов, удлиненные чашечки умеренно алого цвета, которые, несмотря на слабый запах, неученые крестьяне по деревенски называют лавровыми розами и вкушение которых смертельно для всякого животного.

3. Измученный такой неудачей, отказавшись от всякой надежды на спасение, я добровольно

стараюсь дотянуться до этих ядовитых роз. Но куда я не спеша приступаю к этому, какой то юноша, как мне казалось садовник, чьи овощи я только что все изничтожил, узнав о такой потраве, прибежал в ярости с большой палкой и, набросившись на меня, начал дубасить так, что наверно заколотил бы до смерти, если бы я не нашелся сам себе оказать помощь. Подняв круп наверх и начав лягаться задними ногами, так что тот от сильных ударов свалился на косогор, я спасаюсь бегством. Но тут какая-то женщина, повидимому жена его, как только увидела с горы, что он повержен на землю и еле жив, сейчас же бросилась к нему с жалобными причитаниями, очевидно желая возбудить к себе сострадание для того, чтобы погубить меня. Именно все деревенские жители, сбежавшись на ее вопли, сзывают собак и всячески науськивают их, чтобы они, разъярившись, бросились на меня и разорвали меня в клочья. Тут уж я был уверен, что смерть недалеко, как увидел выпущенных на меня псов, таких огромных и в таком количестве, что с ними можно было бы на медведей и львов выходить; в виду таких обстоятельств, я, решивши отбросить мысль о бегстве, скорой рысью иду обратно и направляюсь к конюшне, где мы были поставлены. Тут они, с трудом удерживая собак, поймали меня и, привязав крепким ремнем к какому то кольцу, снова до смерти заколотили бы, если бы желудок мой, переполненный сырыми овощами и испытывающий боль от неровного прохождения по кишкам липкого кала, на время от ударов съезжившийся, вдруг из приведенного

в движение крупа не выпустил содержимого и не отогнал их от моих пострадавших лопаток, одних с самого же начала жидкостью обрызгав, остальных зловонным запахом обдав.

4. Немного погодя, когда солнце после полудня снова уже стало склоняться к закату, наши разбойники, навьючив на нас, особенно на меня, гораздо более тяжелую поклажу, выводят нас из конюшни. Когда была уже пройдена добрая часть пути, утомленный продолжительностью перехода, изнемогая под тяжестью груза, усталый от палочных ударов, сбив себе все копыта, хромая, шатаясь, дошел я до какой то медленно змеившейся речки, как вдруг в голову мне пришла счастливая мысль воспользоваться удобным случаем, осторожно подогнуть колени и опуститься на землю с упорным намерением не вставать и не идти дальше, несмотря ни на какие удары, хотя бы вместо палок мне пришлось подвергнуться ударам ножа. Конечно, я полуживой и слабый получу заслуженную отставку, как инвалид, и разбойники, отчасти чтобы не задерживаться, отчасти чтобы ускорить свое бегство, распределят мою поклажу на двух других вьючников, а меня в виде высшего наказания оставят в добычу волкам и коршунам.

5. Но столь прекрасному плану моему противустала злосчастная судьба. Другой осел, угадав и предвосхитив мою мысль, вдруг от притворной усталости со всеми пожитками рухается наземь, и лежит там как мертвый, так что чем его ни толкали, палками, погонялками, как ни таскали во все стороны, за хвост, за уши, за ноги, поднять его никак не могли; тогда, потеряв по-

следнюю надежду, они поговаривали между собою, что не стоит, взясь с мертвым, вроде как с окаменелым, ослом, терять время, необходимое для бегства, распределили мешки его на меня и на другую лошадь, а его, надрезав ему все поджилки обнаженным мечом, стащили немного с дороги и с высокого обрыва в соседнюю долину, еще не потерявшего дыхания, низвергают. Пораздумав над участью несчастного моего товарища, решил я, отбросив всякие хитрости и обманы, служить хозяевам, как добронравный осел. Тем более, что из их разговоров между собою я понял, что скоро будет нам стоянка и всему пути спокойный конец, так как там находится их постоянное местопребывание. Перехав через некрутой подъем, наконец мы и прибыли к месту назначения; там сняли с нас всю поклажу и спрятали внутрь, я же, освобожденный от тяжести, вместо купанья принялся кататься по пыли, чтобы отдохнуть от усталости.

6. Подходящее время и обстоятельства побуждают сделать описание пещеры, где обитали разбойники. Одновременно подвергну испытанию свое уменье и вас заставлю ясно почувствовать, был ли я осел по уму и чувствам. Перед нами находилась ужасная гора, одна из самых высоких, поросшая тенистыми лесными чащами. Ее извилистые склоны, окруженные острыми и неприступными поэтому скалами, обвивают со всех сторон в виде естественного укрепления, глубокие ущелья с провалами, заросшие сплошь кустарником. Берущий свое начало на самой вершине, бурливый и пенистый источник, стекая вниз, нес серебристые волны, уже разделенные

на множество ручейков, и, орошая ущелья эти, снова соединял свои воды в стоячие водяные пространства вроде ограниченного берегами моря или медленной реки. Против пещеры, там, где был пролет между горами, высилась огромная башня; окружал ее палисад из крепкого плетня, удобный для загона скота, с заходами в обе стороны; против входа стены тесно примыкали одна к другой, образуя узкий проход. Вот, скажешь, бьюсь об заклад, настоящий разбойничий атриум. И кругом никакого жилья, кроме маленькой хижины, грубо покрытой тростником, где, как потом я узнал, дозорные из числа разбойников, выбираемые по жребию, караулили по ночам*.

7. Пролезши через эту лазейку, сжавшись всем телом и привязав нас у самых дверей на крепкий ремень, разбойники с бранью набросились на какую то скрюченную от тяжести лет старуху, исключительно на чьей обязанности лежали, повидимому, заботы о попеченье о такой ораве парней.—Ну ты, покойник непогребенный, которого земля и не носит и в себя не берет, так то ты нас ублажаешь, сидя дома без дела? После таких трудов и опасностей не все еще готово нам для отдыха? Только ей и занятия, что денно и ночью ненасытную свою утробу неразбавленным вином с жадностью наливать!—Дрожа от страха, пронзительным голосячком старуха отвечает:—да для вас, молодчики мои, верные, кормильцы мои молоденькие, все вареное и жареное в пору доспело, готово, хлеба вволю, вино до краев в перетертые чаши налито и сейчас же, как всегда, и горячая вода для мытья на скорую руку приготовлена,

После таких слов они сейчас же раздеваются, и, пропотев голыми перед большим огнем, обмывшись горячей водой и натеревшись маслом, садятся за столы, в изобилии приготовленные для пиршества.

8. Только что они расположились, как вдруг приходит другая партия, еще более многочисленная, парней, в которых ни минуты не сомневаясь можно было узнать таких же разбойников. И эти тоже приволокли добычу из золотых и серебряных монет, посуды и шелковых одежд, затканых золотом. И эти, освежившись теплым купаньем, занимают места на ложах среди товарищей, а прислуживанье за столом распределяется по жребию. Естся и пьется без всякого толка, кушанье целыми кусками, хлеба крахмами, вино ведрами. Не забава — крик, не пение — оранье, не шутки — сквернословье, и вообще все похоже на фиванских Лапитов полузверских и кентавров*. Подымается тут один из них, превосходивший остальных крепким телосложением, и говорит:—здорово мы разнесли дом Милона Гипатского. Не только множество добра доблестью нашей добыли, но и из строя у нас никто не выбыл, а лучше того даже четырьмя парами ног больше нас стало, как мы домой пришли. А вы, что в беотийские города на промысел ходили, вернулись пощипанными, потеряв храбрейшего атамана самого вашего Ламаха, за жизнь которого смело я отдал бы те тюки, что вы приволокли. Как никак, собственная отвага его погубила: прославляться должна память о таких знаменитых бойцах и вояках. А вам, мелким ворышкам на ничтожные

домашние кражи, только бы трусливо по баням да старушечьим каморкам шарить, как тряпичникам.

9. Один из тех, что пришли позднее, возражает:—что ж, ты один не знаешь, что чем богаче дом, тем легче его разграбить? Хотя там и много челяди находится в просторных покоях, но каждый больше о своем спасении, чем о хозяйском добре думает. Экономные же и одинокие люди маленькое, а иногда и вовсе не маленькое свое имущество запрятывают далеко, стерегут крепко и с опасностью для жизни защищают. Слова мои могу подтвердить примером. Как только пришли мы в семивратные Фивы, сейчас же, как по нашему ремеслу полагается, стали наводить справки, кто есть среди жителей богатые люди; не укрылся от нас некий меняла Хризерос, обладатель большого богатства, который во избежание налогов и повинностей общественных всякими хитростями имущество свое скрывал. Одним словом, запершись один одишенок в маленьком, но с крепкими запорами, домишке, оборванный, грязный, сидел он на своих мешках с золотом. Привлекло нас на него первого и сделать налет, так как, ни во что считая сопротивление одного человека, полагали мы, что без всяких хлопот, просто, завладеем всем его богатством.

10. Без промедления, как только стемнело, стали мы караулить у его дверей; снять их с петель, сдвинуть, взломать нам не годилось, так как двери двойные и стук перебудил бы всех соседей нам на беду. Итак, главарь наш, бесплодный Ламах, полагаясь на испытанную свою

доблесть, осторожно просовывает руку в отверстие, куда вкладывают ключ, и старается отодвинуть засов. Но Хризерос, негоднейший из двуногих, давно уже не спал и слышал все, что происходит; упорно храня молчание, неслышными шагами потихоньку подкрался он и руку вожака нашего неожиданным ударом большого гвоздя накрепко приколотил к дверной доске, потом, оставив его пригвожденным как бы у позорного столба, сам вылез на крышу своей лачуги, а оттуда не своим голосом начал кричать к защите всех соседей, называя каждого по имени, и призывать к защите от общей опасности, распуская слух, что внезапный пожар охватил его дом. Тут каждый, испугавшись близкой опасности, впопыхах прибегает на помощь.

11. Очутившись тут в двойной опасности, или всем погибнуть, или кинуть товарища, мы с его согласия придумали решительное средство, вызванное обстоятельствами. Уверенным ударом посредине связок отрубив совершенно руку нашему главарю в том месте, где она соединяется с плечом, и заткнув рану кучей тряпок, чтобы капли крови не выдали наших следов, мы оставили обрубок, где он был, а остальное тело Ламаха проворно увлекли за собою. Пока мы трепетали от священного ужаса, пока устрашались сильного шума и настоящей опасности, муж этот возвышенный, исполненный духа и доблести, видя, что и следовать в бегстве за нами не может и оставаться ему не безопасно, усердно нас убеждает, усердно молит, заклиная Марсовой десницей, верностью слова, освободить товарища

по оружию от мук и от плена. Да и как может жить хороший разбойник, лишившись руки, что одна и режет и грабит? За счастье почел бы он пасть добровольно от товарищеской руки. Не будучи в состоянии никого из наших угловорами своими побудить к добровольному отцеубийству, обнажил он оставшейся рукою свой меч, долго его целовал и сильным ударом вонзил себе в самую середину груди. Тут мы, почтив мужество великодушного вождя нашего, обвили старательно останки его тела полотняной плащаницей и предали на сокрытие морю. Ныне покоится Ламах наш погребенный всею стихиею.

12. Так он обрел кончину достойную своей доблестной жизни. А Алдим вот не мог ничего поделать, несмотря на изобретательность, с жестокой волей судьбы. Забрался он, взломав избенку, в спальню в верхнем этаже к одной старухе и вместо того, чтобы первым делом укокошить ее, свернув шею, начал из широкого окна наружу выбрасывать нам ее пожитки одну вещь за другой, чтобы мы подбирали. Перебросав лихо все пожитки, он не захотел дать спуску и постели лежавшей старушонки; итак, вытряхнув ее из кровати и вытащив из под нее простыни, тем же путем намеревался их отправить, как негодница эта, ухватив его за колени, взмолилась:—что ты, сынок, молю тебя, зачем ты жалкое тряпье и хлам несчастной старухи отдаешь богачам соседям, на чей двор это окно выходит?—Обманутый хитрою и притворною речью, Алдим поверил сказанному и боясь, как бы выброшенное им прежде и то, что он собирался выбросить, попало не в руки его товари-

щей, а в чужой дом, во избежание ошибки, высунулся из окна и стал все внимательно осматривать, особенно стараясь определить, так ли зажиточны соседи, как говорила старуха. Пока он так смотрел, ничего не думая, старуха эта пакостная, хоть и увечная была, быстрым и неожиданным толчком его, не соблюдавшего равновесия, находящегося на весу и углубленного в осмотр, спихнула вниз головою. Кроме того, что высота была значительная, да и падая угодила она на лежавший подле большущий камень, так что переломал себе вдребезги ребра и, выблевывая потоки крови, рассказал нам, что произошло, и, недолго мучаясь, расстался с жизнью. По примеру первого погребения мы и этого послали вслед за Ламахом*.

13. Осиротев от двух этих ударов и отказавшись попытать свое счастье в Фивах, мы направляемся в соседний город Платею. Там мы услышали много толков о некоем Демохаре, собиравшемся устроить бой гладиаторов. Он был мужем из знатнейших по происхождению, богатейших по состоянию, отзывчивым по щедрости и старался, чтобы народное развлечение достойно было по блеску его богатству. У кого найдется столько выдумки, столько красноречия, чтобы в подобающих выражениях описать различные стороны сложных приготовлений? Самые знаменитые по силе гладиаторы, испытанного проворства охотники, с другой стороны преступники, осужденные на смерть, уготованные для выкормки диких зверей; штучные деревянные машины, башни, построенные из досок наподобие подвижного дома, украшенные свежою

живописью—великолепное вместилище для предстоящей охоты. К тому же какое множество, какое разнообразие зверей! Он специально позаботился издалека привести их на щедрые похороны осужденных преступников. Но из всех подготовок к роскошному зрелищу, больше всего поражало необыкновенное количество огромных медведей, которых он собрал не жалея затрат, откуда только мог. Не считая тех, что захвачены были на его собственных охотах, не считая тех, что он покупал за хорошую цену, еще и друзья наперерыв дарили ему медведей различных мастей, и всех он тщательно кормил при пышном уходе*.

14. Но столь славное, столь блестящее приготовление к общественному развлечению не укрылось от пагубного ока Зависти. Утомленные долгим заточением, к тому же измученные летним зноем, впавши в томность от продолжительной неподвижности и неожиданно пораженные заразной болезнью, медведи пали один за другим, так что число их свелось на ничто. По очень многим площадям можно было видеть, как валялись полуживые туши, следы этого звериного кораблекрушения. Тогда простой народ, темная нищета которого побуждает искать без разбора в пище и не совсем чистых подкреплений в виде дарового угощения своему отощавшему желудку, сбегается к повсюду валяющемуся провианту. В виду таких обстоятельств у меня и славного нашего Бабула явился такой тонкий план. Мы уносим к себе в убежище как будто для приготовления пищи одну из самых больших туш, очистив аккуратно шкуру от мяса, сохранив в целости

когти, и самую голову зверя не отделяя от туловища, кожу всю выскребываем старательно и, посыпав мелкой золою, вытаскиваем на солнце для сушки. Пока кожа дубится от природного жара, мы тем временем до отвалу насыщаемся мясом и так распределяем посты в предстоящем деле, чтобы один из нашего числа, превосходящий других не столько телесною силой, сколько мужеством духа, к тому же совершенно по доброй воле, покрывшись этой шкурой, уподобился медведице и будучи нами принесен в дом к Демохару, устроил нам, при благоприятном ночном безмолвии, свободный доступ через его двери.

15. Немало нашлось смельчаков из храброй шайки, которых привлекло исполнение этой искусной затеи, но общим голосованием из них другим предпочтен был Фразилеон, ему достался жребий на рискованное это предприятие. Вот он скрылся с веселым лицом в шкуру, которая сделалась мягкой и гибкой. Тут самые края зашиваем мы тонкою бечевкой и чтобы не видно было шва от зашивки, хотя и без того он был еле заметен, напускаем на него густой мех со всех сторон; у самой шеи, откуда перерезана была голова зверя, не без труда втиснули мы голову Фразилеона, проделали отверстия для дыхания против ноздрей и против глаз и посадили храбрейшего нашего товарища, сделавшегося сущим животным, в клетку, купленную нами заранее по дешевке, куда он, не теряя присутствия духа, сам быстро вскочил. Окончив таким образом предварительные подготовки, мы занялись дальнейшим выполнением проделки.

16. Откопавши имя некоего Никанора, который, исходя родом из Фракии, был связан священными узами дружбы с вышеупомянутым Демохаром, мы состряпали от его имени письмо, будто бы верный друг этот посылает первинки своей охоты в подарок для украшения празднества. Дождавшись, когда достаточно смеркнется, под прикрытием мрака мы доставили Демохару клетку с Фразилеоном и наше подложное письмо; удивленный величиною зверя и обрадованный щедростью своего товарища, пришедшейся очень во время, прежде всего отдает он приказ отчитать нам, посредникам в столь радостном деле, десять золотых по своей щедрости из своей казны. Так как всякая новинка возбуждает в людях желание посмотреть на неожиданное зрелище, то сбегалось большое количество любопытных поглазеть на зверя, но наш Фразилеон угрожающими движениями довольно ловко неоднократно удерживал толпу в отдалении; минутно раздавались возгласы: какое счастье и удача для Демохара, что после такого падежа на животных, с новой этой доставкой он опять до известной степени может спорить с судьбою, и наконец он отдает приказ отправить со всевозможным тщанием зверя сейчас же на свои, находящиеся под паром, земли. Тут я вмешаюсь.

17. Остерегись, — говорю, — господин, усталое от солнечного зноя и дальнего пути животное отсылать в стадо ко многим зверям, к тому же, как я слышал, не вполне здоровым. Не лучше ли здесь около дома найти для него место, достаточно обширное, где бы было много

воздуху, еще лучше по соседству с каким нибудь прудом, прохладное? Разве ты не знаешь, что эта порода всегда живет близ чистых рощ, пещер сырых, приятных источников?

Испуганный такими доводами и без труда с ними согласившийся, вспомнив о многочисленных потерях, Демохар дает нам разрешение поставить клетку, где нам заблагорассудится. — Мы и сами, — продолжаю, — готовы по ночам спать при этой клетке, чтобы усталому от зноя и тряски животному и пищу во время, и питье, к которому он привык, как следует подавать.

— Для этой службы в вас нет никакой надобности, — он отвечает, — почти вся прислуга у меня, от давней привычки, знакома с уходом за медведями.

18. После этого мы откланялись и ушли. Выйдя за городские ворота, видим мы какую-то усыпальницу, расположенную в стороне от дороги в уединенном месте. Там вскрыли мы наудачу, как вместилище будущей нашей добычи, несколько саркофагов, полуразвалившихся от времени и ветхости, где покоились истлевшие и уже в прах обратившиеся тела усопших; затем, по заведенному в нашей шайке обычаю, выждав время ночи, когда не бывает луны, когда первый сон крепко овладевает и держит в своей власти сердца смертных, выстроили наш отряд, вооруженный мечами, как бы высланный по повестке для грабежа, перед самыми воротами Демохара. Со своей стороны и Фразилеон, по положению улучив воровской час в ночи, вышел из клетки, сейчас же всех до единого убивает мечом сторожей, находящихся по бли-

зости и объятых сном, наконец самого привратника, и, вытащив ключ, распахивает ворота и указывает нам, быстро ворвавшимся и наполнившим внутренность дома, на кладовку, куда спрятано было, как он с вечера предусмотрительно заметил, множество денег. Как только общими усилиями немедленно ее взломали, я отдаю распоряжение, чтобы каждый из сотоварищей уносил, сколько сможет, золота и серебра, прятал его скорее у верных наших покойничков и со всех ног возвращался за следующей порцией; я же для общего блага должен был один остаться у ворот и за всем тщательно наблюдать, пока те не вернутся. Самый вид медведицы, свободно ходящей посреди зданий, казалось, способен был навести страх, если бы кто из челяди оказался не спящим. Да и правда, как ни будь храбр и смел, а всякий, встретившись с такой звериной машиной, особенно ночью, сейчас бы пустился бежать и со страхом и дрожью заперся бы на засовы у себя в чулане.

19. Но всем этим правильным предположениям здравого рассуждения противустала жестокая неудача. Покуда я с нетерпением жду возвращения своих товарищей, какой то из самых последних рабов, обеспокоенный шумом или по наитию проснувшийся, осторожно вылез на двор и увидев, что зверь по всему помещению расхаживает свободно взад и вперед, не проронив ни слова, возвращается вспять и всем в доме рассказывает, что он видел. Не прошло и минуты, как весь дом наполнился челядью, которой было не малое количество. От факелов, ламп, воско-

вых свечей и сальных и прочих осветительных приспособлений, мрак рассеивается. И не с голыми руками вышла эта толпа, у кого что: с колыями, копьями, обнаженными наковнею мечами, становятся они охранять входы. Не забыли они пустить для загона зверя и свору охотничьих собак длинноухих, шерсть дыбом.

20. Шум все усиливался, и я помышляю уж обратно убежать во свояси, но спрятавшись за дверь смотрю, как Фразилеон чудесно отбивается от собак. Дошедший до последних минут жизни, не забыл он о своей, о нашей, о древней доблести, но защищался в самой пасти зияющей Цербера. Не бросая мужественно роли, добровольно на себя взятой, он то убегая, то защищаясь различными поворотами и движениями своего тела, продвигался вперед, так что наконец вышел из дому. Но и владея всем доступною свободою, не смог он в бегстве найти спасенья, так как все собаки из ближайшего переулка, достаточно свирепые и многочисленные, присоединяются к охотничьей своре, которая тоже сейчас же вырвалась из дому и помчалась в погоню. Какое печальное и зловещее зрелище предстало глазам моим! Фразилеон наш окружен сворой свирепых собак, захвачен, подвержен укусам, раздираем. Не будучи в состоянии выносить такой скорби, я вмешиваюсь в шумящую толпу народа, и единственно чем могу помочь, не выдавая себя, славному товарищу,—обращаюсь к начальникам облавы с такими увещеваниями:—будет большим и крайним преступлением, если погубим мы такого огромного и поистине драгоценного зверя.

21. Но несчастнейшему юноше мало принесли пользы мои хитрые речи; выбегает из дому какой то здоровенный верзила и прямо под сердце поражает медведицу копьём, за ним другой, и наконец многие, оправившись от страха и подойдя поближе, наперерыв наносят раны мечом. Итак Фразилеон, честь и украшение шайки нашей, мог потерять свою жизнь, достойную бессмертия, но не утратив своего терпения, не выдав себя ни единым криком, ни единым воплем, и раздираемый уже зубами, пораженный оружием, отвечая на случившуюся беду, переносимую им с благородной стойкостью, лишь глухим воем, да звериным рычанием, отдал душу року, оставив после себя неуvidaемую славу. Однако он нагнал такой страх и такой ужас на все это сборище, что до рассвета, даже до бела дня не нашлось такого смельчака, который хотя бы пальцем дотронулся до уже поверженного зверя, пока наконец медленно и робко не подошел какой то немного осмелевший мясник и, взрезав брюхо медведицы, не обнаружил там доблестного разбойника. Так потерян был для нас Фразилеон, но не потерян для славы. Мы же немедленно увязав добычу, что сохранили верные наши покойнички, спешным маршем покинули Платейские пределы, и не раз приходило нам в голову, что не мудрено не найти в жизни этой никакой верности, когда она, гнушаясь коварством нашим, перекочевала к душам усопших и к покойникам. Вот, совершенно измучившись от тяжести поклажи и трудности пути, потеряв трех товарищей, приносим мы добычу, которую вы видите.

22. По окончании этой речи в память усопших соратников делают возлияние из золотых чаш неразбавленным вином, потом усладив себя несколькими песнями в честь Марса, немного успокаиваются. Что касается до нас, то знакомая наша, вышеупомянутая старуха, засыпала нам свежего ячменю не скупясь, свыше меры, так что добрый конь мой, получив всю эту массу в исключительное свое пользование, мог воображать себя на пышном пиру салийцев. Я же, который до сих пор признавал ячмень только мелко размолотым и хорошо разваренным, стал шарить по углам, где была свалена целая куча хлебных остатков от всей шайки, и пустил в ход свою глотку, уже запекшуюся от долгой голодовки и начавшую покрываться паутиной. Глубокою уже ночью разбойники проснулись, снимаются с места и, по разному обрядившись, кто вооружившись мечами, кто преобразившись в привидения, быстрым маршем удаляются. Я же продолжал настойчиво и жадно есть, так что даже одолевающий меня сон не мог меня оторвать от еды. Прежде, когда я был еще Луцием, удовлетворившись одним или двумя хлебцами, я вставал из за стола сытым, теперь же, при столь глубоком желудке, я жевал уже третью корзину. К моему удивлению белый день застал меня за этим занятием.

23. Наконец то, руководимый ослиной стыдливостью, но с трудом оторвавшись, утоляю я жажду в соседнем ручье. Не много прошло времени, как возвращаются и разбойники, необычайно обеспокоенные и озабоченные, не неся никакого узла, никакой, хотя бы ничтожной рух-

ляди, а приволакивают общими усилиями всей шайки со столькими мечами, столькими готовыми к делу руками, всего на всего одну девушку, благородного происхождения по чертам лица, судя по брачному наряду—высшего сословия, девицу, способную, клянусь Геркулесом, даже в таком осле, как я, возбудить желание, горюющую, рвущую на себе волосы и одежды *. Как только привели они ее в пещеру, стараясь уговорить ее, чтоб не так убивалась, обращаются они к ней с такою речью:—жизнь и честь твоя в безопасности; потерпи немного, дай нам извлечь свою выгоду; нищета принуждает нас к такому занятию. А родители твои, хоть и охочи до своих богатств, согласятся сейчас же из всей массы уделить малую толику на подобающий выкуп своего единокровного детища.

24. Но напрасно пытаются подобными рассказными утишить скорбь девушки. Куда там! Опустив голову на колени, плакала она без удержу. Тут они кликнули старуху и поручив ей сестрь рядом с девушкой и ласковым разговором какнибудь утешить ее, сами отправляются по делам своего ремесла. Но девушка, несмотря на все старухины увещевания, не только не переставала плакать, но все громче причитала, все чаще от рыданий сотрясалась грудь, так что меня даже прошибла слеза. А она так восклицает:—о я, несчастная, из такого дома, такого семейства, стольких слуг дорогих, столь драгоценных родителей лишенная, добыча грабежа злосчастливого, пленницей сделавшись, в каменную эту тюрьму как рабыня заключенная, со всеми утехами, на которые рождена была я, в которых воспитана,

разлученная, в жизни не уверенная, в вертепе убийственном, среди массы жестоких разбойников, среди толпы гладиаторов ужасных — как могу я прекратить свои слезы, как смогу я и жить дальше?—Окончив жалобы эти, истощенная душевной скорбью, напряжением горла и усталостью тела, она завела томные глаза и заснула.

25. Но не на долго сомкнула она глаза; от сна пробужденная новым припадком безумной скорби, еще более запричитала и даже руками буйными в грудь себя начала ударять и по прекрасному лицу наносить удары, а когда старушонка настойчиво стала расспрашивать, с чего она заново начала убиваться, так, вздохнув из глубины души, отвечала: — ах, теперь уже наверно, теперь уже бесповоротно погибла я, от всякой надежды на спасение отказалась. Сомнений нет: искать нужда настала мне петли, меча или наконец пропасти.

На это старуха рассердилась и, нахмутив брови, потребовала, чтобы та объяснила ей, чего это, чорт возьми, она плачет и чего ради, успокоившись было, снова здорово принялась за неумеренные жалобы.—По всему видно,—говорит,—ты решила парней моих в выкупе за тебя надуть. Будешь дальше так продолжать, так сумею я, не обращая никакого внимания на эти твои слезы, которые у разбойников дешево стоят, живьем тебя сжечь.

26. Устрашенная такою речью, девушка целует ей руку и говорит:—пощади, родимая, вспомни о жалости человеческой и в жестокой беде моей помоги мне немножечко. Не совсем же,

как я полагаю, в тебе, дожившей в долгий свой век до святых седин, жалость иссякла. Взгляни же наконец на картину моих бедствий. Есть юноша редкой красоты, меж сверстниками первый, которого весь город единодушно выбрал в приемные сыновья, к тому же приходится он мне двоюродным братом, только на три годочка старше меня; с младенческих лет он воспитывался вместе со мною, возрос у нас в доме как свой человек, даже комната одна у нас была, одно ложе, связаны мы с ним взаимным чувством чистой любви и давно уже назначен был он мне в нареченные обручальным обрядом, с соизволения родителей, даже в книгах записан он как муж мой; он приносил предсвадебные жертвы, окруженный густою толпою знакомых и близких, по храмам и общественным местам; весь дом украшен лаврами, блестит от факелов, звенит свадебными песнями; тут мать несчастная, прижав меня к своей груди, украшает как подобает венчальным убором и, неоднократно осыпая сладкими поцелуями, уже лелеет в тревожных думах надежду на будущее потомство, как вдруг внезапно происходит набег гладиаторов, грозный подобно войне, зловеще сверкают обнаженные лезвия; но стремятся они не к убийству, не к грабежу, а тесным, сомкнутым строем прямо нападают на нашу спальню. Никто из наших домашних не оказал сопротивления, ни малейшей защиты, и меня несчастную, лишившуюся чувств от грозного ужаса, трепещущую покидают, оторвав от материнского лона. Так была расстроена и расторгнута свадьба, как у Атиса или Протезилая *.

27. Но вот от жестокого сна снова возобновилось и даже усугубилось мое несчастье; приснилось мне, будто грубо отторгнутая из дому, из брачной спальни, даже от самого ложа, влекомая по непроходимым пустыням, по имени зову я супруга, а он, овдовев раньше моих объятий, еще влажный от умащений, с венком на голове, бежит следом за мною, увлекаемую в бегство другими. Пока он яростным криком сетует на похищение прекрасной супруги и взывает к народу о помощи, какой то из разбойников, возмущенный докучным преследованием, взяв под ногами огромный камень, бедняжку молоденького, супруга моего на смерть им поражает. При виде такой жестокости я пришла в ужас и в страхе от зловещего сна проснулась.

Тут на слезы ее ответив вздохами, старуха начала так:—не тревожься, моя хозяйюшка, и не пугайся пустых призраков сна. Не говоря о том, что образы дневного сна считаются ложными, но и ночные сновидения часто предвещают обратное. В конце концов слезы, побои и иногда и смерть обозначают удачное и выгодное следствие, а наоборот смеяться, сладкими кушаньями желудок набивать, или любовной страстью наслаждаться предвещает печаль душевную, телесную слабость и прочие неприятности в будущем. Давай лучше я тебя потешу хорошенькой сказкой, баснями старушечьими,— и начала *.

28. В некотором государстве жили были царь с царицей. Было у них три дочери—красавицы, но старшие по годам, хотя и были прекрасны, все же можно было поверить, что найдутся

у людей достаточные для них похвалы, меньшая же девушка такой была красоты неописанной, что и слов то в человеческом языке достаточных для прославления ее, не найти. Так что многие из местных граждан и множество иноземцев, которых молва испытанной славой к изрядному зрелищу привлекала, пораженные созерцанием недосыгаемой красоты, прикрывали рот своей правой рукою, положив указательный палец на вытянутый большой, словно они самой богине Венере священное творили поклонение. И уже по ближайшим городам и смежным областям пошла молва, что богиня, которую лазурная глубина моря породила и влага пенящая волн воздвигла, в виде особой божественной милости вращается в толпе людей, или же заново из нового семени светил небесных, не море, но земля произвела на свет другую Венеру, одаренную цветом девственности.

29. Такое мнение со дня на день безмерно укреплялось, и слава во все стороны, на ближайшие острова, на материк, на множество провинций распространялась. И множество людей не останавливались перед дальностью пути, перед морскою глубиною, чтобы подивиться на знаменитое чудо времени. Никто не ехал в Пафос, никто не ехал в Книд, даже на самое Киферу для лицезрения богини Венеры никто не ехал; жертвоприношения стали реже, храмы заброшены, святилища покинуты, обряды в пренебрежении, не украшаются гирляндами изображения богов, и алтари вдовствуют, покрытые холодною золою. К девушке обращаются с мольбами и под смертными чертами чтят величие

столь могущественной богини; когда по утрам дева появлялась, ей приносили дары и жертвы во имя отсутствующей Венеры, а когда на площадях она проходила, часто толпа ей дорогу усыпала цветами и венками.

Чрезмерное перенесение божеских почестей на смертную девушку сильно воспламенило дух настоящей Венеры, и в нетерпеливом негодовании, потрясая главой, так в волнении она себе говорила:

30. Как! древняя мать всего существующего, как! начальное происхождение стихий, как! всего мира родительница, Венера, я терплю такое обращение, что смертная дева делит со мною царственные почести, и имя мое, в небесах утвержденное, оскверняется земною нечистотою? Так я и примирюсь, что свои верховные права буду делить с заместительницей и смертная девушка будет носить мой образ? Напрасно что ли пастырь пресловутый *, суд и справедливость которого великий подтвердил Юпитер, предпочел меня за несравненную красоту двум великим соперницам? Но не на радость себе присвоила та самозванка, кто бы она ни была, мои почести! Устрою я так, что раскается она в самой своей недозволенной красоте!

Сейчас же призывает она к себе сына своего крылатого, довольно дерзкого мальчика, который, пренебрегая в злых своих нравах общественными установлениями, вооруженный стрелами и факелом, бегает ночью по чужим домам, расторгая везде супружества, и, безнаказанно совершая такие преступления, хорошего решительно ничего не делает. От природной испор-

ченности наглого, она возбуждает еще словами и ведет в тот город и Психею,—таково было имя у девушки—воочию ему показав, рассказывает всю историю о соревновании в красоте; вздыхая, дрожа от негодования, говорит она ему:

31. Заклинаю тебя узами любви материнской, нежными ранами стрел твоих, факела твоего сладкими обжогами, отомсти за свою родительницу. В полной мере отмерь и жестоко отомсти дерзкой красоте, сделай то, что всего охотней ты делаешь и что единственно ты и можешь сделать: пусть дева эта пламенно влюбится в последнего человека, которому судьба отказала и в происхождении и в состоянии и в самой безопасности, в такое убожество, что во всем мире не нашлось бы более жалкого.

Сказав так и поцеловав в засос сына, идет она к заливному краю побережья; едва ступила она розовыми ступнями на поверхность шумящих волн, как вот уж до дна осела пучина водная, и только явилось желание, как немедля, будто заранее приготовленная, показалась и свита морская: на лицо и Неревы дочери, хором поющие, и Портун со всклокоченной синей бородой, и Салация, лоно которой отягощено рыбою, и маленький возница дельфинов Палемон; вот по морю прыгает стадо Тритонов: один в звучащую раковину нежно трубит; другой от враждебного солнечного зноя простирает шелковое покрывало, третий к глазам госпожи подносит зеркало, прочие на двухупряжных колесницах плавают. Такая толпа сопровождала Венеру, которая держала путь к Океану *.

32. Между тем Психея, при всей своей очевидной красоте, никакой прибыли от прекрасной своей наружности не имела. Все любят, все прославляют, но никого не является, ни царя, ни царевича, ни хотя бы из простого народа, кто бы пожелал просить ее руки. Дивятся на нее, как на божественное явление, но все дивятся как на статую, искусно сделанную художником. Старшие две сестры, об умеренной красоте которых никакой молвы не распространилось в народе, давно уже были просватаны за женихов из царского рода и заключили уже счастливые браки, а Психея, в девах вдовица, сидя дома, оплакивала пустынное свое одиночество, недомогая телом, с болью в душе, невидя свою красоту, хотя она всех людей привлекала. Тогда злополучный отец несчастнейшей девицы, подумав, что это знак небесного неблаговоления, и страшась гнева богов, спрашивает древнейшее прорицалище—милетского бога—и просит у великой святыни мольбами и жертвами для обездоленной девы мужа и брака. Аполлон, хотя был греком и даже ионийцем, дает ответ из уважения к составителю милетского рассказа на латинском языке:

33. Царь, на высокий обрыв поставь обреченную деву
И в погребальный наряд к свадьбе ее обряди;
Смертного зятя иметь не надейся, несчастный
родитель:

Будет он дик и жесток, как вредоносный дракон.
Он на крылах облетает эфир и всех утомляет,
Раны наносит он всем, пламенем жгучим палит,
Даже Юпитер трепещет его и боги боятся,
Сеет он ужас в реках, вплоть до Стигийских болот.

Услышав ответ святейшего прорицателя, царь, счастливый когда то, пускается в обратный путь недовольный, печальный и сообщает своей супруге предсказания зловещего жребия. Грустят, плачут, убиваются немало дней. Но приходится уже исполнять мрачное веление судьбы. Ведутся уже приготовления к погребальной свадьбе несчастнейшей девы, уже факелы покрываются золой и сажей, звук брачной флейты переходит в жалобный лидийский тон и веселые гимены оканчиваются мрачными воплями, а невеста оттирает слезы венчальной фатой. Весь город страдает печальной участи удрученного семейства, и издается распоряжение об общественном трауре *.

34. Но необходимость подчиниться небесным указаниям призывает беденькую Психею к уготованной муке. Итак, когда все было приготовлено к погребальному бракосочетанию, движается в путь в сопровождении всего народа, при общей скорби торжественное похоронное шествие живого человека, и заплаканная Психея шла, как не на свадьбу, а на собственное погребение. И когда удрученные родители, взволнованные такой бедою, медлили совершать нечестивое преступление, сама их дочка такими словами подбодряла их:

— Зачем долгим плачем несчастную старость свою мучаете? зачем дыхание ваше, которое мне скорее принадлежит, частыми воплями утруждаете? зачем бесполезными слезами лики, для меня почтенные, пятнаете? зачем темните мой свет в очах ваших? зачем терзаете седины? Зачем перси, зачем груди эти священные по-

ражаете ударами? Вот вам за небывалую красоту мою награда преславная! Поздно уразумели вы, пораженные смертельными ударами нечестивой зависти. Когда народы и страны оказывали нам божеские почести, когда в один голос новой Веверой меня провозглашали, тогда скорбеть, тогда слезы лить, тогда меня, как бы уже погибшую, оплакивать следовало бы. Чую, вижу, одно только название Венеры меня погубило. Ведите меня и ставьте на скалу, к которой приговорил меня рок. Жажду сопределья счастливому этому браку, жажду зреть благородного супруга моего. Зачем мне медлить, откладывать приход того, что на пагубу рожден всему миру?

35. Сказав так, умолкла дева и уже твердой поступью присоединилась к шествию сопровождавшей ее толпы. Идут к указанному обрыву высокой горы, на самой вершине которой поставив девушку, все удаляются и, оставив брачные факелы, которые освещали ей дорогу и тут же угасли от потока слез, опустив головы, все расходятся по домам. А несчастные родители ее, удрученные такою бедою, заперевшись в доме, погруженные в мрак, передали себя вечной ночи. Психею же, боящуюся, трепещущую, плачущую на самой вершине скалы, нежное веяние мягкого Зефира, сначала там и сям всколыхнув ей полы, потом вздув одежду, спокойным дуновением понемногу со склона высокой скалы уносит и на лоно глубокой долины, покрытой луговою травой, медленно опуская, слагает.

КНИГА ПЯТАЯ

СИХЕЯ, покоясь на нежном, цветущем лугу, на ложе из росистой травы, отдохнув от такой быстрой перемены в чувствах, сладко опочила. Вдосталь подкрепившись сном, она воспрянула духом. Видит рощу, большими, высокими деревьями усаженную, видит ручей прозрачный, хрустальными струйками играющий. Как раз по самой середине рощи рядом с бегущим ручьем дворец стоит, не человеческими руками созданный, но божественным искусством. Едва ступишь туда, узнаешь, что перед тобою какого нибудь бога светлое и милое пристанище. Штучный потолок, искусно сделанный из кедра и слоновой кости, поддерживался золотыми колоннами, все стены покрыты были чеканным серебром с изображением зверей диких и других скотов подобных так живо, будто все эти животные шли навстречу входящим. О, поистине удивительный человек, конечно, полубог, или вернее настоящий бог, который столько серебра в зверей превратил! Сам пол, составленный из мелких кусочков драгоценного камня, образовал всякого рода картины. Поистине бла-

женны, дважды и многократно блаженны те, кому ступать надлежит по самоцветам и лапам! И прочие части в длину и ширину раскинутого дома неописанной ценности, все стены отягченные массою золота такого яркого блеска, что откажись солнце,—дворец сам мог бы быть себе днем; каждая комната, каждая галерея, каждая даже створка дверная пламенеет. Прочее убранство соответствовало величию дома, так что поистине можно было подумать, будто великий Юпитер создал эти чертоги небесные для общения со смертными.

2. Привлеченная прелестью местоположения, Психея подходит ближе, расхрабрившись, переступает порог, и вскоре с восхищенным вниманием озирает все подробности прекраснейшего жилища, осматривая находящееся по ту сторону дома казнохранилище, выстроенное с большим искусством, куда собраны многочисленные богатства *. Нет ничего на земле, чего бы там не было. Но кроме удивительности стольких богатств, то было всего дивнее, что сокровища всего мира никакой цепью, никаким заставом, никаким стражем не охранялись. Покуда она с величайшим наслаждением смотрела на все это, вдруг доносится до нее какой то голос, необлеченный телом.—Что,—говорит,—госпожа, дивисься многому богатству? Это все принадлежит тебе. Иди же в спальню, отдохни от усталости на постели, когда захочешь, прикажи купанье. Мы, чьи голоса ты слышишь, мы твои рабыни, приставленные к тебе для верной службы, и, как только приведешь себя в порядок, не замедлит явиться роскошный стол.

3. Психея почувствовала блаженство от сознания, что находится под божественным покровительством, и, вняв совету невидимого голоса, сначала заснула, вскоре в бане смыла остаток усталости и, увидев сейчас подле нее появившийся на полукруглом возвышении стол, судя по накрытым приборам, приготовленный для ее трапезы, охотно возлегла за него. И тотчас вина медвяные и множество блюд с разнообразными кушаньями подаются, будто гонимые каким-нибудь ветром, а слуг никаких нет. Никого не удалось ей видеть, лишь слышала, как слова раздавались и только голоса имела к своим услугам. После роскошной трапезы кто-то вошел невидимый и запел, а другой заиграл на кифаре, которой также она не видала. Тут до слуха ее доносятся звуки поющих многих голосов, и, хотя никого из людей не появлялось, являлось ясным, что это хор.

4. По окончании развлечений, уступая убеждению сумерек, отходит Психея ко сну. В глубокой ночи легкий некий шум долетает до ее ушей. Тут опасаясь за девство свое в таком уединении, робеет она и ужасается и боится какой-либо беды тем более, что она ей неизвестна. Но вошел уже таинственный супруг и взошел на ложе, супругою себе Психею сделал и раньше восхода солнца поспешно удался. Тотчас же голоса, дожидавшиеся в спальне, окружают заботами потерянную невинность новобрачной. Так продолжалось долгое время. И по законам природы новизна от частой привычки приобретает для нее приятность, и звук неизвестного голоса служит ей утешением в ее одиночестве.

Меж тем родители ее старились в неослабевающем горе и унынии, а широко распространившаяся молва достигла старших сестер, которые все узнали и быстро, покинув свои очаги, мрачные и печальные, поспешили повидаться и поговорить со своими родителями.

5. В ту же ночь к Психее так начал супруг ее,—ведь только для зрения он был недоступен, но не для осязания и слуха:

— Психея, сладчайшая и дорогая супруга моя, жестокая судьба грозит тебе гибельной опасностью, о которой считаю тебя нужным предупредить с особым тщанием. Сестры твои, встревоженные слухами о твоей смерти и ищущие следов твоих, скоро придут на тот утес: если услышишь их громкие жалобы, не отвечай им и не пытайся даже взглянуть на них, иначе причинишь мне жестокую скорбь, а себе вечную гибель.

Она дала знак согласия и обещала следовать в своих поступках советам мужа, но, как только он исчез вместе с окончанием ночи, бедняжка весь день провела в слезах и стенаниях, повторяя, что теперь она еще вернее погибнет накрепко запертая в блаженную темницу, лишенная общения и разговора с людьми, так что сестрам, о ней скорбящим, никакой помощи оказать не может, и даже хоть краткого свидания с ними не дождется. Не прибегая ни к бане, ни к пище, ни к какому другому подкреплению, горько плача, отходит она ко сну.

6. Не прошло и минуты, как на ложе возлег супруг, появившийся немного раньше обыкновенного, и, обняв ее, еще плачущую, так ее вопрошает:

— Это ли обещала ты мне, моя Психея? Чего же мне, твоему супругу, ждать от тебя, на что надеяться? И день и ночь, даже в супружеских объятиях продолжается твоя мука. Ну, делай как хочешь, уступи требованиям души, жадной до гибели. Вспомни только, когда придет запоздалое раскаяние, о серьезных моих увещеваниях.

Тогда она просьбами, угрозами, что иначе она умрет, добилась от мужа согласия на ее желание увидеться с сестрами, умерить свою печаль и поговорить с ними. Так уступил супруг просьбам молодой своей жены, больше того, разрешил даже дать им в подарок, что ей захочется, из золота или драгоценных камней, но тут же предупредил, подкрепляя слова свои угрозами, что если она, вняв губительным советам сестер, будет добиваться видеть внешность своего мужа, то святотатственным любопытством этим она низвергнет себя с вершины счастья и навсегда впредь лишится его объятий. Она поблагодарила мужа и с прояснившимся лицом говорит:— да лучше мне сто раз умереть, чем лишиться сладчайшего твоего супружества! Ведь я люблю тебя и, кто бы ты ни был, страстно обожаю, так же, как душу свою, и с самим Купидоном не сравняю. Но молю тебя, будь щедр, исполни еще мою просьбу: прикажи слуге твоему Зефиру так же доставить сюда сестер моих, как он доставил меня.— И, напечатлев поцелуй для убеждения, смягчая речь для умиления, прильнув всем телом для побуждения, ласкательно прибирает:— медочек мой, муженек мой, твоей Психеи нежная ду-

менька!—Силе и власти любовного нашептывания против воли уступил муж и дал обещание, что все исполнит, а как только стал приближаться свет, испарился из рук супруги.

7. А эти сестры, расспросив, где находится утес и то место, на котором покинута была Психея, спешат туда и готовы выплакать себе глаза, бьют себя в грудь, так что на частые вопли их скалы и камни отвечают ответным звуком. Несчастную сестру свою по имени кличут, пока на пронзительный крик их причитаний Психея вне себя, вся дрожа, не выбежала из дому и говорит:—что вы напрасно себя жалобными воплями убиваете? Вот я здесь, о ком вы скорбите. Прекратите мрачные крики, отрите щеки наконец, мокрые от продолжительных слез, раз в вашей воле обнять ту, которую вы оплакиваете.

Тут, призвав Зефира, передает она ему приказание мужа. Сейчас же, явившись на зов, спокойнейшим дуновением доставляет их безопаснейшим образом. Вот они уже обмениваются обоюдными объятиями и торопливыми поцелуями, и слезы, прекратившиеся было, снова текут от радостного счастья.—Но войдите,—говорит,—с весельем под кров наш, к нашему очагу и утешьте с Психеей вашей ваши скорбные души.

8. Промолвив так, начинает она показывать и несметные богатства золотого дворца и обращает внимание их слуха на великое множество служающих голосов, предлагает в их пользование и бани прекраснейшие, и роскошь невиданного стола, так что в глубине их душ, досыта насладившихся многочисленным скопле-

нием подобных божественных вещей, пробуждается зависть. Наконец, одна из них с большою настойчивостью и любопытством начала расспрашивать, кто же хозяин всех этих божественных вещей, кто такой и чем занимается ее муж? Но Психея, боясь нарушить супружеские наставления, не выдала тайны, а наскоро придумала, что он человек молодой, красивый, щеки которого покрыты первым пушком, главным образом занятый охотой по полям и горам; и в предупреждение, как бы при продолжении разговора ей не выдать принятого ею решения, нагрузив их золотыми вещами и ожерельями из драгоценных камней, сейчас же позвала Зефира и передала их ему для доставления обратно.

9. Когда приказание это было без замедления выполнено, добрые сестры по дороге домой, преисполняясь желчью зависти, много и оживленно между собою говорили. Наконец, одна из них так начала:

— Вот слепая, жестокая и несправедливая судьба! Нравится тебе, чтобы, рожденные от одного и того же отца, одной матери, столь различной участи подвержены мы были! Нас, старших как ни как по возрасту, ты предаешь иноземным мужьям в служанки, отторгаешь от родительского дома, от самой родины, так что вдали от родителей влачим мы существование как изгнанницы, она же самая младшая, последыш уже утомленного чадородия, владеет такими богатствами и мужем божественным, которыми и пользоваться то как следует она не умеет. Ты видела, сестра, сколько в доме находится драгоценностей и какие сверкающие

одежды, какие блестящие перлы, сколько кроме того под ногами повсюду разбросано золота. И если к тому же муж ее так красив, как она уверяет, то нет на свете более счастливой женщины. Может быть, как усилится привычка ее божественного мужа, укрепится привязанность, он и ее самое сделает богиней. Клянусь Геркулесом, к тому идет дело! так она вела себя, так держалась. Да, метит она на небо; и женщина смотрит богиней, раз и невидимых слуганок имеет и самими ветрами повелевает. А мне несчастной, что досталось на долю? Прежде всего муж в отцы мне годится, плешивее тыквы, телосложением тщедушнее любого мальчишки и все в доме держит на замках и запорах.

10. Другая подхватила:—а мне какого мужа терпеть приходится? Скрюченный, сгорбленный от подагры и по этой причине крайне редко в любви со мной находящийся; большую часть времени обжигаю я эти тонкие руки растиранием его искривленных затвердевших, как камень, пальцев пахучими припарками, грязными тряпками, зловонными пластырями, словно я не законная супруга, а сиделка работающая. Смотри, сестра,—я скажу открыто, что чувствую,—переноси это с полным или даже рабским терпением. Ну, а что касается до меня, так я не могу больше выдержать, что такая блаженная судьба досталась на долю недостойной. Вспомни только, как гордо, как вызывающе вела она себя, самое хвастовство это доказывало ее чванство; потом от таких несметных богатств, скрепя сердце, бросила нам крошку и, тотчас, тяготясь нашим присутствием, приказала удалить нас, выдуть,

высвистать. Будь я не женщиной, перестань я дышать, если не свергну ее с вершины такого богатства. Если и тебя, что вполне естественно, возмутило это оскорбление, давай обе вместе решительно посоветуемся, что нам делать. Но подарки, которые мы принесли с собою, не будем показывать ни родителям, ни кому другому, также совсем не будем упоминать, что нам известно что либо о ее спасении. Довольно того, что мы сами видели, чего бы лучше и не видели, а не то, чтобы нашим родителям и всему народу разглашать о ее благополучии. Не полно счастье тех, богатство которых никому не ведомо. Она узнает, что не служанки мы, а старшие сестры. Теперь же отправимся к супругам и бедным, но вполне честным, очагам нашим; не спеша и тщательно все обдумав, мы более окрепшии вернемся для наказания гордыни *.

11. Сошел за хороший злодейский план двум злодейкам; итак, спрятав все богатые подарки, выдирая себе волосы и царапая лицо, чего они и заслуживали, притворно возобновляют они плач. Затем, напугав родителей, рана которых снова открылась, полные безумия, быстро отправляются по своим домам, строя преступление поистине отцеубийственное, замысел против невинной своей сестры.

Меж тем, неведомый Психее супруг ее, возобновив ночные свои беседы, так ее убеждает:— видишь ли, какой опасности ты подвергаешься? Судьба издавела начала бой и, если очень крепких ты не примешь мер предосторожности, скоро лицом к лицу с тобой сразится. Коварные дряни всеми силами готовят против тебя

гибельные козни, и главная их цель уговорить тебя узнать мои черты, которые, как я тебе уже не раз предупреждал, увидавши, не увидишь больше. Итак, когда через некоторое время ведьмы эти негодные, полные злых планов, придут сюда,—а они придут, знаю это,—то ничего с ними не разговаривай. Если же, по прирожденной простоте твоей и по нежности душевной, сделать этого ты не сможешь, то по крайней мере не слушай никаких речей про своего мужа и не отвечай на них. Ведь скоро семья наша увеличится, и детское еще чрево твое носит в себе новое дитя для нас, божественное, если молчанием скроешь нашу тайну, если нарушишь секрет—смертное.

12. Психея при вести этой от радости расцвела и утешению божественного отпрыска возликовала, и славе будущего плода своего возвеселилась и почтенному имени матери возрадовалась. В нетерпении считает она, как идут дни и протекают месяцы, дивится непривычному, неведомому грузу и постепенному росту от столь кратковременного укула плодоносного чрева. А те две заразы, две фурии гнуснейшие, дыша змеиным ядом, торопились снова пуститься в плаванье с преступной поспешностью. И снова на краткое время появляющийся супруг убеждает свою Психею:— вот последний день, крайний случай, зловедный пол и кровный враг взялся за оружие, снялся с лагеря, ряды выстроил, и труба уже звучит перед боем; уже с обнаженным мечом преступные сестры твои подступают к твоему горлу. Увы, какие бедствия грозят нам, Психея нежнейшая! Пожа-

лей себя, пожалей нас, и святою воздержанностью отклони несчастье грозящей гибели от дома, от мужа, от себя самой и нашего младенца. О, если бы тебе негодных женщин этих, которых после смертоубийственной ненависти к тебе, после поправной кровной связи непозволительно называть сестрами, не пришлось ни слышать, ни видеть, когда они, наподобие сирен, с высокого утеса будут оглашать скалы своими губительными голосами.

13. Затемняя речь жалобными всхлипываниями, Психея отвечала:—насколько знаю я, ты имел уже время убедиться в моей верности и неразговорчивости, теперь не меньшее доказательство дам я тебе душевной крепости. Отдай только приказание нашему Зефиру, да послушно его исполнит, и в замену отказанного мне лицезрения святейшего лика твоего, позволь мне хоть с сестрами увидеться. Заклинаю тебя этими благовонными по обе стороны спадающими кудрями твоими, твоими нежными, округлыми, на мои похожими, ланитами, грудью твоей, каким то таинственным огнем наполненной,—когданибудь я хоть в нашем малютке узнаю черты твои,—в ответ на смиренные просьбы мольбы нетерпеливой, разреши мне обнять своих сестер и душу преданной тебе Психеи утешь этой радостью. Ни слова больше не скажу я о твоём лице, самый мрак мне уже не досаждаёт, так как при мне—свет твой.

Зачарованный речами этими и сладкими объятиями, супруг ее, отерев слезы ей своими волосами, обещал ей все исполнить и исчез, предупреждая свет наступающего дня.

14. Чета сестер, связанная заговором, не по-видав даже родителей, прямо с кораблей проворно направляются к обрыву и, не дождавшись присутствия переносившего их ветра, с беспорядочной дерзостью бросаются в глубину. Но Зефир, памятуя царские приказы, принял их, хоть и против воли, на свое лоно и легким дуновением опустил на землю. Они не мешкая, сейчас же поспешным шагом проникают в дом, обнимают жертву свою, ложно называясь сестрами, и, под радостным выражением тая в себе сокровищницу глубоко скрытого обмана, обращаются к ней со льстивою речью:

— Вот, Психея, теперь уже ты не прежняя девочка, сама скоро будешь матерью. Знаешь ли ты, сколько добра ты носишь для нас в этом пупке? какой радостью все наше семейство обрадуешь. Для нас то счастье какое, что будем нянчить это золотце! Если, как и следует ожидать, ребенок по красоте выйдет в родителей, наверно Купидона ты на свет произведешь.

15. Так поддельною нежностью они мало по малу овладевают душою сестры. Она сейчас же после того, как они отдохнули с дороги на креслах и освежились горячими парами бани, угощает их в прекраснейшей столовой удивительными и совершенными кушаньями и закусками. Велит кифаре играть—звонит, флейте исполнять—звучит, хору выступить—поет. Всеми этими сладчайшими мелодиями, невидимые музыканты смягчают души слушателей. Но преступность негодных женщин не успокоилась и от мягкой нежности сладчайшего пения, но, направляя разговор к заранее обдуманной,

обманной западне, принимаются они прикровенно расспрашивать, кто ее муж, откуда родом, чем занимается. Она же по крайней простоте своей, забыв, что она говорила прошлый раз, заново выдумывает и рассказывает, что муж ее из ближайшей провинции, ведет крупные торговые дела, человек уже средних лет с редкой проседью. И, не задерживаясь на этом разговоре, снова нагружает их богатыми подарками и передает для отправления ветру.

16. Пока поднятые спокойным дуновением Зефира возвращаются они домой, так между собою переговариваются;— что скажешь, сестрица, о явной лжи этой дурочки? То юноша, щеки которого покрыты первым пушком, то человек средних лет, у которого уже пробивается седина. Кто же он такой, что в такой короткий промежуток времени внезапно успел состариться? Не иначе, сестрица, как или негодница это все наврала, или мужа в глаза не видела: что бы ни было правдой, прежде всего надо низвергнуть ее с высоты благополучия. Если муж ей не показывает своего лица, значит, она вышла за какогонибудь бога и готовит произвести на свет божественного ребенка. Но верно то, что раньше, чем она услышит из уст божественного ребенка (да не будет) «мать», я на крепкой петле повешусь. Однако, вернемся к родителям нашим и как начало тех речей, с которыми к ней обратимся, сплетем подходящую ложь.

17. Так воспаленные, поговорив надменно с родителями, усталые от бессонно проведенной ночи, ранним утром летят они к утесу и оттуда с помощью обычного ветра снесенные вниз выжимают на глаза себе слезы и с такой хит-

ростью начинают свою речь к сестре:—счастливая, ты сидишь, не беспокоясь о грозящей тебе опасности, блаженная в неведении такой беды, а мы всю ночь не смыкая глаз продумали о твоих делах и горько мучаемся о предстоящих тебе бедствиях. Мы наверняка узнали и не можем скрыть от тебя, разделяя скорбь и горе твое, что тайным образом спит с тобою огромный ящер, извивающийся множеством петель, шея у которого переполнена вместо крови губительным ядом и пасть разинута как бездна. Вспомни предсказание пифийского оракула, что провозвестил тебе брак с диким чудовищем. К тому же многие крестьяне, охотники, поблизости охотившиеся, множество окрестных жителей видели, как он под вечер возвращался с пастбища и переплывал по отмелям ближайшую реку.

18. Все уверяют, что, льстиво угождая тебе кушаньями, он хочет тебя откормить и как только живот твой достигнет крайней полноты беременности, пожрет тебя, как самую тучную пищу. Теперь тебе прелоставляется на выбор: или захочешь послушаться сестер твоих, заботящихся о дорогом твоём спасении, и, отклонив угрозу смерти, жить с нами в безопасности, или же быть погребенной во внутренностях жесточайшего гада. Если тебе нравится уединение этой пустыни, наполненной голосами, или тайные соединения зловонной и опасной любви и объятия змеи ядовитой—дело твое, мы по крайней мере свой долг честных сестер исполнили.

На бедняжку Психею, простую душой и неженскую, ужас напал от таких зловещих слов:

из головы вылетают все наставления супруга, забываются и собственные обещания; и готовая броситься в бездну несчастий, вся трепеща, покрывшись смертельною бледностью, заикаясь, прерывающимся шопотом начинает она говорить сестрам такие слова:

19. Вы, дражайшие сестры, как и надо было ожидать, исполняете священный долг ваш, и те, повидимому, не солгали, кто сообщил вам такие сведения. Ведь я никогда в глаза не видала лица своего мужа, совсем не знаю, каков он, мне удастся лишь по ночам слышать голос таинственного супруга и примиряться с тем, что он обращается в бегство при появлении света, так что я могу вполне согласиться с вашими утверждениями, что он некое чудовище. Он сам часто и грозно запрещал мне искать его лицезрения и грозил большим бедствием, если я буду любопытствовать видеть его внешность. Если вы можете предпринять чтонибудь для спасения сестры вашей, находящейся в опасности, теперь уже делайте; иначе дальнейшая беззаботность уничтожает благодеяние оказанного в начале покровительства.

Тогда, подступив уже через открытые ворота к незащищенной душе сестры своей, преступные женщины отбросили всякое прикрытие тайных ухищрений и, обнажив мечи обмана, нападают на пугливое соображение простодушной молодки.

20. Наконец одна из них говорит:—так как кровные узы заставляют нас ради твоего спасения закрывать глаза на всякую опасность, мы укажем тебе средство давным давно уже обдуманное нами, которое может служить един-

ственным путем к спасению. Возьми отточенный кинжал и, проведя медленно для придания большей остроты по ладони, тайно спрячь его в постели с той стороны, где ты всегда ложишься, затем хорошую лампу до краев наполненную маслом, чтобы ярче горела, помести под прикрытие какогонибудь горшечка, все эти приготовления сделай в величайшем секрете; после того как он, влача извилистое тело, подыметя на обычное ложе, растянется и погрузится в глубокий покой, объятый тяжестью первого сна, босою, удерживая как можно больше шум шагов, соскочи с кровати, освободи лампу от прикрытия слепой темноты, воспользуйся для совершения славного подвига твоего светом, высоко воздвиг правую руку с обоюдоострым оружием и сильным ударом голову зловредного змея от туловища отсеки. Не будет тебе недостатка и в нашей помощи: как только убийством его ты положишь начало своему спасению, мы с нетерпением будем ожидать и, пособив тебе унести все это добро вместе с собою, просватаем тебя, принадлежащую к человеческой породе, надлежащим браком за человека.

21. А сами, столь воспламененными речами зажегши огонь внутри уже совсем пылающей сестры, быстро ее покидают, считая небезопасным находиться по близости от грядущих несчастий, и донесенные обычным дуновением крылатого ветра на утес, обращаются в поспешное бегство и, тотчас сев на корабли, отъезжают.

А Психея, оставшись в одиночестве (хотя, волнуемая зловещими фуриями, не была она в одиночестве), колеблется в скорби подобно бур-

ному морю, и хотя решение принято, душа упорствует, и рука уже прикоснулась к столь великому преступлению, все таки мысли шатаются и противоречивые чувства отвлекают ее от беды. Спешит, откладывает; дерзает, трепещет; отчаивается, гневается и наконец в одном и том же теле ненавидит чудовище и любит мужа. Но вечер уже шел к ночи, и она в торопливой поспешности делает приготовления к зловещему преступлению. Вот и ночь пришла, супруг появился и, предавшись сначала любовным усладам, погрузился в глубокий сон.

22. Тут Психея слабеет телом и душою, но, подчиняясь жестокой судьбе, собирается с силами и, вынув светильник, взяв в руки кинжал, преодолевает женскую робость. Но как только от поднесенного огня осветились тайны постели, видит она нежнейшее и сладчайшее из всех диких зверей чудовище, видит прекрасно лежащим самого пресловутого Купидона, бога прекрасного, при виде которого даже светильня от лампы веселей затрещала и ярче заблестело ножа святотатственного острие. И действительно, утраченная таким зрелищем, Психея не владеет собой, покрывается томною бледностью и трепеща опускается на колени, ища спрятать оружие, но в грудь свою; она бы и сделала это, если бы оружие, от страха перед таким злодейством, выпущенное из дерзновенных рук, не упало. Изнемогая, потеряв всякую надежду, чем дольше глядит она на красоту божественного лица, тем больше собирается с духом. Видит она золотую голову с пышными волосами, пропитанными благоуханиями, окружающие молоч-

ную шею и пурпуровые щеки, благолепно опустившиеся завитки локонов, один с затылка, другие со лба свешивающиеся, от крайнего лучезарного блеска которых сам огонь в светильнике заколебался; за плечами летучего божества росистые перья сверкающим цветком белели, и хотя крылья находились в покое, кончики нежных и тоненьких перышек трепетными толчками двигались в беспокойстве; остальное тело видит гладеньким и светлым, так что Венера могла не раскаиваться, что произвела на свет такого сына. В ногах кровати лежали лук и колчан со стрелами, благодетельное оружие великого бога.

23. Ненасытная, к тому же и любопытная Психея не сводит глаз с мужниного оружия, вынимает из колчана одну стрелу, кончиком пальца пробует острие, но, сделав более сильное движение дрожащим суставом, чувствует укол и через кожу выступают капельки розовой крови. Так, сама того не зная, Психея сама воспылала любовью к богу любви. Почувствовав вожделение к богу, она страстно наклонилась к нему, раскрыв уста, и торопливо начала осыпать его жаркими и долгими поцелуями, боясь, как бы не прервался сон его. Но пока она, таким блаженством упоенная, любовной страстью уязвленная, волнуется, лампа ее, то ли по негоднейшему предательству, то ли по зловредной зависти, то ли и сама пожелав прикоснуться и как бы поцеловать столь блистательное тело, брызгает из конца светильника горячим маслом на правое плечо богу. Эх ты, лампа, наглая и дерзкая, презренная прислужница любви,

ты обожгла бога, который сам господин всяческого огня! а наверное впервые изобрел тебя какойнибудь любовник, чтобы как можно дольше ночью пользоваться предметом своих желаний. Почувствовав обжог, бог вскочил и, увидев запятнанной и нарушенной клятву, быстро освободившись из объятий и поцелуев несчастнейшей своей супруги, улетел, не произнеся ни слова.

24. А Психея, как только поднялся он, обеими руками ухватила за правое его бедро, жалкий привесок в высоком взлете, но наконец, устав долгое время быть висячей спутницей в заоблачных высях, упала на землю.

Влюбленный бог не оставляет ее лежащей на земле и, взлетев на ближайший кипарис, с высокой верхушки его, глубоко взволнованный, так говорит ей:

— Ведь я, простодушнейшая Психея, вопреки повелению матери моей Венеры, приказавшей, внушив тебе страсть к самому жалкому, последнему из людей, обречь тебя убогому браку, сам предпочел прилететь к тебе в качестве возлюбленного. Я знаю, что поступил легкомысленно, но, пресловутый стрелок, я сам себя ранил своим же оружием и сделал тебя своей супругой для того выходит, чтобы ты сочла меня за чудовище и захотела кинжалом отрубить мне голову, за то, что в ней находятся эти влюбленные в тебя глаза. Я всегда тебя предупреждал, всегда дружески уговаривал. Почтенные вдохновительницы твои немедленно дадут мне ответ за свою зловредную выдумку, тебя же я накажу только моим исчезновением.—И окончив слова эти, на крыльях ввысь устремился.

25. А Психея, распростертая на земле, следя, покуда доступно было взору, за полетом мужа, душу себе надрывает горькими воплями. Но когда все увеличивающееся расстояние скрыло от глаз ее похищенного при помощи крыльев супруга, она ринулась к ближайшей реке и бросилась с берега вниз. Но кроткая речка в честь ли бога, способного воспламенить даже воду, или из боязни за себя, сейчас же волной своей, как невредимую поклажу, выложила ее на цветущий прибрежный берег. На береговом гребне случайно сидел деревенский бог Пан, обняв горную нимфу Эхо, которую учил он петь на разные голоса; неподалеку скакали козы, переходя с места на место и щипля прибрежную травку. Козий бог милостиво подзывает к себе убитую, расстроенную Психею и, так как несчастье ее не безызвестно для него было, ласковыми словами успокаивает:

— Девушка милая, я деревенский житель, пасу стада, но благодаря глубокой старости, научен долгим опытом. Так вот, как правильно я сужу, что именно умные люди и называют даром провиденья, то по такой неровной, часто колеблющейся походке, по крайней бледности, разлитой во всем теле, по вздохам частым, а главное по заплаканным глазам твоим вижу, что от любви чрезмерной ты страдаешь. Послушай же моего совета и не старайся вперед погубить себя, снова бросившись в воду или каким либо другим способом насильственной смерти. Отложи грусть и брось печаль, а лучше обратись с мольбами к Купидону, величайшему из богов, и так как он юноша избалованный и капризный, то поста-

райся ласковыми речами и предупредительностью расположить его в свою пользу.

26. Ничего не ответив на слова пастушеского бога, только поклонившись спасительному боже-
ству, Психея тронулась в путь. Когда она уста-
лой походкой прошла довольно далеко, уже
к вечеру, не знаю какой тропинкой, достигла она
некоего города, где правил, как царь, муж
одной из ее сестер. Узнав об этом, Психея по-
желала дать знать сестре о своем присутствии;
как только ввели ее, после взаимных объятий
и приветствий, на вопрос о причине ее прибы-
тия, она начала таким образом:

— Ты помнишь ваш совет, а именно как вы
меня уговаривали, чтобы я чудовище, которое
под обманным названием мужа проводило со
мною ночи, раньше чем оно пожрет меня бедную
своей прожорливой глоткой, поразила обоюдо-
острым кинжалом? Но как только, согласно
уговору, при свете лампы взглянула я на его
лицо, вижу дивное и совершенно божественное
зрелище, самого сына пресловутого богини Ве-
неры, самого, повторяю, Купидона, сладким сном
объятого. И, пока приведенная в восторг видом
такой красоты, смущенная таким богатством
наслаждений я страдала от невозможности вку-
сить его, как раз в это время по злейшей слу-
чайности пылающая лампа брызнула маслом ему
на плечо. Проснувшись тотчас же от этой боли,
как только увидел меня с лампой и оружием
в руках, говорит:—с тобою тотчас же за это
столь жестокое твое преступление ложе делить
прекращаю, можешь забирать свои пожитки,
я же на сестре твоей,—тут он назвал твое

имя,—торжественным браком женюсь.—И сейчас же приказал Зефиру, чтобы он выдул меня из его дома.

27. Не поспела еще Психея кончить своей речи, как та, воспламенившись порывом безумного вожделения и губительной зависти, обманув мужа хитро придуманной ложью о том, будто получила какое то известие о смерти родителей, сейчас же взошла на корабль, прямо направилась к известному обрыву, и хотя дул совсем другой ветер, но она, ослепленная надеждой, крикнув:—принимай меня, Купидон, достойную тебя супругу, а ты, Зефир, поддержи свою госпожу,—со всего маху бросилась в бездну. Но до места назначения даже в виде трупa она не достигла, потому что, ударившись о скалы и перекатываясь с камня на камень, тело ее раздробилось и, рассеявшись по разным местам, как она заслужила этого, внутренности ее доставили легкую добычу для птиц и диких зверей. Так она погибла. Не замедлила и следующая мстительная кара. Психея в своем скитании дошла до другого города, где в таком же положении пребывала вторая сестра. И эта также поддалась на приманку родства и поспешила к утесу на преступный брак в качестве соперницы Психеи, но равным образом упала, найдя себе гибель и смерть.

28. Меж тем, пока Психея, занятая поисками Купидона, обходит страны, он сам, не оправившись еще от ожога, лежал и стонал в самой спальне у своей матери. Тут чайка, птица пре-белая, что над волнами морскими на крыльях плавает, нырнула поспешно в недра океана глу-

бокого. Там, сейчас же представ перед Венерой, что купалась и плескалась, докладывает ей, что сын ее обжегся, стонет от сильной боли, лежит, — неизвестно, поправится ли, а что по всем странам и народам говор и ропот идет и Венеру со всей ее родней поминают не добрым; сынок, мол, на горах в любви прохлаждается, а сама она все в океане купается, от дел своих отстала, а через то, ни страсти нет никакой, ни приятности, ни благолепия, а все стало неблагоприятно, грубо и дико; ни браков супружеских, ни союзов дружеских, ни от детей почтения, но всеобщее позорище и от грязных соединений горечь и отвращение. Так эта болтливая и любопытная птица верещала в венерины уши, пороча репутацию ее сына. А Венера, придя в сильный гнев, вдруг восклицает:—стало быть у милого сынка моего подруга завелась какая то! Ну, ты, которая одна и служишь мне от души, скажи, как зовут ту, которая благородного и чистого мальчика соблазнила? Может быть, это ктонибудь из породы нимф, или из числа ор, или из хоровода Муз, или из граций, моих прислужниц.

Не смолчала говорливая птица и отвечает:— не знаю, госпожа; думается, что одной девушкой—если память мне не изменяет, Психеей она называется,—крайне он заинтересован.

Тут Венера в негодовании громко воскликнула:—если он на самом деле любит Психею, соперницу мою по красоте, похитительницу моего имени, то, наверное, этот выродок сводницей в этом деле считает меня, так как по моему указанию он и узнал эту девушку.

29. Воззвав таким образом, поспешно выплывает она на морскую поверхность и сейчас же стремится в золотую свою спальню; найдя там, как ей уже было доложено, больного сына, она прямо с порога заорала во весь голос:—очень это пристойно и прилично и происхождению нашему и хорошему твоему поведению, что ты, поправши наставления матери твоей, даже господжи, вместо того, чтобы внушить постыдную страсть моей врагине в виде наказания, сам, в таком возрасте отрок, заключаешь ее в свои распутные и преждевременные объятия, думая, что я потерплю своей невесткой ту, которую ненавижу. Или ты считаешь, потаскун, растлитель противный, что ты один можешь наш род продолжать, а я уже по годам и зачать не могу? Ну, так знай же, другого сына рожу, гораздо лучше тебя, или для вящего твоего уничижения усыновлю когонибудь из рабов и ему передам крылья эти, и факел, и лук, и самые стрелы и все мое снаряжение; я дала тебе эти доспехи не для такого употребления, из отцовского же имущества тебе ничего подобного дано не было, а с ранних лет ты избалован был, на руку проворен, старших все время толкал без всякого почтения, самую мать свою, меня, говорю сама, ты, убийца, каждый день обворовываешь и колотишь частенько, ни во что считая, словно вдову какуюнибудь, нисколько не боясь вотчима своего силача знаменитого и великого вояки. Мало того, ему часто, мне на зло, взял ты за обычай девиц поставлять в наложницы. Но вот увидишь, пожалеешь сам об этих проказах, и узнаешь, каково сладко и приятно будет твое

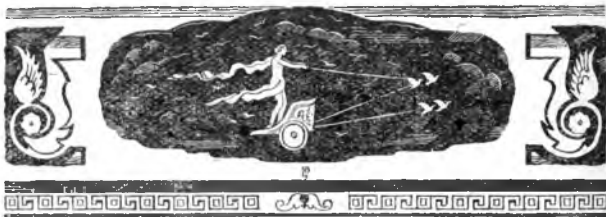
супружество! Теперь, после такого издевательства, что мне делать? Куда деваться? Какими способами перевертня этого образумить? Что же к враждебной мне Воздержанности обратиться, которую я так часто из за распутства этого мальчишки оскорбляла? Но в ужас меня приводит толковать с этой деревенской неотесанной бабой. Однако, откуда бы мщение ни приходило, пренебрегать им не следует. Именно она, никто другой, может быть мне всего полезнее, чтобы жесточе потаскуна этого наказать, колчан забрать, от стрел разоружить, лук ослабить, факел угасить, да и по самому телу его хорошенько поначалить. Тогда только и сочту я обиду мою заглаженной, когда она кудри его, сверкающее золото которых вот этими руками я так часто перебирала, обреет и крылья, что я нектарным источником из груди своей орошала, обкарнает *.

30. Сказавши так, гневно ринулась она вон, но не успокоилась еще желчь Венерина. Навстречу ей попадаются Церера с Юноной * и, увидя надутое лицо ее, спрашивают, почему красоту сверкающих глаз ее мрачат сдвинутые брови. А она:—кстати,—отвечает,—вы встретились со мною, готовой на насильственное действие какое нибудь от душевного возбуждения. Молю вас, приложите все усилия и найдите мне убежавшую летунью Психею. От вас, конечно, не тайна страшный скандал в моем доме, и это натворил тот, кого я не могу больше называть сыном.

На это богини, которым известно было все происшедшее, для успокоения пламенного гнева Венеры так начинают:—а что за преступление,

госпожа, совершил твой сын, что ты с таким упорством противишься его счастью и хочешь погубить ту, которую он любит? Что за грех, спрашивается, обменяться улыбкой с красивой девушкой? Разве ты не знаешь, что он уже взрослый юноша, или ты забыла, сколько ему лет? Или потому что он так молодежав для своего возраста, тебе он до сих пор кажется мальчиком? Ты—мать и женщина рассудительная, а между тем все время следишь за шалостями своего сына, ставишь ему в вину распушенность, препятствуешь ему в любовных делах, и осуждаешь в прекрасном сыне своем свои же ухищрения и удовольствия. Кто же из богов или из людей допустит, чтобы ты повсеместно сеяла в людях вождедение, если ты из своего дома изгоняешь стремление к любви и закрываешь общественную мастерскую женских слабостей? Так Церера и Юнона из опасения стрел Купидоновых старались усердной защитой угодить ему, хотя бы и заочно. Но Венера пришла в негодование от того, что они обращают насмех причиненные ей обиды, и, опередив их, быстрыми шагами направила путь в другую сторону, к морю.

КНИГА ШЕСТАЯ

ЕЖ тем Психея, переходя с места на место, ища повсюду следов своего мужа, тем более охватывалась беспокойством душевным, чем страстнее готова была уже не ласками супруги смягчить его гнев, а умолить рабскими мольбами. И вот, увидев какой то храм на вершине крутой горы, подумала:—почему знать, может быть здесь местопребывание моего владыки!—И вот тотчас направляет она туда свой быстрый шаг, которому надежда и обет вернули утраченное в постоянной усталости проворство. Вот уже решительно поднявшись по высокому склону, приблизилась она к святилищу. Видит пред собою вороха пшеничных колосьев, а другие в венки сплетены, и колосья ячменя. Были там и серпы сплетенных и всевозможные орудия жатвы, но все же это лежало по разным местам в беспорядке и без призора, как случается, когда работники на время зноя все побросают. Психея все это по отдельности тщательно разобрала и, старательно разделив, разложила как полагается, полагая, что не следует ей пренебрегать ни

храмом, ни обрядами никого из богов, но у всех их искать милосердного благоволения *.

2. За этой внимательной и усердной работой застаёт ее кормилица Церера и издали еще восклицает;—ах, достойная жалости Психея. Венера в тревожных поисках по всему свету; бешенствуя, твоих следов ищет, готовит тебе страшную кару, всю божественную силу свою направляет на месть тебе,—а ты занимаешься тут у меня уборкой и ничего больше для своего спасения не предпринимаешь?

Тут Психея бросилась к ее ногам, орошая их горючими слезами, волосами землю и богинины следы покрывает и всевозможными просьбами взывает к ее благосклонности:

— Заклинаю тебя твоей десницей плодоносной, радостными жатвы обрядами, молчаливыми тайнами корзин священных, крылатой колесницей драконов, твоих прислужников, бороздою почвы сицилийской, колесницей хищной, цепкой землю, к бессолнечному браку Прозерпины схождением, солнечным обретенной дочери возвращением, и прочим, что скрыто в святилище Елевсина аттического *, окажи помощь душеньке несчастной Психеи, под твою защиту прибегающей. Позволь мне схорониться хоть на несколько деньков в этой гряде колосьев, куда страшный гнев столь великой богини от промежутка времени не смягчится, или по крайней мере куда мои силы, ослабленные долгими муками, от спокойной передышки не восстановятся.

3. Церера отвечает—слезными мольбами твоими я тронута и хочу помочь тебе, но совсем не намерена ссориться с моею родственницею,

с которой я связана узами старинной дружбы, к тому же доброй женщиной. Так что уходи сейчас же из этого помещения и будь довольна, что я не задержала тебя и не взяла под стражу.

Психел, получив, вопреки своим ожиданиям, отказ, и еще больше, чем прежде, удрученная скорбью, снова пускается в путь и видит среди густой рощи в глубокой долине храм, построенный с замечательным искусством; не желая пропускать не единого, хотя бы и неверного, способа улучшить свою судьбу, наоборот, готовая обратиться к какому угодно божеству, ища милости, приближается она к святым вратам. Видит и драгоценные приношения и полотнища с золотыми надписями, развешанные по веткам деревьев и прибитые к дверным косякам, в которых вместе с изъявлением благодарности значилось и имя богини, которой дары посвящены. Тут отерев прежде всего слезы, она склоняет колени и охватив руками еще не остывший алтарь, возносит следующую молитву:

4. Сестра и подруга Юпитера великого, находишься ли ты в древнем святилище Самоса *, что славится как единственный свидетель твоего рождения, младенческого крика и детского питания, пребываешь ли ты в блаженном пристанище Карфагена высокого, где чтут тебя, как деву, львом по небу влекомую, или вблизи берегов Инаха, который прославляет уже тебя, как супругу Громовержца и царицу богинь, председательствуешь ли ты у славных стен аргивянских, ты, которую весь восток чтит как Сиггию, и везде на западе Луциной именуют,— будь мне в моей крайней нужде Юноной покро-

вительницей и изнемогшую от обрушившихся на меня мучений, от страха грозящих опасностей освободи! Насколько знаю я, охотно приходишь ты на помощь не праздным женщинам, находящимся в опасности.

Когда она взывала таким образом, вдруг предстала ей Юнона во всем величии, приличном столь царственной богине, и сейчас же говорит:— поверь мне, я охотно исполнила бы твои просьбы. Но противодействовать воле Венеры, моей невестки, которую я всегда, как дочь, любила, мне совесть не позволяет. Да кроме того и законы, запрещающие покровительствовать чужим беглым рабам. без согласия их хозяев, от этого меня удерживают.

5. Устрашенная вторичным крушением своих надежд, Психея, не будучи в состоянии достигнуть крылатого своего супруга, отложив всякое упование на спасение, предалась такому ходу мыслей:—кто же еще может попытаться помочь мне в моих бедствиях, кто может оказать мне поддержку, когда никто из богинь, даже при желании, не может принести мне пользы? Куда теперь направлю стопы свои, окруженная со всех сторон западнями, и под чьей кровлей, хотя бы под кровом глубокого мрака скрывшись, укроюсь я от неотвратимых взоров Венеры великой? Вооружись наконец по мужски присутствием духа, раз навсегда откажись от пустой, ничтожной надежды, добровольно отдай себя в распоряжение своей владычице и, может быть, этой, хотя и запоздалой, покорностью ты смягчишь ее жестокое преследование? Кто знает, может быть и того, кого ты так долго ищешь, ты

там обретишь в материнском доме?—Итак, готовая к сомнительной попытке покорности, вернее же к несомненной гибели, она обдумывала, с чего начать свою просительную речь.

6. А Венера, убедившись в бесплодности своих поисков на земле, устремилась на небо. Она приказывает, чтобы приготовили ей колесницу, которую златокузнец Вулкан с тонким искусством перед совершением брака соорудил ей, как свадебный подарок. Тонкой пилой выравняв, придал он ей красоту и от уменьшения золота стала она драгоценней. Из множества голубок, что вечно летают вокруг покоев владычицы, отделяются две белоснежные пары, в веселом полете вздув переливчатые шейки, впрягаются в драгоценную упряжь и, приняв госпожу, радостно взлетают. Сопровождая шумным чириканьем богинину колесницу, резвятся воробушки и прочие звонкоголосые пташки, сладко оглашая воздух нежными трелями, возглашают прибытие богини. Облака расступаются, небо открывается перед своею дочерью, высший эфир с весельем приемлет богиню, и певчая свита великой Венеры ни встречных орлов, ни хищных ястребов не боится.

7. Тут сейчас же она направляется к царским палатам Юпитера и надменным тоном заявляет, что ей необходимо воспользоваться помощью голосистого бога Меркурия. Не выразили отказа сизые брови Юпитера. Тут, возликовав, немедленно в сопровождении Меркурия, Венера опускается с неба и в волнении так говорит:— братец мой Аркадиец, ты знаешь, что никогда Венера, сестра твоя, ничего тайком от Меркурия

не предпринимала, неизвестно тебе во всяком случае, сколько уже времени я не могу отыскать сбежавшую от меня служанку. И мне ничего больше не остается делать, как через твое глашатайство объявить всенародно, что за указание, где она находится, будет выдана награда. Так вот сделай, не откладывая, это объявление, причем перечисли подробно и точно ее приметы, если кому они неизвестны, чтобы потом в случае кто преступно утаит ее, не мог отговариваться незнанием.— С этими словами передает ему она лист, где обозначено имя Психеи и прочее. После чего сейчас же удаляется она к себе домой.

8. Не преминул Меркурий послушаться. Обегал все народы. Следующим образом исполнял он порученное объявление:

— В случае кто либо вернет из бегов или сможет указать место, где скрывается беглянка, царская дочь, служанка Венеры, по имени Психея, да заявит об этом глашатаю Меркурию за муртийскими метами *, и в виде награды за сообщение получит тот от самой Венеры семь поцелуев сладостных и еще один самый медвяный с ласковым языка прикосновением.

Таким образом провозглашенное объявление Меркурия и желанность подобного вознаграждения побудила всех людей наперебой приняться за поиски. Подобное положение дел окончательно заставило Психею отбросить всякую медлительность. Она уже приближалась к воротам своей владычицы, как прибегает Привычка, из числа Венериной челяди, и сейчас же кричит, что есть мочи:— наконец то, служанка негоднейшая, уразумела ты, что есть над тобой госпожа! Неужели

по свойственной тебе наглости характера твоего начнешь ты прикидываться, что тебе неизвестно, каких трудов стоило нам отыскивать тебя? Но хорошо, что ты ко мне именно в руки попала, будто в самые адовы тиски угодила, так что немедленно понесешь наказание за свою процерзость,—и смело вцепившись ей в волосы, потащила ее, меж тем как та не оказывала никакого сопротивления.

9. Как только Венера увидела, что Психею привели и поставили пред лицо ее, она разразилась громким хохотом, как человек доведенный гневом до бешенства, затрясла головой, принялась чесать правое ухо и говорит:

— Наконец то ты удостоила свекровь посещением! Или, может быть, ты пришла проведать мужа, который по твоей милости мучится от раны? Но будь благонадежна, я сумею обойтись с тобою, как заслуживает добрая невестка!—и кричит:—где тут Забота и Уныние, мои служанки?—Им, явившимся на зов, она передала ее на истязание. А те, согласно приказу хозяйки, избив бедную Психею плетьюми и предав другим мучениям, снова привели ее пред господские очи. Опять Венера покатила со смеху и говорит:

— Наверное, ты рассчитываешь, что во мне вызовет сострадание зрелище вздутого живота твоего, славное отродье которого собирается осчастливить меня званием бабушки? Действительно, большая для меня честь в самом цвете лет называться бабушкой и слышать, как ребенок рабыни низкой зовут венериным внуком. Нелепо было бы признавать мне его своим по-

томком; брак был неравен, к тому же заключенный в загородном помещении, без свидетелей, без согласия отца, он очевидно не может считаться действительным, так что результат его может рассматриваться только как незаконное дитя, если я допущу, чтобы ты имела возможность его доносить.

10. Сказав это, налетает она на ту, по всякому платью ей раздирает, за волосы дерет и, головой тряся, принимается колотить; затем берет рожь, ячмень, просо, мак, горох, чечевицу, бобы,— все это перемешивает и, насыпав в одну большую кучу, говорит:

— Думается мне, как я на тебя погляжу, что такая безобразная холопка ничем другим могла у любовников взять, как усердной службой: хочу и я попытать твое уменье. Разбери эту смешанную кучу зерна * и, разложив все, как следует, зерно к зерну отдельно, до наступления вечера, представь мне свою работу на одобрение.

Указавши на множество столь разнообразных зерен, сама отбывает к брачному пиру. Психей даже руки не протянула к этой беспорядочной и не поддающейся разбору массе, но удрученная жестоким повелением, молчала и не шевелилась. Вдруг какой то крошечный, деревенский муравей, зная хорошо, как трудна подобная работа, сжалившись над сожительницей великого бога и возмущившись ненавистью свекрови, забегал туда и сюда, ревностно сзывает тут весь отряд окрестных муравьев и упрашивает их:—сжальтесь, проворные питомцы земли всех питающей, сжальтесь над молоденькой красавицей, супругой Амура, придите со всею поспешностью ей, в беде

находящейся, на помощь. Ринулись одна за другой волны шестиножных существ, со всем усердием по зернышку всю кучу разбирают, отдельно по сортам разделили, разложили и быстро с глаз исчезают.

11. Поздно вечером прибывает Венера с брачного пира, опьяненная вином, распространя благоухания, по всему телу увитая гирляндами роз блистающих, и видя, как тщательно исполнена превышающая человеческие силы работа, восклицает:—не твоя. негодница, не твоих рук эта работа! Тот это сделал, кому на его и на твое несчастье ты понравилась!—И бросив ей кусок черного хлеба, пошла спать. Меж тем Купидон, запертый одиноко внутри дома в отдельную комнату, бдительно оберегался, отчасти для того, чтобы он пылкою ревностью не разбередил себе рану, отчасти для того, чтобы он с желанной своей не встретился. Так прошла мрачная ночь для разделенных, хотя и под одной кровлей, но отдельно друг от друга находившихся, любовников.

Но как только Аврора выехала на небосвод, Венера позвала Психею и обратилась к ней с такими словами:—видишь вон там рощу, что тянется вдоль берега речки, по глубоким пучинам которой не скажешь, что истоки ее совсем недалеко? Там без всякого призора бродят откормленные овцы, покрытые золотым руном. Я приказываю тебе немедленно принести мне клочок драгоценной шерсти, добыв его каким угодно образом.

12. Психея охотно отправилась, не столько для того, чтобы оказать повиновение, сколько

для того, чтобы бросившись с берега в реку, обрести успокоение от бед своих. Но вдруг из реки, сладчайшей музыки родитель, легким шелестом ветерка нежнейшего свыше вдохновенный, так вещает тростник зеленый *:—Психея, столько бед испытавшая, не пятнай священных вод моих злосчастною своею смертью и не приближайся, смотри, в настоящее время к этим ужасным овцам: во время солнечного зноя на них обычно нападает бешенство, и они причиняют смертный вред людям то острыми рогами, то лбами крепкими, то наконец ядовитыми укусами; но когда после полудня спадет солнечный жар, и стадо освежится речною прохладою, тогда ты можешь спрятаться под широким платаном, что почерпает себе влагу из одной реки со мною. И как только овцы отойдут от бешенства, ты найдешь золотую шерсть, застрявшую по склоненным веткам, лишь стоит только потрясти верхушки соседних деревьев.

13. Так наставлял простодушный и человечный тростник страдалицу Психею, как избавиться ей от гибели. Она прилежно внимала его советам, и раскаиваться ей не пришлось; все в точности исполнив, она тайком набрала полную пазуху мягкой золотисто-желтой шерсти и принесла Венере. Однако не вызвало одобрения у госпожи вторичное исполнение вторичного сопряженного с опасностью приказа. Нахмутив брови и горько улыбнувшись, говорит она:—небезызвестен мне и этого подвига прелюбодейный свершитель! Но вот я испытаю как следует, действительно ли ты обладаешь присутствием духа и особенным благоразумием. Видишь там высочайшую скалу на вы-

сящейся вершине крутой горы, откуда из сумрачного источника истекают темные воды, что, приблизившись сначала ко вместилищу этой долины, орошают стигийские болота и хриплые волны Кодита питают? Оттуда, из самого родника глубокого источника зачерпнув, ледяной воды немедленно принесешь ты в этой скляночке. — С этими словами передает она ей бутылочку из граненого хрусталя, присовокупляя яростные зарок и заклятия.

14. Та с усердием, ускорив шаг, достигла самой вершины горы, думая, не найдет ли хоть там конца горестной своей жизни. Но как только добралась она до мест, прилежащих к указанной верхушке, видит она смертельную трудность необъятного этого подвига. Невероятная по своей громадности и безнадежная по недоступной крутизне высоченная скала выбрасывала из каменистых теснин приводящие в ужас родники; низвергаясь из жерла покатога отверстия, они сейчас же сбегали по круче и, скрывшись в выбитом русле узкого канала, неприметно для глаза вытекали в соседнюю долину. Направо и налево из глубоких отверстий выглядывали, вытянув длинные шеи, свирепые драконы, глаза которых обречены были на неусыпное бдение и зрачки которых вечно были открыты. К тому же воды, обладающие даром речи, и сами себе в защиту поминутно восклицали:—назад! что делаешь! смотри! куда? берегись! беги! погибнешь!—Окаменела Психея, видя невыполнимость своей задачи, телом была здесь, но чувствами отсутствовала и, подавленная совершенно тяжестью безвыходной опасности, даже последнего утешения, слез, была она лишена *.

15. Но не скрылось от справедливых взоров благостного провидения страдания души невинной. Царственная птица Юпитера всевышнего, внезапно распростерши в обе стороны крылья, предстал хищный орел и, вспомнив старинную свою службу, когда по наущению Купидона похитил он для Юпитера фригийского виночерпия, подумал, что, оказав благовременную помощь супруге в ее трудах, почтит он самого бога, и, покинув высоты стезей Юпитеровых, стал летать перед лицом девушки и так к ней повел речь:—и ты надеешься, простушка, неопытная в таких делах, хоть одну каплю достать украдкой или хотя бы приблизиться к этому не менее священному, чем грозному источнику? Разве ты ни разу не слышала, что эти стигийские воды страшны богам и даже самому Юпитеру, ибо как вы клянетесь божественной силой богов, так небожители имеют обыкновение призывать в свидетели Стиксово величие? Но дай мне твою склянку.—Быстро взяв ее в свои когти и приведя в равновесие громаду колеблющихся крыл, спешит среди ряда драконовых пастей с оскаленными зубами и трехжальными языками, уклоняясь то вправо то влево, к желанным водам: когда же те стали кричать, чтобы удалился он, покуда цел, он выдумал в ответ им, что стремится к ним он по приказанию Венеры, исполняя ее порученье, в виду чего ему свободнее дана была возможность доступа.

16. Наполненную таким образом скляночку Психея с радостью получила и как можно скорее отнесла к Венере. Но даже и теперь не могла она снискать одобрения у разгневанной

богини. Та со зловещей улыбкой, сулящей для бедной еще большие и злейшие беды, обращается к ней:—как вижу, ты—великая и опытная колдунья, что так совершенно исполняешь столь трудные задачи. Но вот что, милочка, должна ты для меня сделать. Возьми эту баночку,—и передала ей,—и скорее отправляйся в преисподнюю в загробное царство самого Орка. Там отдашь баночку Прозерпине и скажешь:—Венера просит тебя прислать ей немножечко твоей красоты, хотя бы на один денек, так как собственную она всю извела и истратила, покуда ухаживала за больным сыном.—Но возвращайся не мешкая, так как мне нужно ею воспользоваться очень скоро, чтобы пойти на собрание богов.

17. Тут больше чем когда либо почувствовала Психея, что настал ее последний час, так как все ясно без всякого прикрытия указывало, что посылают ее на верную гибель. Чего же больше? Приказывают ей добровольно своими ногами отправляться в Тартар, к душам усопших. Не медля более, устремилась она к некоей высокой башне, собираясь броситься оттуда вниз, так как считала, что таким путем лучше и прекраснее всего можно низойти в преисподнюю. Но башня неожиданно издает голос и говорит:—зачем, бедняжка, искать тебе гибели в пропасти? Почему новые опасности и труды так легко удручают тебя? Ведь раз дух твой отделится от тела, конечно, пойдешь ты в глубокий Тартар, но назад оттуда ни при каких условиях не вернешься. Послушай меня.

18. Неподалеку отсюда находится Лакедемон, знаменитый город благородной Ахайи: по сосед-

ству с ним отыщи Тенар, окруженный безлюдными местностями *. Там расщелина Дита, и через открытые врата виден путь бездорожный, лишь только ты ему доверишься и переступишь порог, так прямым направлением достигнешь Оркова царства. Но вступать в этот сумрак должна ты не с пустыми руками, в каждой держи по куску ячменной лепешки, замешанной на меду с вином, а во рту носи две медных монеты. Сделав уже значительную часть смертоносной дороги, встретишь ты хромого осла, нагруженного дровами, и при нем хромого же погоняльщика; он обратится к тебе с просьбой поднять ему несколько полешек, упавших из вязанки, но ты не подавай голоса ни под каким видом и молча иди дальше. Вскоре дойдешь ты до реки мертвых, над которой начальником поставлен Харон, он сейчас же потребует пошлины и тогда только перевезет в утлом челне на другой берег. Значит, и среди умерших процветает корыстолюбие: ни Харон, ни сам великий бог Дит ничего не делают даром, и умирающий бедняк должен запастись деньгами на дорогу, потому что без того, чтобы у него не было наличной меди, никто не допустит его испустить дух. Грязному этому старику ты и дашь в уплату за перевоз один из медаков, которые будут с тобою, но так, чтобы он сам вынул у тебя его изо рта. Когда будешь ты переправляться через медлительный поток, еще выплывет мертвый старик на поверхность и, простирая к тебе сгнившую руку, будет просить, чтобы ты втащила его в лодку, но ты не поддавайся недозволенной жалости.

19. Когда, переправившись через реку, ты отойдешь немного, увидишь старых ткачих, занятых тканьем; они попросят, чтобы ты слегка приложила руку к их работе, но это не должно тебя нисколько касаться, потому что все это и многое еще другое будет возникать по коварству Венеры, для того, чтобы ты выпустила из рук хотя бы одну из лепешек. Не думай, что пустое ничтожное дело потерять эти лепешки, если одну хотя бы утратишь, снова света белого не увидишь. Преогромный пес, наделенный тремя большими головами, громадный и страшный, бешеным лаем тщетно пугая мертвых, которым зла причинить не может, у самого порога и черных сеней Прозерпины лежа, постоянно охраняет обширные палаты Дита. Дав ему для укрощения в добычу одну из лепешек, ты легко пройдешь мимо него и достигнешь скоро до самой Прозерпины, которая примет тебя любезно и милостиво, будет уговаривать сесть помягче и отведать пышной трапезы. Но ты сядь на землю и возьми только черного хлеба, затем доложи, зачем ты пришла, и, приняв, что тебе дадут, возвращайся обратно: смягчи ярость собаки оставшейся лепешкой, заплати скупому старику за перевоз медную монету, которую ты сохранила, и, переправившись через реку, прежней дорогой снова вернешься и снова увидишь хоровод небесных светил. Но вот, о чем я считаю нужным предупредить тебя прежде всего: не вздумай открывать баночки, которая будет у тебя в руках, и не старайся увидеть скрытые в ней сокровища божественной красоты *.

20. Так прозорливая башня изложила свое пророчество. Психея, не мешкая, направляется к Тенару, взяв согласно наставлению медные деньги и лепешки, спускается по загробному пути, молча пройдя мимо убогого погонщика ослов, дав медяк перевозчику за переправу, оставив без внимания просьбы выплывшего покойника, пренебрегши коварными мольбами ткачих, утишив устрашающую ярость пса лепешкой, проникает она в чертоги Прозерпины. Не прельстившись предложением хозяйки кресел мягких, яств роскошных, но сев смиренно у ног ее и удовольствовавшись простым хлебом, передала она поручение Венеры. Сейчас же запрятала наполненную и закупоренную баночку и, приманкой следующей лепешки заткнув глотку лаявшему псу, оставшимся медяком заплатив за перевоз, выбралась из преисподней гораздо бодрее, чем шла туда. Снова увидела она свет белый и поклонилась ему. Но хотя и поторопилась она поскорее исполнить поручение, но дерзкое любопытство овладело ею.—Какая я глупая,—подумала она,—нести с собой божественную красоту и не взять от нее хоть немножечко для себя, чтобы понравиться прекрасному моему возлюбленному! И, подумав так, открывает баночку.

21. Там ничего решительно нет, никакой божественной красоты, только сон подземный, поистине стигийский, сейчас же вырвавшийся из под крышки, на нее находит, по всему телу разливается густое облако оцепенения и овладевает ею, упавшей на той же тропинке, не будучи в состоянии шагу ступить дальше. И ле-

жала она недвижно, словно объятая смертным покоем. А Купидон, выздоровев от тяжелой своей раны и не перенося столь долгого отсутствия своей Психеи, ускользнул через высокое окно комнаты, где был заключен, и, с удвоенною быстротой помчавшись на отдохнувших за долгий покой крыльях, нашел свою Психею и, тщательно сняв с нее сон и спрятав его на прежнее место в баночку, Психею будит безопасным уколом своей стрелы и говорит:— вот ты, бедняжка, опять чуть не погибла из за того же все твоего любопытства. Но покуда что, усердно исполни свою задачу, порученную тебе по приказанию моей матери, а об остальном я позабочусь.— С этими словами возлюбленный вспорхнул на крыльях, а Психея поспешила отнести Венере Прозерпинин подарок.

22. Меж тем Купидон, снедаемый сильной любовью и боясь внезапной суровости своей матери, принимается за старые хитрости и, достигнув на быстрых крыльях самой выси небес, с скорбным лицом обращается с мольбами к Юпитеру и излагает ему суть дела. Тогда Юпитер, потрепав Купидона по щеке и поднеся к своему лицу его руку, расцеловал его и говорит:— хоть ты, почтеннейший сын, никогда не отдавал мне должного почтения, присужденного мне собранием богов, а, наоборот, грудь мою, где предопределяются законы стихии и течения светил, часто поражал ударами и нередко ранил случаями земных вождедений, так что пятнал мою честь и доброе имя, заставляя нарушать законы, в особенности Юлиев закон *, и общественную нравственность, унижительным образом

меня пресветлый лик свой на образ змеи, огня, зверей, птиц и домашнего скота, по памятуя о своей скромности, а также и о том, что ты вырос на моих руках, исполняю все твои желания, только сумей успокоить своих противников. Кроме того, в ответ на настоящее благодеяние должен ты, если на земле в настоящее время находится какаянибудь девица выдающейся красоты, устроить мне ее в виде благодарности.

23. Сказав так, отдает он приказание Меркурию немедленно созвать всех богов на заседание и объявить, что на того, кто не явится к небесному совету, будет наложен штраф в десять тысяч нуммов. Под страхом такой пени небожители быстро наполняют покои, и Юпитер, сидя выше всех на возвышенном седалище, так возглашает:

— Боги, выборные по спискам муз, конечно, вы знаете этого юношу, которого собственно-ручно я вынянчил. Решил я некую узду наложить на буйные порывы его юного возраста: хватит с него, что ежедневно его порочат ро-сказнями о прелюбодеяниях и всякого рода сквернах. Вырвать надлежит всякий повод к этому и мальчишескую распушенность обуздать брачными путями. Он остановил свой выбор на некой девушке и невинности лишил ее: пусть же она останется при нем, пусть он ею владеет и в объятиях Психеи да наслаждается вечно любовью.

И обратясь к Венере, продолжает:

— А ты, дочка, отбрось всякую печаль, и не бойся, что твой род или положение пострадает от брака со смертной. Я уже сделаю так, что союз не будет неравным, но законным, сообразным гражданским установлениям.

Тут отдает приказ Меркурию сейчас же взять Психею и доставить на небо. Протянув чашу с амврозией, говорит:

— Прими, Психея, стань бессмертной, да никогда Купидон не отлучается объятий твоих и да будет союз ваш на веки веков.

24. Немедленно свадебный стол роскошный устраивают *. На почетном ложе возлежал новобрачный, прижав к персям своим Психею. В таком же положении находился и Юпитер со своей Юноной, а за ними по порядку и остальные боги. Чашу с нектаром, что богам вино заменяет, Юпитеру подавал кравчий его, пресловутый отрок сельский, остальным гостям подносил Либер, Вулкан—кушанья готовил, Оры все осыпали алыми розами и прочими цветами, Грации окропляли благовониями, Музы оглашали воздух пением, Аполлон пел под кифару, прекрасная Венера в такт музыке сладкой плясала, так устроив себе сопровождение, что Музы пели хором и играли на флейтах, а Сатиры и юные Паны дули в свирели. Так по чину передана была во власть Купидона Психея. И в определенный срок родилась у них дочка, которую зовем мы Вожделение.

25. Так рассказывала пленной девушке выжившая из ума и пьяная старушонка: а я, стоя неподалеку, клянусь Геркулесом, жалел, что нет при мне табличек и палочки, чтобы записать такую прекрасную повесть. Тут после какой то опасной схватки возвращаются разбойники с добычей, но несколько более задорных из них ранеными; этих они на поправку ран оставляют дома, а самим не терпится возвратиться за при-

прятанной, по их словам, в какой то пещере добычей. Проглотили второпях обед и меня с лошадьё, как вьючную силу для предстоящей перевозки, погоняя палкой, выводят на дорогу; измучившись, кружась по перевалам и кручам, к вечеру добираемся мы до некоей пещеры; там на нас навьючили множество всякой поклажи, и ни минуточки не дав отдохнуть, сейчас же гонят обратно, и так впопыхах заторопимись, что, осыпаясь ударами, споткнулся я о камень, лежавший при дороге, и свалился. Опять посыпались на меня удары, чтобы я поднялся, хотя я и повредил себе правое бедро и левое копыто.

26. И один из них говорит:—долго ли мы будем даром кормить этого никуда негодного осла, который теперь к тому же и охромел еще?— А другой:—как только этот проклятый завелся у нас в доме, ни в чем настоящей удачи нам нет, самых храбрых то ранят, то на смерть убивают.—Еще другой:—как только он, хочет не хочет, поклажу донесет,—я не я буду, если его вниз головой не сброшу, пускай ястреб им досыта питается.

Покуда эти добрейшие люди так между собою о моей смерти переговариваются, мы добрались и до дому. От страха у меня на копытах словно крылья выросли. Тут наскоро свалив с нас груз и перестав заботиться о нашем благосостоянии и также о моей смерти, сейчас же вызывают они товарищей, которые оставались ранеными, чтобы остаток добычи перенести на руках, так как, по их словам, им до смерти надоела наша медительность. Меня же не мало мучила мысль о готовящейся мне смерти. И я так раздумывал

сам с собою:—ну, что, Луций, стоишь, какого конца ждешь? Смерть, и притом жесточайшая, решена тебе на совете разбойников. Привести в исполнение этот приговор не стоит никакого труда:

— Видишь, совсем близко высокие скалы, усеянные острейшими камнями, которые в тело тебе вонзятся, раньше, чем умрешь, на клочки тебя раздерут. Ведь пресловутая магия твоя, дав тебе образ и тяготы осла, не ослиной кожей тебя снабдила, а тонкой пленкой, как у пиявки. Что же ты не воспрянешь духом и не подумаешь, пока еще возможно, о своем спасении? Пока разбойников нет, все для бегства сложилось самым благоприятным образом. Или ты боишься присмотра старухи полуживой? Лягнуть ее разок хромой ногой—вот с ней и покончено! Но к кому направить бег свой и кто окажет мне гостеприимство? Вот нелепое и поистине ослиное рассуждение! да любой прохожий охотно уведет с собою средство к передвижению.

27. Сейчас же быстрым усилием оборвав привязь, которой я был прикреплен, пускаюсь в бегство со всех четырех ног. Однако, я не смог ускользнуть от ястребиного глаза хитрой старухи. Как только она увидела меня на свободе, набравшись не по возрасту и не по полу своему дерзости, ухватила она за привязь и пыталась привести меня обратно. Но я, памятуя о зловещем намерении разбойников, не поддаюсь никакой жалости, но ударив старуху задними ногами, сейчас же валю ее на землю. Но она, хотя и распростертая ниц, все таки крепко дер-

жала привязь, так что несколько шагов я протащил ее за собою. К тому же она начала громким воем звать к себе на подмогу кого либо посильнее. Но тщетно воплями поднимала она напрасный шум, так как не было никого, кто мог бы прийти к ней на помощь, разве только одна пленная эта девица, которая, прибежав на крики, видела зрелище, клянусь Геркулесом, достойное памяти,—старуху в виде Дирцеи *, повисшую не на быке, а на осле. Тогда она, вооружившись мужским мужеством, решилась на прекрасное и опасное дело. Выхватив у той из рук привязь и остановив меня успокоительным щебетаньем, она ловко на меня вскакивает и снова побуждает к бегу.

28. Одушевленный добровольным решением бегства и стремлением освободить девицу, к тому же и убежденный ударами, которые частенько меня подбадривали, я с лошадиной скоростью застучал по земле четырьмя копытами, пытаюсь даже отвечать ржанием на нежные обращения девушки. Неоднократно даже, повернув морду, будто для того, чтобы почесать спину, я целовал красивые ноги девушки. Наконец она, вздохнув из глубины души и обращая к небу взволнованное лицо, восклицает:

— Вы, всевышние боги, помогите же наконец мне в крайней опасности, а ты, жестокая слишком Судьба, перестань уже быть ко мне враждебной! Достаточно для умиловления тебя этих достойных сострадания мучений. Ты же, опора моей свободы и спасения, если ты меня невредимо доставишь домой и вернешь родителям и жениху моему прекрасному, как я тебе

буду благодарна, какими почестями осыплю, какой корм предоставлю! Прежде всего гриву твою, старательно расчесав, моими девичьими драгоценностями украшу; чолку же, кудрявую когда то, красиво разделю на две пряди; лохматый и сваленный оттого, что долго его не мыли, хвост старательно размягчу; весь украшенный золотыми шариками как небесными звездами, заблестишь ты, приветствуемый радостными криками толпы; насыпав в шелковые мешки миндалей и лакомства, каждый день буду кормить тебя, как спасителя своего.

29. Но кроме нежной пищи, полного бездельствия и спокойствия в течение всей жизни, не будет тебе недостатка в достойном прославлении. Запечатлею я память о настоящем счастье моем и божеском промысле вечным свидетельством; закажу картину, где будет изображено теперешнее мое бегство, и повешу ее в атриуме своего дома. И все будут видеть и в сказках слышать и на вечные времена в книгах ученых людей читать историю о том, как «девица царской крови из плена на осле убежала». Причислен будешь ты к древним чудесам, и твой живой пример заставит поверить и Фриксу, переплывшему море на баране, и Ариону, правившему дельфином, и Европе, возлегшей на быке. Если правда, что Юпитер мычал, обратившись в быка, может быть и в моем осле скрывается какое нибудь человеческое лицо или божеский лик?

Пока девушка несколько раз это повторяла * и обеты свои прерывала частыми вздыханиями, дошли мы до некоего перекрестка, откуда, схватив за недоуздок, старалась она изо всей силы повернуть меня направо, где, по ее мнению, шла

дорога к ее родителям. Но я, зная, что разбойники по ней же пошли за остальной своей добычей, крепко заупрямился и так молча в душе своей к ней обращался:

— Что делаешь, дева несчастная? Что творишь? Зачем спешишь к Орку? Зачем стремишься насильно направить мои шаги? Ведь не только к своей гибели, но и к моей ведешь!— Пока мы так тянули друг друга в разные стороны и спорили, будто на суде о владении землей или о межевании, внезапно являются разбойники, нагруженные своей добычей, и, издали еще, узнавши нас при лунном свете, приветствовали нас злорадным смехом.

30. Один из их числа взывал к нам:—куда это вы по этой дороге быстрым шагом по ночам шатаетесь, не убоявшись в глухую полночь усопших душ и приведений? Или ты, честнейшая девица, спешишь увидаться со своими родителями? Но в одиночестве твоём мы будем тебе защитой и к родителям твоим путь укажем.

И с соответствующим жестом, схватив за привязь, повернул он меня в обратную сторону, не скупясь на привычные для меня удары узловатой палки, которая была у него в руках. Тут невольно вспомнил я, приближаясь к скорой гибели, о боли в копыте и, мотая головой, принимаю хромать. Но тот, что меня тащил обратно, восклицает:—вот как! Снова ты принялся хромать и ковылять, и ноги твои гнилые бегать могут, а итти не умеют? А только что в быстроте ты с Пегасом * мог поспорить!

Покуда милостивый спутник мой, потрясая палкой, так со мной пошучивал, добрались мы

до первого забора ихнего жилища. И вот видим: на одном суку высокого кипариса в петле висит старуха. Моментально ее сняли и так, не развязывая веревки, и бросили в пропасть, затем девицу заключили в оковы и, как звери, набросились на ужин, посмертный плод заботливости несчастной старухи.

31. Покуда с жадной прожорливостью они все поедали, начали между собою совещаться, какую казнь придумать нам себе в отпущение. И как в каждом бурном собрании мнения разделились: один считал, что съечь следует девицу, другой убеждал отдать ее диким зверям, третий требовал распять ее на кресте, четвертый советовал на смерть пытками ее замучить; в одном все мнения сходились, что обречена она должна быть на какого бы то ни было рода смерть. Тут один из них, когда шум стих, спокойно обратился к собранию с такими словами:

— Не приличествует ни общему нашему, ни каждого в отдельности милосердию, ни личной моей умеренности, чтобы допустили мы чрезмерную ярость в наказание за проступки и чтобы с помощью диких зверей, креста, огня, пыток, и какой бы то ни было преждевременной смерти ускорили кончину ее. Итак, последовав моим советам, даруем же девице жизнь, но такую, какую она заслуживает. Из памяти у вас не вылетело, что уже раньше решили вы относительно этого осла, лентяя и обжоры, который теперь ложно прикидывается калекой, а между тем оказался посредником и помощником девушки в ее бегстве. Лучше всего зарежем его завтра же и, выпотрошив, зашьем ему в живот

голую девицу, которую он нам предпочел, так, чтобы только одна голова ее была наружу, а все остальное тело скрывалось в звериной шкуре. Затем выставим этого начиненного и откормленного осла на какуюнибудь каменистую скалу и предоставим действию солнечного жара.

32. Таким образом оба преступника будут терпеть все то, что вы справедливо постановили. Осел подвергнется давно уже заслуженной смерти, а та и зверями будет съедена, так как тело ее будут пожирать черви, и огнем будет сожжена, так как солнечная жара будет палить ослиное брюхо, и на кресте будет мучиться, когда собаки и коршуны потянут внутренности наружу. Но прикиньте, сколько и других еще пыток и мучений предстоит ей: заживо зашитая в желудок дохлого животного, мучимая зловонием при усилении зноя, терзаемая смертельным голодом от длительного недоедания, она даже не сможет сама себе причинить смерть, так как руки ее будут несвободны.

После такой речи разбойники единодушно, не сходя с места, подали голоса за его предложение. Я же слушал все это своими длинными ушами, заранее олакивая себя, который завтра будет не более, как падалью.

КНИГА СЕДЬМАЯ

ДВА, разогнав мрак, забелел день и показалась все освещающая блестящая колесница солнца, как пришел какой то человек из числа разбойников; на это указывали приветствия, какими они обменялись друг с другом. Сев у самого входа в пещеру и переведа дух, он сделал своим товарищам следующее сообщение:

— Что касается до дома Милона Гипатского, который мы на днях разграбили, тут мы можем, отложив всякую тревогу, успокоиться. После того, как вы все имущество с большой смелостью растащили и вернулись в нашу стоянку, я вмешался в толпу местных жителей и, изображая то горесть, то возмущение, старался узнать, к какому решению придут они по поводу события, и заблагорассудится ли им преследовать разбойников и в какой мере, чтобы обо всем донести вам, как мне и было поручено. Заключаю я не по сомнительным догадкам, а на основании правдоподобных соображений, что по общему мнению всей толпы очевидным виновником преступления считается некий

Луций, который несколько дней перед этим посредством подложных рекомендательных писем, выдав себя Милону за порядочного человека, добился того, что ему было оказано гостеприимство и ввели его в самый тесный круг домочадцев; проживши же несколько дней, он вскружил голову Милоновой служанке и успел внимательно рассмотреть дверные запоры и тщательно исследовать все места, где обычно хранилось хозяйское добро.

2. Как на немаловажное доказательство его преступности указывалось на то обстоятельство, что в ту же самую ночь, за минуту до нападения, он скрылся и до сих пор не появляется; к тому же ему легко было найти и средство на случай побега, чтобы как можно быстрее все дальше и дальше удаляться от обманутых преследователей, так как вместе с собой он увел и свою белую лошадь, на которой мог бы удрать. Дома остался раб его, от которого надеялись узнать о том, какие преступления замышлял его хозяин; его сейчас же схватили, заключили в городскую тюрьму, но на следующий день, почти до смерти замученный различными пытками, он тем не менее не признался ни в чем подобном; тогда послали на родину этого самого Луция большое количество уполномоченных, чтобы они нашли виновного и дали возможность подвергнуть его наказанию за преступление.

Покуда он это рассказывал, сравнил я прежнее благополучие Луция и нынешнее прискорбное положение осла злосчастного, вздохнул из глубины души и подумал, как не без повода старинные мужи древней еще мудрости считали

Фортуны слепой, поистине безглазой и такой ее и изображали. Она всегда дарами своими осыпает дурных и недостойных, в выборе смертных руководится не рассудительностью, с теми больше всего водится, которых, если бы зрячая была, бежать должна была бы, а что хуже всего, внушает нам превратные, противоречащие действительности мысли, так как негодяя увенчивает славой порядочного человека, а ни в чем неповинных отдаст в добычу губительному злоречию.

3. Я сам, в конце концов, которого жесточайший ее натиск обратил в животное и довел до презренного жребия четвероногого, способного в самом несправедливом существе возбудить жалость и сострадание, теперь навлек на себя обвинение в разбойничьем проступке по отношению к дражайшему моему хозяину. Пожалуй, ктонибудь мог бы назвать поступок мой не только разбойничьим, но поистине отцеубийственным. И у меня не было возможности защищать свою правоту, или хотя бы одним словом выразить протест. Но чтобы молчание мое перед лицом столь гнусного обвинения не было со злым умыслом истолковано, как знак согласия, я, потеряв всякое терпение, хотел воскликнуть: — не виновен!.. — Но без конца издавал только первый слог, последующее же никаким манером не мог выговорить, все оставаясь на том же месте и ревя: — не, не! — как ни придавал округлость вислым губам своим; но что за польза жаловаться на жестокость судьбы, когда она не постыдилась сделать меня ровней и товарищем моей лошади, которой

надлежало бы быть у меня в полном подчинении и служить мне для передвижения?

4. Среди этих обуревавших меня размышлений одна забота давала сильнее других о себе знать: как только я вспоминал, что согласно постановлению разбойников я осужден быть погребальной жертвой при смерти этой девушки, я взглядывал неоднократно на свой живот, который, казалось мне, готов был уже разрешиться от бремени несчастной девицей. Между тем человек, который перед этим сообщал обо мне ложные сведения, вытаскивал зашитые у него в подкладку тысячу золотых, взятые по его словам у разных путников, и пожертвовал их, как человек честный, в общую кассу, затем принялся подробно расспрашивать о здоровье своих сотоварищей. Узнав, что многие из них, притом храбрейшие, при различных обстоятельствах, но с одинаковой доблестью погибли, начал он уговаривать на время вернуть проезжим дорогам безопасность, объявить всяким стычкам перемирие и заняться главным образом тем, чтобы подыскать соратников, набрать новую молодежь и довести ряды воинственного ополчения до прежней численности: сопротивляющихся — страхом можно принудить, а добровольцев привлечь наградами. Ведь не мало есть людей, которые предпочтут униженной и рабской жизни под властью самодуров поступление в нашу шайку. Со своей стороны он давно уже нашел одного человека и ростом высокого, и возрастом молодого, и телосложения крепкого, и на руку скорого, которого он убеждал и уже убедил, чтобы тот руки свои,

ослабевшие от долгой лени, приложил наконец к какому либо лучшему делу и покуда есть возможность воспользовался плодами своей силы, чтобы он не протягивал крепкую свою руку для выпрашивания грошей, а нашел ей лучшее применение в добывании золота.

5. С его словами все единодушно согласились и решили и того принять, который считался как бы уже одобренным, и других искать для пополнения комплекта. Тогда он вышел ненадолго и приводит некоего юношу огромного, как и обещал, с которым едва ли кто из присутствовавших мог сравниться; ибо, не говоря уже об общей массивности телосложения, он на целую голову был выше всех, хотя щеки его едва покрывал первый пушок, — полудетого в плохо сшитые пестрые лохмотья, через которые видна была выпуклая дородность его груди и живота.

Вновь пришедший произносит следующее:— привет вам, служители бога сильнейшего Марса, ставшие для меня уже верными соратниками; мужа, приходящего к вам со всею живостью великодушной души, от души и примите. Охотнее телом раны готов я получать, чем золото добыть рукою, и сама смерть, что других страшит, мне придает больше бодрости. Не считайте меня нищим или доведенным до отчаянья и не судите о моих достоинствах по этому рубищу. Я был во главе сильнейшей шайки и опустошал всю Македонию. Я — пресловутый фракийский Гемон, имени которого трепещут все провинции, отпрыск отца Ферона, знаменитого в свою очередь разбойника, вспоенный

человеческой кровью, воспитанный в недрах шайки, наследник и соревнователь отцовской доблести.

6. Но все прежнее множество товарищей храбрых, все богатство великое в короткий промежуток времени утрачены мной. Божий гнев ополчился на меня за нападение на прокуратора, получавшего оклад в двести тысяч сестерций, но дела которого потом пошатнулись, так что впал он в ничтожество. Но так как история вам неизвестна, начну по порядку. Был некий человек при дворе цезаря, славный и известный высоким положением, — сам цезарь взирал на него милостиво. Его то, оклеветанного по проискам некоторых лиц, жестокая зависть подвергла изгнанию. Была у него жена Плотина, женщина редкой верности и исключительного целомудрия, наградившая семейство мужа десятим залогом супружества. Презрев и отвергнув услады столичной роскоши, эта спутница в изгнании и подруга в несчастье обстригла волосы, сменила свои одежды на мужские, спрятала в пояс наиболее драгоценные из своих украшений и золотые монеты, и среди военной стражи и мечей обнаженных, разделяя все опасности, в неусыпной заботе о спасении супруга, непрерывные бедствия по мужески выносила. Вытерпев многие путевые невзгоды на море и на суше, приближались они к Закифу*, где роковой жребий назначил ему временное пребывание.

7. Но как только достигли они акциумского побережья, где в то время, перекочевав из Македонии, мы разбойничали, и в виду наступившей ночи, избегая морских волн, расположились

на ночь в какой то прибрежной харчевне вблизи их корабля,—мы напали на них и все разграбили. Однако нельзя сказать, чтобы мы ушли, не подвергнувшись никакой опасности. Лишь только матрона услышала, как закричала дверь, принялась она бегать по комнате и беспокойным криком своим всех переполошила, зовя стражников и слуг своих поименно, сзывая всех соседей на помощь, так что, не запрячясь все они по углам, трепеща за свою безопасность, не уйти бы нам безнаказанно. Но эта достойнейшая (нужно отдать ей справедливость) и исключительной верности женщина, снискав уважение за доблестные свои поступки, обратилась с прошением к божественному цезарю и выхлопотала быстрое возвращение из ссылки для своего мужа и полное отпущение за нападение. Как только пожелал Цезарь, чтобы не существовало шайки Гемона разбойника, так ее и не стало; такую власть имеет одно мановение великого владыки. Вся шайка стараниями особых воинских отрядов была раздроблена и раздавлена, лишь я один, с трудом скрывшись, избег Орковой пасти следующим образом:

8. Надев узорное женское платье в широких пышных складках, покрыв голову вышитой повязкой, обувшись в белые, тонкие женские туфли и укрывшись и спрятавшись под личиной слабого пола, я сел на осла, нагруженного ячменными снопами и проехал через самую середину вражеского отряда. Принимая меня за какую нибудь пастушку ослов, они дали мне свободный пропуск; не надо забывать, что я тогда был безбородым и щеки мои блистали отроческой

свежестью. Но при этом я нисколько не посрамил ни отцовской славы, ни своей доблести, так как подставленный прямо под убийственные мечи, полудрожа, скрывшись обманным образом только под чужой одеждой, в одиночестве проезжая через села и усадьбы, я сумел сколотить себе деньжонок на дорогу.— И сейчас же, приоткрыв свои лохмотья, он выложил оттуда две тысячи золотых.— Вот,—говорит,—мой гостинец или приданое в вашу компанию, а также предлагаю себя, если вы ничего не имеете против, вам в вернейшие атаманы, при чем ручаюсь, что пройдет немного времени,—и каменное это ваше жилище я обращу в золотое.

9. Без промедления и задержки, разбойники единогласно тут же выбрали его в атаманы и принесли довольно нарядное платье, которое он и надел, сбросив свои лохмотья, в которых было такое богатство. Преобразившись таким образом, он со всеми перецеловался, потом его поместили на самое возвышенное ложе и отпраздновали его избрание ужином и большой попойкой.

Тут из перекрестного разговора узнав о попытке девушки убежать, о моем пособничестве и о чудовищной смерти, назначенной нам обоим, спросил он, в каком помещении она находится; когда его привели туда и он увидел, что она в оковах, сморщивши неодобрительно нос, он вернулся обратно и говорит:—я не настолько груб и дерзок, чтобы высказываться против вашего решения, но по совести я бы считал несправедливым скрыть от вас то, что мне кажется правильным. Прежде всего прошу верить,

что побуждает меня лишь забота о вашей пользе, к тому же, если мнение мое вам не понравится, вы свободно можете снова вернуться к вопросу об осле. Ведь я полагаю, что для разбойников, которые ясно понимают свое дело, выше всего должна стоять прибыль, даже выше, чем желание мести, осуществление которой часто связано с убытком. Если же вы уморите эту девушку в этом осле, вы сделаете не что иное, как удовлетворите чувство возмущения без всякого иного возмещения. Потому я полагаю, что ее нужно отвести в какойнибудь город и там продать. Девочка в ее возрасте не может пойти за низкую цену. У меня у самого, когда я еще водился со сводниками, был знакомый, который не мало талантов полностью дал бы за такую девушку сообразно ее происхождению, чтобы приспособить ее к ремеслу потаскушки, от него бы она уже не убежала, а ваша жажда мщения была бы достаточно удовлетворена, раз она попала бы в публичный дом. Я вам высказываю соображения, которые мне пришли в голову, как выгодные; вы же, конечно, вольны в своих мнениях и поступках.

10. Так этот рачитель о разбойничьей прибыли защищал и наше дело, отменный спаситель осла и девицы. Остальные, по долгом обсуждении, при чем продолжительность этого совещания измучила мне все внутренности и жалкий дух мой, охотно присоединились к мнению вновь вступившего разбойника и сейчас же освободили деву от оков. Как только увидела она этого юношу и услышала упоминание про потаскушек, да сводников, так превесело начала смеяться,

что в голову мне пришло заслуженное осуждение всего женского пола, так как на моих глазах девушка, забыв жениха молодого и желание законного брака, при одном имени гнусном и грязном публичного дома внезапно пришла в такой восторг. Так что вся порода женская и нравы их зависели от ослиного суждения. Но молодой человек снова обратился с речью к разбойникам: — почему бы не воздвигнуть моление Марсу Сопутствующему, чтобы он помог нам и девицу продать и набрать товарищей? Да, как вижу, у нас и никакого животного, потребного для жертвоприношения, ни вина в достаточном количестве, чтобы пить вволю, не имеется. Поручите мне десяток спутников, с меня будет довольно, я отправляюсь в ближайшую усадьбу и оттуда вам приволоку провизии на салическое пиршество.

Он отправился, а оставшиеся развели огромный костер и из зеленого дерна соорудили жертвенник богу Марсу.

11. Вскоре и те вернулись, неся мехи с вином и гоня перед собой целое стадо скота. Выбрав большого козла, старого, косматого, приносят его в жертву Марсу Охраняющему и Сопутствующему. Сейчас же готовят роскошный пир. А пришлец тот и говорит: — должны вы убедиться, что проворен ваш атаман не только в вылазках и добыче, а и в наслаждениях ваших. — И взявшись за дело, с необыкновенной ловкостью все искусно приготовляет. Метет, накрывает, жарит, приправы приготсвляет красиво, а главным образом накачивает их всех поочереды то и дело огромными чашами вина.

Тем временем, ходя взад и вперед, как того требовала взятая им на себя должность, часто заходит к девушке: то потихоньку даст ей унесенные со стола кушанья, то с веселым видом поднесет ей выпить, сам предварительно пригубив из той же чаши. Та все это с жадностью принимала и, случалось, что когда тот хотел ее поцеловать, она сама быстрыми поцелуями предупредила его желание. Такое поведение отнюдь мне не нравилось.

Ах, девушка невинная, как могла ты забыть свой брак и любимого тобой возлюбленного, как могла ты предпочесть твоему только что повенчанному супругу, которого я не знаю, но с которым сочетали тебя твои родители, этого бродягу и убийцу кровавого? Неужели совесть в тебе молчит, а нравится тебе, поправши чувство, предаваться блуду среди этих мечей и копий? А что, если каким нибудь манером другие разбойники об этом пронюхают? Опять к ослу прибегнешь, опять под беду меня подведешь? По правде сказать, отыгрываешься ты на чужой спине.

12. Покуда я с величайшим негодованием приписываю ей всякие низкие побуждения, вдруг узнаю по некоторым намекам, достаточно ясным для рассудительного осла, что это не Гемон, пресловутый разбойник, а Тлеподем, жених этой же самой девушки. В пылу разговора все очевиднее, не обращая внимания на мое присутствие, будто я был не живой, говорит он ей:— будь покойна, Харита нежнейшая, всех этих твоих врагов скоро будешь иметь пленниками.— Тотчас же, без перерыва, осовевших от голово-

кружения и опьянения ослабевших подчуёт уже совсем не разбавленным, лишь слегка на пару подогретым вином, а сам не пил. И, клянусь Геркулесом, я сильно подозреваю, что он им в большие чаши подмешал какогонибудь снотворного снадобья. Наконец, решительно все от вина свалились с ног, все до одного полегли как мертвые. Тут без всякого затруднения накрепко он их всех перевязал и, сковав их по своему усмотрению, посадил мне на спину девушку и направился к своей родине.

13. Едва мы подъехали к дому, весь город высыпал навстречу вымоленному зрелищу. Выбежали родители, родственники, клиенты, воспитанники, слуги с веселыми лицами, вне себя от радости. Действительно, для всякого пола и возраста картина была небывалая и, клянусь Геркулесом, достойная памяти, как дева торжественно въезжала верхом на осле. Я сам по мере сил повеселел и, чтобы не сочли, что я не при чем в этом деле, наострил уши, раздул ноздри и громко заревел, огласив все кругом громовым ревом. Родители приняли девушку в брачный покой, окружив ее заботами, меня же Тлеполем в сопровождении большого количества вьючного скота и сограждан повернул обратно. Я ничего не имел против этого, так как и вообще любопытствовал узнать, что будет дальше, и желал присутствовать в качестве свидетеля при поимке разбойников. Мы застали их связанными больше вином, чем оковами. Отыскав и отобрав все имущество и нагрузив нас золотом, серебром и прочим добром, самих их частью, как были связанными, подкатив

к ближайшему обрыву в пропасть кинули, остальных же оставили убитыми собственными их мечами.

Радуюсь подобному отмщению, с веселым ликованием возвращаемся мы в город. Такое множество богатства было помещено в общественное казнохранилище, а вновь обретенная девица передана Тлеполему, как законная супруга.

14. С этой минуты матрона, объявив меня своим спасителем, начала оказывать самые широкие заботы и с первого же дня своего супружества отдала приказание до краев насыпать мне в ясли ячменя и давать столько сена, что хватило бы и на верблюда Бактрийского *. Как проклинал я заслуженно чародейство Фотиды, обратившей меня в осла, а не в собаку, когда видел, как много остатков с пышной трапезы домовыми псами растаскивается или получается в виде подачи и как они потом до отвала наедаются.

После первой ночи и начатков Венеры, новобрачная не переставала с величайшей благодарностью напоминать обо мне своим родителям и супругу, покуда те не обещали ей, что мне будет обеспечено самое почетное существование. Был собран совет из наиболее уважаемых друзей, чтобы обсудить, каким способом достойнее выразить мне свою признательность. Одному из них казалось самым подходящим оставить меня при доме и, никуда не выпуская, откармливать меня отборным ячменем, бобами и журавлиным горохом. Но одержало верх мнение другого, который, заботясь о моей свободе,

советовал лучше отпустить меня резвиться в деревенские луга среди табунов, чтобы хозяева кобылиц от моего благородного покрытия имели приплод в виде множества мулов.

15. Итак сейчас же призывается конский пастух и с длинными предварительными наставлениями меня ему вручают. Вне себя от радости, весело побежал я вперед, решив не иметь уже больше дела ни с тюками, ни с другой какой поклажей и рассчитывая, что с увеличением свободы, теперь в начале весны, мне удастся на зеленых лугах найти где-нибудь розы. Приходило мне в голову и следующее соображение, что если мне в ослином образе оказываются такие знаки благодарности и почести, то, став человеком, я удостоен буду еще больших благодеяний. Но как только пастух этот вывел меня из города, сейчас же стало ясно, что не только никакого удовольствия, но даже ни малейшей свободы для меня не предвидится. Потому что жена его, скупая и негоднейшая женщина, сейчас же приспособила меня вертеть мельничный жернов и, подгоняя меня безжалостно суковатой палкой, за счет моей шкуры приготавливала хлеб на себя и свою семью. Не довольствуясь тем, что ради своей пищи так меня изнуряет, она еще моими трудами молола за плату зерно от соседей, а меня несчастного после такой работы лишала даже положенной мне пищи. Зерно, предназначенное мне, она пускала тоже в помол, и смелотое моими усилиями продавала окрестным крестьянам, мне же после дня такой работы поздно вечером давала грязных непросеянных отрубей в перемежку с крупным песком.

16. На удрученного такими бедами жестокая судьба обрушила новые мученья, чтобы я, как говорится, и дома и на стороне храбрыми подвигами до сыта мог прославиться. Наконец случилось, что почтенный пастух мой, исполняя с опозданием хозяйский приказ, надумался выпустить меня к кобылиному табуну. И вот я, снова свободный ослик, пустился подпрыгивая, и, выступая в любовном вожделении, уже принялся выбирать, которая из кобыл всего подходящее для предстоящей случки. Но за сладостной этой надеждой последовала смертельная опасность. Самцы, похотливые от обильного и продолжительного корма, к тому же ужасные на вид и во всяком случае более сильные, чем любой осел, опасаясь моего соперничества и не желая разводиться ублюдков, пренебрегли заветами Зевса Гостеприимца и, взбесившись, начали меня с ненавистью преследовать. Тот, вздыбив в высоту могучую грудь, подняв голову, вытянув шею, поражает меня передними ногами, другой, повернувшись ко мне тучным крупом с мясистыми мускулами, наносит удары задними копытами, третий, грозя зловещим ржанием, прижав уши, оскалив ряд белых зубов, принялся меня всего кусать. Тут вспомнилось мне читанная мной история о фракийском царе, который своих несчастных гостей бросал на растерзание и пожрание диким лошадям: до чего этот могущественный тиран скуп был на ячмень, что голод прожорливых кобылиц щедро удовлетворял человеческим мясом!*

17. Подобным же образом истерзанный различными нападениями этих жеребцов, я с тоской

помышлял, как бы снова вернуться к своим жерновам. Но Фортуна, поистине ненасытившаяся еще этими моими мучениями, приготовила снова новое мне еще наказание. Выбрали меня, чтобы возить лес с горы, и приставили ко мне на этот случай мальчишку, самого скверного из всех мальчишек. Он не только заставлял меня взбираться по крутому подъему и от такого пути по острым камням все копыта сбивать, но в награду за это злодейски осыпал меня палочными ударами, так что боль от этих ран проникала мне до мозга костей, при чем он всегда попадал мне по правому бедру и, норовя все в одно и то же место, раздирал мне шкуру, и болячка, делаясь все шире, обратилась из небольшого отверстия в большую дыру или даже целое окно, по которой, несмотря на то, что та сочилась кровью, он не переставал лупить. А дров такое множество на меня нагружал он, что можно было подумать, что вязанки приготовлены для слона, а не для осла. Когда же поклажа на одном боку перевешивала, то вместо того, чтобы во избежание падения облегчить немного тяжесть и мне дать передышку, или, переложив на другую сторону, уравновесить груз, он напротив того привязывал камни к более легкому боку, таким образом думая поправить отсутствие равновесия.

18. Не довольствуясь моими муками от чрезмерной тяжести, когда мы переправлялись через речку, встречавшуюся по пути, он, заботясь, как бы обувь от воды не попортилась, сам еще, вскочив мне на спину, усаживался, как будто такой незначительный привесок не увели-

чивал общей тяжести. Когда же случилось, что поскользнувшись на мокрой грязи, не будучи в состоянии тащить такой груз, я не мог взобраться на крутой берег и падал, он и не думал, как подобало бы порядочному погонщику, мне руку подать, за узду потянуть, за хвост поднять, или сбросить часть багажа, чтобы я мог стать на ноги; никакой такой помощи в моем несчастье он не оказывал, а, вырезав здоровенную дубину, принимался лупить меня по всему телу, начиная с головы, как раз с ушей, покуда успокоительное это средство не заставляло меня подняться. Вот еще какое он придумал для меня наказание: связал острейшие колючки с ядовитыми иглами в пучок и привязал мне к хвосту в виде всячего орудия пытки, так что при ходьбе приведенные в движение они жестоко ранили меня своими шипами.

19. Таким образом подвергался я двойной беде, потому что пушусь ли прытью, избегая жесточайших его нападений, тем сильнее ранят меня болтающиеся колючки, задержу ли я немного шаг, чтобы убавить боль, он меня ударами начинает подгонять. Не иначе надо было полагать, что негоднейший этот мальчишка решил так или иначе меня извести, чем он мне неоднократно клятвенно и грозил.

Очевидно было, что отвратительная злокозненность его побуждала к худшим еще выдумкам; однажды, когда терпение мое истошилось от крайней его наглости, я здорово его лягнул копытами. Тогда он следующую каверзу на меня измыслил. Нагрузив меня большими связками пакли и накрепко привязав их веревками, по-

гнал он меня вперед, а сам на ближайшем хуторе стащил тлеющий уголь и положил его в самую середину поклажи. Постепенно разгораясь и укрепляясь, огонь обратился в пламя, и всего меня объял зловещий жар, и не предвиделось прибежища в крайней беде этой, ни какого либо способа для спасения, и такое пожарище никакой проволоочки не допускало, и всякое соображение у меня из головы выскочило.

20. Но в крайних бедствиях Фортуна ласково мне улыбнулась, может быть, для того, чтобы сохранить меня для будущих опасностей, но во всяком случае от настоящей и предрешенной гибели меня спасая. Увидев оставшуюся после вчерашнего ливня свежую лужу с грязной водой, я со всего разбега бросаюсь в нее головой и сейчас же загасив огонь, освободившись и от груза и от гибели избавившись, выхожу из нее обратно. Но и тут пакостный и наглый мальчишка этот свой негоднейший поступок сваливает на меня и уверил остальных пастухов, что, проходя спотыкаясь мимо соседних костров, я по своему почину поскользнулся и добровольно зажегся об них, и со смехом прибавил:—до каких же пор мы зря будем кормить огненосца этого?

Немного дней спустя еще худшую хитрость против меня он придумал. Продав в первую избушку дрова, которые я возил, и пригнав меня пустым, начал говорить, что не может справиться с моим злым нравом, отказывается от несчастной службы при мне и жалобы свои ловко сочинил в таком виде:

21. Полюбуйтесь на этого лентяя нерасторопного, в полном смысле слова, осла! Кроме всех

прочих провинностей теперь он меня новыми проказами вздумал допекать. Как только увидит прохожего,— будь то смазливая бабенка, или девочка на выданьи, или нежный отрок,— сейчас же сбросив свою поклажу, иногда и самую подстилку, пустился, как сумасшедший, догонять людей, странный любитель, повалит их на землю, и, набросившись на них, пытается удовлетворить свою непозволительную и невиданную похоть и, желая дать выход скотским страстям, делает попытки противоестественного совокупления. Желая воспроизвести поцелуй, тычет он грязной мордой и кусается. Из за таких дел у нас возникает не мало крупных ссор, судебных процессов, а может случиться и обвинение по уголовщине. Вот и теперь: увидев по дороге какую то молодую приличного вида женщину, дрова, которые вез, он сбросил, разбросал по сторонам, сам же, как пламенный любовник, бешено напал на нее и хотел на глазах у всех влезть на женщину, распростертую на грязной земле. И если бы на крики и женские вопли не свежались прохожие, чтобы оказать помощь, и не освободили ее, вырвавши из ослиных объятий, несчастная претерпела бы, будучи раздавленной и растерзанной, мучительную кончину, а на нас было бы наложено строгое наказание и штраф.

22. Присоединяя к этим вракам другие еще рацеи, которые казались тем более убедительными, что я хранил стыдливое молчание, он жесточайшим образом возбудил всех пастухов к моей гибели. Наконец один из них воскликнул:—почему же не принести в жертву,

как требуется за чудовищные совокупления, этого всенародного супруга, пошлейшего из всех любодеев?—И добавляет: эй ты, мальчик, отруби ему голову, кишки собакам нашим выброси, что останется мяса прибереги на обед нашим работникам, а кожу затвердим золою и отнесем к хозяевам, без труда свалив его смерть на волка. Без замедления зловредный мой обвинитель, он же и исполнитель пастушеского решения, радостно, издеваясь над моим несчастьем и не забыв, как я его лягал,—жалею, клянусь Гёркулесом, что недостаточно сильно его лягнул,—принялся за приготовления и начал точить нож на оселке.

23. Но тут один из этой деревенской сходки говорит:—грешно было бы такого прекрасного осла просто на просто зарезать и только из за того, что ему ставят в вину любовную похоть и распушенность, лишаться нам такого необходимого работника, когда стоит только выхолостить его, и он не только не сможет возбуждаться и вы будете освобождены от страха подвергнуться опасности, но он сам делается вдобавок жирнее и глаже. Знавал я не то что вялых ослов, а диких и обладавших крайней похотью жеребцов, и то буйные и неукротимые эти звери после холощения делались ручными, кроткими, способными к перевозке грузов и на другую работу годными. Если вы ничего не имеете против моего предложения, дайте мне немного времени. Я схожу на соседний рынок, возьму из дому инструменты, необходимые для этой операции, сейчас же вернусь к вам обратно и, раздвинув ляшки, оскоплю этого беспокой-

ного и неприятного кавалера, так что он делается тише всякого барашка.

24. Такое решение избавило меня от крепких рук Орка, но уготованный на жестокое наказание, я загрустил и в потере крайней части тела оплакивал полную свою погибель. Обдумывал я, как бы продолжительной голодовкой, или добровольным прыжком в бездну, найти себе смерть, при которой я, конечно, умру, но умру по крайней мере, не подвергаясь при жизни никакому увечью. Пока я, не спеша, занимался выбором способа смерти, ранним утром мальчишка тот, мой погубитель, снова погнал меня на обычную дорогу в горы. Привязав меня к свисавшей ветке большущего падуба, он пошел вперед, чтобы нарубить топором дров, которые ему нужно будет везти. Вдруг из ближайшей пещеры высунула сначала огромную голову, а потом и вся вылезла зловедущая медведица. Как только я ее увидел, в страхе и в ужасе от неожиданного появления морды я всей тяжестью тела осел на задние лапы, голову задрал как можно выше и, оборвав привязь, пустился без оглядки бежать, спеша не только ногами, но и всем вытянутым телом, вниз на расстилающиеся равнины, стараясь изо всех сил убежать не только от громадной медведицы, но и от худшего, чем сама медведица, мальчишки.

25. Тут какой то прохожий, видя, что я один бегу без присмотра, проворно вскочил на меня и палкой, что была у него в руках, погнал в бок по неизвестной мне дороге. Я охотно прибавил шаг, удаляясь от жестокой перспек-

тивы лишения мужественности. К тому же удары не были особенно чувствительны для меня, отлично привыкшего к палкам.

Но Фортуна, упорно преследовавшая меня, с удивительной быстротой повернула мне во вред тот удобный случай к спасению и принялась строить мне новые козни. У пастухов моих пропала телушка, и они, в поисках ее обходя окрестности, случайно попались нам навстречу, сейчас узнали меня и, схватив за узду, начали тащить. Новый мой седок смело и крепко протестовал, взывая к человеческой совести и к богам.— Куда вы меня насильно тащите? Чего на меня нападаете?

— А, так мы с тобой невежливо обращаемся, когда ты сам, укравши у нас осла, уводишь его? Лучше скажи, куда ты мальчика, его погонщика, которого ты очевидно убил, запрятал? — Сейчас же сбили его на землю, принялись бить кулаками, пинать ногами, хотя он клялся и божился, что никакого погонщика не видел, но встретив меня одного и без присмотра, хотел в надежде на вознаграждение, вернуть меня владельцу.

— Если бы этот осел, которого мне лучше бы не встречать, обладал человеческим голосом, он бы подтвердил мою невиновность, и вам было бы стыдно за ваше обращение со мною.

Но слова его делу не помогли. Непокладистые пастухи набросили ему петлю на шею и повели в густую рощу к той горе, где мальчик имел обыкновение рубить дрова.

26. Нигде его не нашли, а заметили разбросанными по разным местам растерзанные части

его тела. Я чувствовал, что без всякого сомнения это дело зубов медведицы, и, клянусь Геркулесом, сказал бы все, что знал, будь у меня дар слова. Но я одно мог делать,— молча благодарить судьбу хоть за запоздалое возмездие. Между тем все разъединенные части трупа были найдены, с трудом составлены вместе и тут же преданы земле, а моего Беллерофонта*, в воровстве которого не сомневались, и которого, кроме того, подозревали в кровавом убийстве, отвели связанного к себе домой, с тем чтобы завтра ранним утром передать, по их словам, начальству для наказания.

Между тем, пока родители мальчика горевали, рыдая и плача, приходит и крестьянин, верный своему обещанию, и требует, чтобы надо мной была совершена решенная операция. Кто то ему отвечает:— сегодня нам не до того, а вот завтра сколько угодно, можешь не только естество, а и голову этому проклятому отрезать. В помощниках у тебя недостатка не будет.

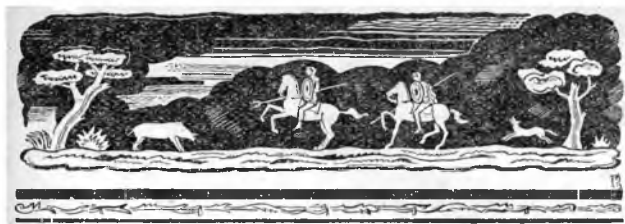
27. Этим было достигнуто то, что гибель моя отложена была на следующий день. И я был благодарен благодетельному отроку за то, что он хоть смертью на один денечек отсрочил мое мучение. Но даже такого краткого промежутка, чтобы поздравить себя и отдохнуть, дано мне не было; мать отрока, оплакивая жестокую смерть сына, плача и рыдая, одетая в траурные одежды, обеими руками раздирая покрытые пеплом седины, с воплями переходящими в крики, поражая ударами грудь свою, врывается в мое стойло и начинает так:— а вот, полюбуйтесь, в полной безопасности

уткнулся в ясли и предается своей прозорливости, только и знает, что набивает свою ненавистную и бездонную утробу жратвой, ни над моими бедами не сжалится, ни об ужасном несчастье с своим хозяином не вспомнит, а словно презирает и небрежет о моей старости и убожестве и полагает, что даром пройдет ему такое злодеяние! Кто угодно может счесть его за невинного: ведь вполне естественно строить надежду на спасение вопреки нечистой совести на самых жалких попытках. Призываю богов справедливых в свидетели, негоднейшая скотина, хотя бы ты и добился какого нибудь голоса в свою пользу, только бессмысленного идиота можешь ты убедить, что ты не при чем в жестоком этом деле, когда ты и копытами мог защитить бедного мальчика и укусами врага отогнать. Мог ты частенько его самого лягать, а от смерти с таким же жаром уберечь не мог? Конечно, ты должен был бы взять его себе на спину и спасти от кровожадных рук этого разбойника вместо того, чтобы, покинув и бросив своего товарища, наставника, спутника, пастыря, убежать одному. Разве тебе неизвестно, что даже те, кто умирающим в спасительной помощи отказывают, подлежат наказанию, как преступившие добрые нравы? Но недолго, убийца, будешь ты бедам моим радоваться. Скоро я дам тебе почувствовать, насколько природны силы могут увеличиваться от сильного горя.

28. Сказав это, она обеими руками развязала свою повязку и связав ею мои ноги заднюю с задней, переднюю с передней, и плотно заты-

нув, чтобы лишить меня возможности сопротивляться, схватила кол, которым обыкновенно подпиралась дверь в стойле, и принялась меня колотить, пока силы ее не надломились окончательно и палка от собственной своей тяжести не выпала у нее из рук. Тогда, жалея, что так быстро устали ее мускулы, подбежала она к очагу и, вытащив оттуда горячую головню, стала совать ее прямо мне в пах, покуда я не принужден был прибегнуть к последнему способу защиты, а именно пустить ей в лицо и глаза струю жидкого кала. Почти ослепнув и задыхаясь от вони, убежала от меня эта язва, а не то погиб бы ослиный Мелеагр от головни безумствующей Алфеи *.

КНИГА ВОСЬМАЯ

А РАССВЕТЕ, с первыми петухами, пришел некий юноша из ближайшего города, как мне показалось, один из слуг Хариты, той девушки, что вместе со мной у разбойников одинаковым несчастьем подвергалась. Он подсел к огню, товарищи тесно окружили его, и он сообщил странные и зловещие вести о кончине Хариты и о бедствиях, постигших все семейство. Начал он таким образом:

— Табунщики, овцепасы и вы, волопасы, нет у нас больше Хариты, и по несчастному случаю не без спутников отправилась на тот свет бедняжка. Но чтобы лучше вы поняли, начну с начала, а происшествия таковы, что попадись они людям более ученым, которые имеют счастье пером владеть, те могли бы в виде повести передать это все бумаге.

— В соседнем городе жил молодой человек, благородного происхождения, и по деньгам, как было известно, достаточно богатый, но привыкший к распущенности, проводивший дни по кабакам, в обществе продажных женщин, с утра

в попойках, вступивший в конце концов в шайку разбойников, даже обagrивший руки в крови,— по имени Тразилл. Каков он был на самом деле, такова о нем была и слава.

2. Как только Харита созрела для брака, он явился первым из женихов и с большим старанием добивался ее руки, но хотя он превосходил своих соперников и богатыми подарками старался склонить родителей на согласие, дурная слава о нем помешала, и он, к немалой обиде своей, получил отказ. Когда хозяйская дочка вышла за доброго Тлеполема, тот не перестал питать потерянной для него любви, усиленной негодованием за отвергнутое предложение, и задумал кровавое преступление. Найдя в конце концов случай проникнуть в дом, он приступил к злодеянию, давно уже обдуманному им. В тот день, когда девушка благодаря ловкости и доблести своего жениха освобождена была от зловещих ножей разбойников, тот, высказывая преувеличенную радость, вмешался в толпу поздравляющих, поздравил их с настоящим благополучием, пожелав от всей души будущего потомства и будучи помещен нашими хозяевами, благодаря блестящей своей родословной, в ряды самых почетных гостей, скрыв злодейский свой замысел, делал вид человека, одушевляемого самыми дружественными чувствами. Уже постоянными разговорами и частыми беседами иногда даже участием в трапезах и попойках он делался все ближе и ближе, незаметно для самого себя стремясь к любовной гибели. И в самом деле, разве начальное пламя жестокой любви не улаждает нас легким паром, потом же, разгораясь

от непрерывного тления, не до конца сжигает нас бессмертным жаром?

3. Долго в конце концов раздумывал Фразилл, как бы найти удобный случай для разговора наедине, но все менее и менее представлялась возможность получить доступ к прелюбодейной Венере, окруженной множеством стражи; не виделось способа расторгнуть узы свежего и все крепчающего чувства, да и сама неискренность новобрачной, если бы она даже была согласна на то, на что согласна она не была, служила бы не малой помехой к нарушению супружеской верности; и тем не менее, себе на гибель, стремился он к невозможному, как будто это было возможным. Ведь, если страсть с каждым днем овладевает нами все сильнее и сильнее, то, что в обычное время мы считали за трудно исполнимое предприятие, тут нам кажется легким и сбыточным; итак, обратите внимание, прошу вас, со всею тщательностью выслушайте, на какие крайности способно иступленное чувство.

4. Однажды Теполом, по приглашению Фразилла, отправился на облаву охотиться, если только охотиться будут за дикими козами, так как на охоту за другими зверями, вооруженными клыками, зубами или рогами, Харита его не пускала. Лесистый холм, покрытый тенистым и частым кустарником, скрывал от взоров ловчих диких коз, но выпускаются, чтобы поднять зверя из логова, породистые охотничьи собаки; они, помня выучку, разбиваются на своры и занимают кругом все выходы, вначале ограничиваясь глухим рычанием, потом по внезапно данному знаку оглашают воздух громким,

нестройным лаем. Но показывается совсем не дикая коза, не робкая лань, не кротчайшая из всех животных оленица, а огромный, не видавший еще охоты, кабан, с толстым мозолистым загривком, колючий от вставших дыбом на шкуре волос, косматый от поднявшейся по хребту щетины, скрежедущий покрытыми пеной зубами, извергающий пламя из грозных глаз, подобный молнии в диком нападении трепещущей пастью. Прежде всего ударами клыков направо, налево, вспорол он до смерти слишком дерзких собак, которые следовали по его пятам, затем растоптал наши ничтожные сеточки, жалкие преграды для его нападений, и последовал вперед.

5. Мы же все, пораженные ужасом, с непривычки к таким опасным охотам, к тому же бессильные и недостаточно вооруженные, прячемся поглубже под прикрытие листьев и деревьев, меж тем как Фразилл, видя обстоятельства благоприятными для его коварных замыслов обращается к Тлеполему с такой лукавой речью:

— Как, мы по примеру подлой этой челяди, поддались страху и пустому испугу и упустим из рук такую завидную добычу? Мы ведь не бабы. Почему бы нам не вскочить на коней, почему не припуститься в погоню? Ну ка, бери рогатину, а я захвачу копьё. И вот в одну минуту они уже сели на лошадей и во весь опор пустились преследовать зверя. Но тот, не забыв природной силы своей, оборачивается для защиты и пламенной горя жестокостью, стиснув зубы, колеблется, на кого первого

наброситься. Первый Тлеподем оружие свое всадил в спину зверю, но Фразилл, минуя кабана, копьем разрывает поджилки задних ног у лошади, на которой ехал Тлеподем. Животное осело, истекая кровью и, повалившись навзничь, невольно сбрасывает седока на землю. Не медлит неистовый вепрь, но, ринувшись на лежащего, раздирает ему сначала одежду, а когда тот хотел приподняться,— и самому ему наносит клыком глубокую рану. Но добрый друг нисколько не смутился начавшейся бедой, полагая, что такое опасное положение не может вполне удовлетворить требование его жестокости, и когда раненый, стараясь удержать кровь из покрытых ранами своих бедер, жалостно взывал к нему о помощи, он поразил его копьем в правый бок с тем большей уверенностью, что полагал раны от оружия выдать за следы звериных клыков. Затем без труда прикончил и вепря*.

6. К погибшему таким образом юноше сбегаясь и мы, каждый из своего убежища, горестные домочадцы.

А тот, радуясь в душе, что исполнил свой замысел и ниспроверг врага, не допускал веселью выступать на своем лице, но морщил лоб, принял печальный вид, жадно обнимал бездыханное тело, которое сам лишил жизни,— одним словом тщательно проделывал все действия удрученного горем человека, только слезы не слушались и не показывались на глазах. Приведя себя по внешнему виду в соответствие с нами, горевавшими нелицемерно, вину своих рук он сваливал на зверя.

Не поспело еще злодеяние вполне закончиться, как уже молва о нем распространяется, прежде всего путь свой направляя к дому Тлеполема, и достигает слуха несчастной супруги. Как только услышала она эту весть, с которой по ужасу ничего не могло сравниться, как, умилившись, потеряв рассудок, словно одержимая, бешено пустилась бежать по людным площадям, по диким полям, не своим голосом крича о несчастьи своего мужа. Стекаются к ней горестные толпы граждан, встречные присоединяются к ним, разделяя их скорбь, весь город пустеет от охватившего всех желания видеть, в чем дело. Вот приносят труп ее мужа, без чувств рушится она на тело и едва тут же на месте не испускает дух. С большим трудом слуги ее поднимают, и она против воли остается в живых, и погребальная процессия в сопровождении всего народа направляется к усыпальнице.

7. А Фразилл* не переставая вопить, рыдает, и слезы, что в первые минуты печали отказывались появляться, теперь от увеличивающейся радости потекли; самое богиню Истины ввел бы он в обман, осыпая ласкательными именами покойного. Называет он его и другом, и сверстником, и товарищем, и братом, а тем временем руки у Хариты, бьющей себя в грудь, отводит, успокаивает печаль, удерживает от воплей, ласковыми словами смягчает жало скорби, плетет утешения, приводя многочисленные примеры разнообразных бедствий, одним словом притворными заботами сожаления старается вкратце в доверие женщины и фальшивыми утешениями

поддерживать ненавистную свою страсть. Как только вполне окончились погребальные обряды, молодая женщина только и думала, как бы вслед за мужем сойти в могилу и, перебрав все способы, остановилась на самом легком, спокойном, не требующем никаких орудий, но подобном блаженному успокоению, — она отказалась от всякой пищи, перестала о себе заботиться, удалившись в темный покой, словно на век распростившись с дневным светом. Но Фразилл, с упорной настойчивостью, отчасти собственными убеждениями, отчасти через своих друзей и родственников и, наконец, через самих родителей молодой женщины, достиг того, что она согласилась свое тело, уже смертельно побледневшее и покрытое грязью, освежить баней и пищей подкрепить силы. Она, почитая своих родителей и подчиняясь священной необходимости, против воли, с лицом не веселым, конечно, но более ясным, возвращается, как от нее требовали, к жизненным привычкам; но в самой глубине души таилась у нее печаль и скорбь, дни и ночи снедалась она скрытой тоской и, соорудив статуи, изображавшие покойного в виде бога Либера, она посвятила себя на служение ему, сама себя терзая подобным утешением.

8. Меж тем Фразилл, вообще человек порывистый и, как из самого имени его явствует отважный, не дождавшись, чтобы печаль до сыта насытилась слезами, успокоилась ярость в пораженном уме, чтобы горе частыми приступами само себя изжило, не постеснялся заговорить о браке с женщиной, еще продолжавшей опла-

кивать мужа, раздирать одежды, и по свойственному ему бесстыдству выдал тайны своей души и невообразимое ее коварство. При этих нечестивых словах на Хариту находит ужас и отвращение, и она падает, как бы пораженная ударом грома, небесным знамением или юпитеровой молнией, лишившись чувств. Через некоторое время придя в себя, она испускает несколько раз звериный вой и представляет себе всю картину Фразиллова предательства, просит отложить ответ на его просьбу, куда она тщательно ее не обдумает.

Между тем, во время целомудренного ее сна является тень несчастного убиенного Тлеполема с лицом, обезображенным бледностью, сочащимся сукровицей, и с такими словами обращается к супруге:

— Супруга моя, пусть никому другому не дано будет называть тебя этим именем; но если в груди твоей память обо мне уже исчезла, или если горькая смерть моя прервала любовный союз, лучшему браку сочитай себя, только не доставайся в святотатственные руки Фразилла, речами с ним не обменивайся, за трапезу с ним не возлегай, на ложе с ним не покойся. Беги кровавых рук моего погубителя. Воздержись заключать брак с убийцей. Раны те, кровь с которых слезы твои омыли, не все от клыков раны, копийная рана злого Фразилла разлучила меня с тобою.— И еще добавил и подряд рассказал, как совершилось преступление.

9. А она, прежде погруженная в мрачный покой, уткнувшись лицом в подушку, не просыпаясь, щеки увлажняла горячими слезами

и как будто терпя неожиданную муку от усилившегося горя, испускает ужасные стоны, рубашку раздирает и по прекрасным рукам безжалостно бьет ладонями. Ни с одной душой не поделившись ночными своими видениями, но тщательно скрыв улики злодеяния, молча решила и убийцу негоднейшего наказать и себя избавить от бедственной жизни. Но гнусный искатель безрассудного счастья снова является, утруждая ее не желавшие слушать уши разговорами о бракосочетании. Но она, кротко прервав речь Фразилла и с удивительным искусством надев личину, в ответ на назойливую болтовню и униженные просьбы говорит:

— Все еще стоит перед моими глазами прекрасный образ брата твоего и дрожайшего моего супруга, все еще ноздри мои обоняют дух киннамона от амброзийного тела, все еще Теплоем благолепный живет в моем сердце. Хорошо и рассудительно ты поступишь, если предоставишь необходимое время для законного горя несчастнейшей женщины; пусть протекут оставшиеся месяцы и закончится годовой круг, что не только будет соответствовать моему целомудрию, но и для твоего спокойствия будет полезно, чтобы горестная тень моего мужа, обьятая справедливым негодованием за преждевременный брак, не подвигнута была к гибели твоего счастья.

10. Но такие слова не отрезвили Фразилла, отсрочка обещания его не удовлетворила; попрежнему из взволнованных уст его вылетали нечистые нашептывания, так что Харита, сделав вид, что он ее убедил, сказала ему:—хоть одну

большую мою просьбу исполни; для меня, Фразилл, необходимо, чтобы покуда не истекнут остальные дни до годовичного срока, молча сходились мы на тайные свидания, так чтобы никому из домашних не было ничего известно.

Убежденный лживыми обещаниями женщины, Фразилл поддался и охотно согласился на тайное сожительство, приняв и ночное время, и полную темноту, одну задачу ставя выше всего другого—обладание.—Но, слушай,—говорит Харита,—закутайся как можно плотнее в плащ, без всяких спутников, молча, в первую стражу ночи приходи к моим дверям, свистни один раз и жди моей кормилицы, которая у самого входа будет тебя караулить. Но и впустив тебя внутрь, она не зажжет огня, а в темноте проведет тебя к моей опочивальне.

11. Фразиллу понравилась такая мрачная обстановка будущих брачных свиданий. Не подзревая ничего дурного, волнуемый лишь ожиданием, он досадовал, как долго тянется день и как медлит наступить вечер. Но как только наконец день уступил место ночи, он, обрядившись, как приказала ему Харита и предавшись в руки хитрой старухи, ставшей на караул, полный надежд, проникает в опочивальню. Тут старуха, исполняя наставления хозяйки, окружает его заботами и, вытащив тихонько чаши и сосуд с вином, примешивает туда снотворного зелья, объясняя отсутствие госпожи тем, что та задержалась у больного отца; тот доверчиво и жадно опоражнивает не раз чаши, так что сон без труда валит его с ног. Вот он уже лежит навзничь, предоставленный любимым оскор-

блениям; быстро входит на зов обуреваемая мужественными чувствами и диким порывом Харита и останавливается над убийцей.

12. Вот он,—воскликает,—верный спутник мужа моего, вот лихой охотник, вот дражайший супруг! Вот десница, кровь мою пролившая, вот грудь, где на мою погибель замышлялись живые козни, вот глаза, на горе которым я поправилась и которые теперь погружены во мрак, предвкушая будущие муки. Спокойно почивай, счастливых снов! Ни мечом, ни железом тебя не трону; неместно, чтобы одним родом смерти с мужем моим ты сравнился; очи умрут у тебя у живого, и кроме как во сне ничего ты больше не будешь видеть. Так сделаю, что убийство врага своего сочтешь счастливее своей жизни. Света дневного видать не будешь, в руке поводья нуждаться будешь, Хариты обнимать не будешь, браком не насладишься, ни в смертный покой не погрузишься, ни жизнью радостной не усладишься, но бледной тенью будешь блуждать меж преисподней и солнцем, тщетно нища десницы, что зениц тебя лишила и, что в бедствиях тяжелее всего, не зная, кто твой обидчик. Я же кровью из глаз твоих на гробнице моего Тлеполема совершу возлияние и душе блаженной его посвящу твои очи. Но зачем пользуешься ты отсрочкой достойного тебя мученья и, быть может, грезишь о моих, губительных для тебя, объятиях? Оставь сумрак сна и проснись для другого мрака, мрака возмездия. Подними незрячее лицо твое, узнай отмщение, пойми свое бедствие, сочти свои беды! Так очи твои понравились целомудренной женщине, так

брачные факелы осветили свадебный чертог твой. Мстительниц будешь иметь свадебными подружками, а дружкой — слепоту и вечное угрызение совести.

13. Провещав подобным образом, она вытаскивает из волос головную шпильку и наносит бесконечные уколы его глазам, затем оставив его совершенно лишенным зрения, пока у того от невыразимой боли пропал весь хмель и сон, схватывает обнаженный меч, который Тлеподем обычно носил у пояса, безумным бегом пускается по городу и, без сомнения замышляя какое то новое злодеяние, направляется прямо к гробнице мужа. И мы, и весь народ, покинув все здания, усердно бежали вслед за нею, угваривая друг друга извлечь оружие из ее безумных рук. Но Харита, встав совсем близко к гробу Тлеподема и заставя блистающим мечом всех расступиться, как увидела, что все горько плачут и со всех сторон раздаются вопли, говорит: — оставьте докучные слезы, оставьте горе, недостойное моей доблести. Отомстила я кровавому убийце моего мужа, казнила зловещего похитителя моего брака. Настает время, когда мечом этим найду дорогу я в загробный мир к моему Тлеподему.

14. И, рассказав все в подробности по порядку, о чем в сонном видении известил ее муж и в какую западню завлекши, погубила она Фрезилла, вонзая меч себе под правую грудь, рухнула, обливаясь собственной кровью, и, пробормотав напоследок какие то невинные слова, испустила мужественный дух. Со старанием и тщанием обмыв тело несчастной Хариты

домочадцы погребли ее в одной усыпальнице с мужем, как вечную супругу.

А Фразилл, узнав о всем происшедшем, не находя, какая казнь соответствовала бы подобному бедствию, но уверенный, что смерть от меча недостаточна для такого преступления, приказал принести себя туда же, к той же гробнице и неоднократно воскликнув: — вот, оскорбленные тени, предстоит вам добровольная жертва! — плотно велел закрыть за собою двери в гробнице, избирая голод по собственному приговору средством к уничтожению осужденной жизни.

15. Так он поведал тяжело опечаленным поселянам, прерывая неоднократно свой рассказ глубокими вздохами и слезами. Те, опасаясь за свою участь при переходе в руки новых владельцев и глубоко оплакивая домашнее несчастье прежних хозяев, собираются бежать. Но заведующий табунами, попечением которого я был поручен с таким значительным наказом, собрал все, что ценного было припрятано у него в домишке, взвалил на спину мне и другим вьючным животным и со всем скарбом покинул прежнее свое жилище. Мы взяли на себя ребятшек, женщин, везли кур, воробьев, козлят, собаченок, — вообще все, что не могло достаточно быстро идти и служило бы помехой в бегстве, передвигалось посредством наших ног. Я не чувствовал тяжести груза, хотя он и был громаден, до такой степени рад я был, что убегаю и оставляю позади себя отвратительного оскопителя моей мужественности.

Проехав крутой подъем лесистой горы и снова спустившись на ровное пространство полей,

когда дорога в сумерках уже начала темнеть, достигли мы укрепленного поселка, многолюдного и богатого, жители которого отговорили нас продолжать путь ночью и даже рано утром, так как вся окрестность, самые даже дороги наполнены были стаями огромных, тяжеловесных волков, с необычайной яростью привыкших к нападениям; наподобие разбойников набрасывались они на прохожих и, сходя с ума от безумного голода, делали набеги на соседние усадьбы, не удовлетворяясь уже истреблением робких стад, но покушаясь даже на человеческие жизни. К тому же о предстоящей нам дороге говорили, что она усеяна недоеденными трупами, вокруг белеют обглоданные кости, так что нам пуститься в путь надо с крайней предосторожностью, прежде всего обращая внимание, чтобы было светло, день вполне настал и солнце поднялось высоко, так как при свете прекращаются нападения диких зверей, притом советовали нам опасаться повсюду засад, идти не вразброд, а тесно сомкнутым строем, пока не минуем этих опасных мест.

16. Но негоднейшие беглецы, наши вожаки, не то от слепого и необдуманного желания спешить, не то от страха перед предполагаемой погоней, пренебрегли полезными советами и, не дождавшись близкого уже рассвета, почти в третью стражу ночи навьючили нас и погнали к дороге. Опасаясь предсказанных опасностей, я насколько мог держался в самой середине толпы, старательно прячась за другими вьючными животными, и оберегал задние свои части от звериного нападения; все начали уже

удивляться моей прыти, так как я перегонял остальных лошадей. Но проворство это указывало не на мою быстроту, а скорее на мой испуг; по этому поводу мне пришло в голову, что, может быть, и пресловутый Пегас от страха сделался летучим и прозван пернатым за то, что прыгал ввышину и доскакивал почти до самого неба, на самом деле в ужасе уклоняясь от укусов огненосной Химеры. Да и сами вожаки, которые подгоняли нас, имея в виду схватку, запаслись оружием; у кого копье, у кого охотничий нож, один нес дротик, другой дубину, а главным образом все набрали голышей, которыми обильно снабжала нас каменистая дорога; были и такие, которые вооружились заостренными кольями, но большинство несло зажженные факелы, чтобы отпугивать зверей. Не хватало единственно сигнальной трубы, а то совсем был бы готовый к бою военный отряд. Но отделавшись в этом отношении напрасным и пустым страхом, попали мы в худшую беду. Волки, не то испуганные шумом собравшейся в толпу молодежи или ярким огнем от факелов, не то в другом каком месте гоняясь за добычей, не предприняли никакого на нас нападения и даже поблизости не показывались.

17. Но жители какого то села, мимо которого пришлось нам проходить, приняв нас за толпу разбойников и опасаясь за целостность своего имущества и за самую жизнь, выпустили на нас огромных бешеных псов, тщательно выдрессированных для сторожевой охраны, более злых чем волки и медведи; помимо природной своей жестокости, возбуждаемые всякого рода напут-

ствованиями и криками, они напали на нас и, окружив со всех сторон наш отряд, набросились и без всякой жалости принялись терзать вьючный скот и людей, и испуганных сбивать с ног. Клянусь Геркулесом, достопамятное и жалкое было зрелище, как огромные собаки, с неистовством то хватали убегающих, то нападали на остановившихся, то набрасывались на свалившихся, и по всему нашему отряду прошлись зубами. И вот при такой то опасности к одной беде присоединилась другая, худшая. Деревенские эти жители вдруг принялись со своих крыш и с соседнего пригорка бросать в нас камнями, так что мы уже и не знали, какой опасности беречься: вблизи собаки рвут, издали камни летят. Случилось, что один из камней неожиданно попал в голову женщине, сидевшей у меня на спине. От боли она начала вопить и звать на помощь своего мужа, нашего вожака.

18. Он стал призывать богов в свидетели, унимать женину кровь и кричать еще громче ее:— что нападаете и набрасываетесь на несчастных людей, страдальцев путников с такой жестокостью? Какой наживы надо вам, за какие проступки мстите нам? Ведь не в звериных пещерах или диких трущобах живете вы, чтобы радоваться пролитию крови.

Не успел он сказать, как прекращается частый град камней и успокаивается по команде свора зловедущих собак. Тут один из них с самой верхушки кипариса говорит:—мы разбойничали вовсе не из желания отнять ваши пожитки а свои собственные от ваших рук защищали. Теперь же с миром можете продолжать ваш путь.

Так сказал он, и мы тронулись дальше, все по разному пострадавшие: кто от камней, кто от собак,—ни одного человека целого не оставалось. Пройдя некоторое расстояние достигли мы какой то рощи, состоявшей из высоких деревьев, украшенной зелеными лужайками, где нашим путеводителям захотелось остановиться для некоторого подкрепления сил, чтобы дать себе отдых после разнообразных страданий. Тут, расположившись на траве, кто где, немного отошли от усталости, потом каждый поспешил ранам оказывать различную помощь: тот обмывал кровь из проточной воды ручья, один к опухоли мокрые губки прикладывал, другой обвязывал бинтом зияющие раны.

Так каждый по своему заботился о своей поправке.

19. Между тем с вершины холма смотрел на нас некий старец, который, судя по пасущимся около него козам, очевидно был овчаром. Кто то из наших спросил у него, нет ли у него для продажи свежего молока или молодого сыра. Но тот долго качал головой и наконец говорит:—вы еще об еде и питье или о какой нибудь пище теперь думаете. Неужели никто из вас не знает, на каком месте вы находитесь?—и с этими словами погнал овец и ушел далеко прочь. Речь эта и его бегство не малый страх нагнали на наших вожаков. Покуда в ужасе стараются они догадаться, каким свойством обладает эта местность, и никого не находят, у кого бы расспросить, приближается по дороге другой старик, высокий, обремененный годами, всем телом опираясь на палку, еле волоча ноги и

обливаясь слезами; увидя нас, он еще пуще заплакал и обнимая колени всем по очереди молодым людям, так взмолился:

20. Заклинаю вас Фортуной и вашими гениями хранителями, да доживете вы в весельи и здоровьи до моего возраста, помогите старцу дряхлому и малютку моего, похищенного в преисподнюю, верните моим сединам! Внучек мой и сладчайший спутник захотел поймать воробушка, громко на кусте чирикавшего, и свалился в скрытый ветвями ров; жизнь его в крайней опасности, так как по стонам его и по тому, как поминутно дедушку зовет он на помощь, слышу я, что он жив еще, но по слабости тела моего, как сами видите, помочь не могу. У вас же и возраст и сила легким делает помочь несчастнейшему старцу и доставить мне живым и здоровым самого младшего из моих потомков, единственного отпрыска.

21. Всех охватила жалость при виде, как он молил, раздирая седины. Но один из нас, и храбрее по духу и летами моложе, и телом крепче, к тому же единственный вышедший без увечья из предыдущей схватки, быстро встает и спросивши, в каком месте упал мальчик, без колебания идет вслед за стариком к густому кустарнику, на который тот указал ему пальцем. Тем временем все отдохнули, раны залечили, нас накормили и, собравши пожитки, начали собираться в дорогу. Сначала долго кликали по имени того юношу, наконец, обеспокоившись долгим его отсутствием, послали человека отыскать товарища, сказать ему, что мы уходим и привести его с собой. Через некото-

рое время возвращается он, смертельно бледный, дрожа как осина, и удивительные вещи рассказывает про своего товарища, будто он лежит навзничь, почти весь съеденный, а на нем огромный дракон доканчивает свою поживу, старика же жалкого пропал и след. Услышав это и сравнив рассказ посланного со словами пастуха, мы поняли, что этот дракон и есть тот самый жестокий обитатель этих мест, о котором нас предупреждали, и, покинув зловещую местность как можно проворней, вожаки пустились в бегство, подгоняя нас частыми ударами палки.

22. Поскорее пройдя довольно значительное расстояние, достигли мы некоего селения, где и отдыхали всю ночь. Там произошел злодейский случай, весьма достойный упоминания и о котором я хочу рассказать.

Некий раб, на чье попечение хозяин предоставил всю свою челядь и который к тому же сам управлял значительной усадьбой, где мы остановились, проживал здесь, женатый на рабыне из того же дома, но сгорал страстью к некоей свободной женщине на стороне. Жена его, огорченная изменой, подожгла и сожгла все его расчетные книги и все, что сохранялось в кладовой, и, не чувствуя себя удовлетворенной за оскорбление брачного ложа таким убытком, но восстав против собственного своего естества, она вдела голову в петлю и, привязав маленького ребенка, давно уже рожденного ею от того самого мужа, к той же самой веревке, бросилась вместе с младенцем в глубокий колодец. Хозяин очень разгневался, узнав об этой смерти, и, схватив раба, доведшего жену до та-

кого преступления, велел раздеть его, всего обмазать медом и крепко привязать к фиговому дереву. А в дупле этого дерева был муравейник, и муравьи повсюду в коре наделали отверстий и сповали туда и сюда, расплзаясь многочисленным роем. Как только они учуяли медовый и сладкий запах от тела, то, глубоко впившись, хотя и мелкими, но бесчисленными и непрерывными укусами, долго терзали, так что, съевши тело и внутренности, обглодали все члены человека, и к зловещему дереву оказались привязанными только сверкающие ослепительной белизной, лишенные всякой мякоти, кости.

23. Покинув это отвратительное место казни и оставив местных жителей в глубокой печали, поехали мы дальше и проведя весь день в пути по луговым равнинам, уже усталые, достигли некоего многолюдного и именитого города. Здесь наши вожаки решили навсегда обосноваться, рассчитывая найти безопасное убежище от возможных преследований и привлекаемые благоприятной молвой о необыкновенном изобилии. Вьючным животным дали три дня на восстановление сил, чтобы лучший иметь вид для продажи, потом вывели нас на базар, и после того как оценщик громким голосом провозгласил цены за каждого в отдельности, лошади и другие ослы были приобретены богатыми покупателями; а мимо меня, оставшегося напоследок одним непроданным, все проходили с пренебрежением. Мне уже надоели все эти прикосновения покупателей, которые по зубам хотели узнать мой возраст, так что, когда кто то вонючими пальцами стал щупать мои десны, я схва-

тил зубами грязную зловонную руку и совершенно раздробил ее. Последнее обстоятельство оттолкнуло от покупки окружавших нас покупателей, так как они сочли меня за дикое животное. Тогда зазывальщик, надорвав горло и охрипнув, прославляя мои достоинства, принялся за смешные прибаутки: — зачем только вывели мы на продажу этого мерина, старого, ослабевшего, с разбитыми ногами, безобразного от хвори, только норы свой от тупой лени показывающего, годного только разве что на решето для щebenки? Даже если бы даром его комунибудь отдали, так корму на него жалко.

24. Такими причитаниями зазывальщик вызывал хохот у присутствующих. Но судьба ко мне жесточайшая, убежать от которой, обегая столько стран, или смягчить перенесенными уже бедствиями мне не удавалось, снова обратила на меня слепые свои очи и чудесным образом послала покупателя, самого подходящего для жестоких моих испытаний. Судите сами: развратника, старого развратника, плешивого, но украшенного висячими локонами с проседью, одного из пошлых городских отбросов, что ударяя в сistrы и кастаньеты, по городам и селам нищенствуют, возя с собою изображение Сирийской богини*. Воспылав жаждой купить меня, спрашивает он оценщика, откуда я родом, тот сообщает, что родом я из Каппадокии и достаточно крепенький. Тот дальше спрашивает о моем возрасте; оценщик отвечает шуткой: — некий астролог, составлявший его гороскоп, выдавал его за пятилетнего, но он сам лучше, конечно, знал по своей науке. Хотя я и рискую умышленно

погрешить против Корнелиева закона, если вместо раба римского гражданина тебе продаю, но купишь ты верного и усердного слугу, который и дома и не дома может тебе пригодиться. Но тут ненавистный покупатель принялся задавать без конца вопрос за вопросом, с особенной тревогой интересуясь, смиренный ли я.

25. А оценщик отвечает: — овечка перед тобой, а не осел, ко всякому пользованию спокойный, не кусается, не лягается, а просто сказать скромный человек в ослиной шкуре. Это и проверить не трудно. Всунь лицо ему между ляшек, — легко узнаешь, сколь великое окажет он терпение.

Так зазывальщик издевался над этим развратником, но тот поняв, что его разыгрывают, притворно вознегодовал. — А тебя, падаль, пусть сделают слепым, глухим и полоумным крикуном всемогущая и вездешная Сирийская богиня, святой Сабадий, Беллона и Идейская мать и госпожа Венера, купно со своим Адонисом, за то, что столько времени пристаешь ко мне со своими нелепыми шутками! Что же ты, глупец, думаешь, что я могу вверить богиню непокорному вьючному животному, чтобы он внезапным толчком сбросил божественное изображение, а я, несчастный, принужден был бегать с растрепанными волосами и искать какого нибудь врача для поверженной наземь богини?

При таких речах вдруг пришло мне в голову прыгнуть как сумасшедшему, чтобы меня приняли за отчаянно дикого и торг не состоялся. Но замысел мой предупредил беспокойный покупатель, поспешивший уплатить семнадцать дена-

риев, которые с удовольствием взял желавший отделаться от меня хозяин, и сейчас же, привязав меня на пеньковую крученую веревку, передал Филебу, каким именем обозначался новый мой владелец.

26. Тот, получив нового слугу, повел меня к своему дому и едва ступил на порог, закричал: — девушки, вот я вам с рынка хорошенького раба привел! — А девушки эти оказались толпой развратников, которые сейчас возликовали нестройным хором ломающихся, хриплых, пискливых голосов, думая, что для их услуг припасен действительно какойнибудь невольник; но увидя, что не дева подменена ланью, а мужчина — ослом, они сморщили носы и стали по всякому издеваться над своим наставником, говоря, что не раба он купил, а мужа себе. — Смотри только, — твердили, — не заведи одному себе такое сокровище, дай и нам, твоим голубкам, иногда попользоваться.

Щебеча между собою таким образом они привязали меня к яслям неподалеку от себя. Находился там некий юноша, достаточно плотного телосложения, искуснейший в игре на флейте, купленный ими вскладчину на малые сбережения из общей кассы, который, когда они носили по окрестностям статую богини, ходил вместе с ними играя на трубе, а дома без разбора служил общим любовником. Когда он увидел меня в доме, охотно засыпал мне обильного корма и весело проговорил: — наконец то явился заместитель в несчастных моих трудах! Только живи подольше и угоди хозяевам, чтобы отдохнули уже уставшие мои бедра. — Услышав такие

слова, я призадумался об ожидающих меня новых невзгодах.

27. На следующий день, надев пестрые рубашки и безобразно размалевав лица бурой краской, искусно подведя глаза, выступили они, украсившись повязками, шафранными платьями, шелковыми и из тонкого полотна; у некоторых были белые туники, с нашитыми развевающимися языками из пурпурной материи, поддерживаемые поясами, ноги обуты в желтые туфли; а изображение богини, закутанное в шелковый покров, водрузили они на меня; сами же обнажив руки до плеч, несли огромные мечи и секиры, и прыгали, испуская крики, возбуждаемые звуком трубы, в бешеном священном танце. Прошли они не мало хижин, наконец достигли дома зажиточного жителя; как только они вступили в него, сейчас же воздух огласился нестройными воплями, и они в исступлении принялись носиться, опустив голову, сладострастно поворачивая шею, так что свисающие волосы развевались колесом, некоторые на беиу кусали свои члены и, наконец, двусторонними ножами, которые у них были при себе, руки себе начали полосовать. Один из них особенно старался: из глубины груди вырывалось у него прерывистое дыхание, и он изображал дикое исступление, словно на него снизошел дух божий, как будто божеское присутствие вместо того, чтобы усовершенствовать человека, делает его более слабым и больным.

28. Но смотри, какого вознаграждения заслужил он от небесного провидения! Притворным образом начал он громогласным вещанием уни-

чижать самого себя и обвинять в том, будто он в чем то проступился против священных законов религии и что он должен от собственных рук получить справедливое за это возмездие. Наконец схватывает бич, который у этих полумужчин совершенно особого вида, сплетенный из полосок лохматой шерсти с длинной бахромой и многими овечьими костяшками на концах, и принялся наносить себе узелками этими удары, защищенный от боли необычайным присутствием духа. Можно было видеть, как от разрезов меча и от ударов бича земля покраснела нечистой кровью этих скопцов. Обстоятельство это возбудило во мне не малую тревогу; при виде такого количества крови, вытекшей из ран, подумал я: а вдруг случится так, что желудок странствующей богини пожелает ослиной крови, как некоторые люди бывают охочи до ослиного молока. Наконец, не то утомясь, не то удовлетворясь бичеванием, прекратили они кровопролитие и стали собирать в широкие подола от многих жертвователей медные деньги, даже и серебряные; кроме того, дали им бочку вина, молока, сыра, немного пшеницы, а некоторые подали и ячменя для носителя богини; все это они с жадностью забрали и, запихав в специально для подобной милостыни приготовленные мешки, взвалили мне на спину, так что я, обремененный тяжестью двойной поклажи, двигался одновременно как храм и как кладовая.

29. Таким образом переходя с места на место, они обирали все окрестности. Придя, наконец, в какую то усадьбу, на радостях от хорошей поживы решили устроить они веселое пирше-

ство. Посредством ложного предсказания вытянули они у какого то крестьянина самого жирного барана, чтобы удовлетворить этой жертвой алчущую Сирийскую богиню и, приготовив все как следует к ужину, пошли в баню; помывшись там, они привели с собою как сотрапезника здорового мужика, превосходно наделенного силой бедер и паха; не успели они закусить кое какими овощами, как, не выходя из за стола, грязные эти скоты, почувствовав бесстыдные позывы к крайним выражениям беззаконной похоти, окружили толпой парня, раздели, повалили навзничь и принялись осквернять гнусными своими губами. Не могли глаза мои выносить долго такого беззакония, и я постарался воскликнуть,—на помощь, граждане!—но никаких букв и слогов у меня не вышло, кроме ясного, громкого, поистине ослиного «О». Раздалось же оно совершенно не ко времени, потому что из соседнего села прошлой ночью украли осленка, и несколько парней отправились его отыскивать, с необыкновенной тщательностью осматривая все закутки; услышав мой рев в закрытом помещении и полагая, что в доме скрыто похищенное у них животное, чтобы наложить перед всеми руку на свою собственность, неожиданно всей гурьбой вваливаются они и застают представшую их очам гнусную пакость; они сзывают соседей и всем рассказывают про позорнейшее зрелище, подняв насмех чистейшее целомудрие священнослужителей.

30. Удрученные таким позором, молва о котором, быстро распространившись, сделала их

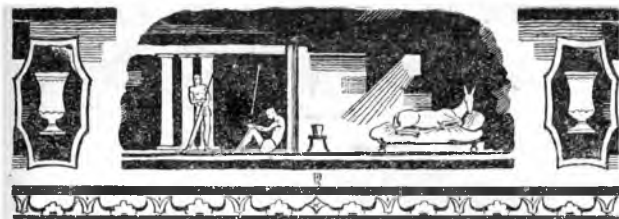
для всех, по заслугам, ненавистными и отвратительными, они около полуночи, забрав свои пожитки, потихоньку покинули ферму; сделал добрую часть дороги до появления утренней звезды и к полному дню достигши безлюдной равнины, они долго совещались между собой, затем, решив предать меня смерти, сняли с меня изображение богини и положили ее на землю, освободили меня от всякой сбруи, привязали к какому то дубу и своим бичом с бараньими костяшками начали меня хлестать чуть не до полусмерти; был один среди них, который все грозился своей секирой подрезать мне поджилки за то, что я, якобы, нагло попрал его стыдливость, но остальные, принимая во внимание не столько мое спасение, сколько положение лежащей на земле статуи, сочли за лучшее оставить меня в живых. Итак, снова нагрузив меня и угрожая мечами плашмя, доезжают они до какого то довольно значительного города. Одно из первых лиц города, вообще человек набожный, но особенно чтивший нашу богиню, заслышав бряцание кимвалов и тимпанов и звуки разнеженных фригийских мелодий, выбежал навстречу богини и, предложив ей гостеприимство, обещанное им по обету, нас всех ввел в ограждение просторного своего дома, божество же старался умиловить высшим почитанием и обильными жертвами.

31. Здесь, как помню, жизнь моя подверглась одной из самых крайних опасностей. Некий фермер послал в подарок хозяину часть своей охотничьей добычи, огромный и жирный олений окорок; повесить его имели оплошность за

кухонными дверями недостаточно высоко, так что какая то собака, тоже своего рода охотник, тайком стащила его и, радуясь добыче, поскорей убежала, покуда никто ее не увидел. Обнаружив пропажу и коря себя за небрежность, повар долгое время проливал бесполезные слезы, потом удрученный тем, что хозяин, того гляди, потребует обеда, боясь свыше меры, он попрощался с малолетним сыном своим и, взяв веревку, собирался повеситься. Несчастный случай с мужем не ускользнул от его верной жены, она обеими руками развязала роковую петлю и говорит:—неужели ты так перетрусил от этого несчастья, что совсем лишился разума и не видишь, как божественный промысел сам тебе посылает выход? Если ты от горя не совсем потерял соображение, выслушай меня внимательно: отведи этого чужого осла в какое нибудь скрытое место и там зарежь, отдели его окорок вместо пропавшего, получше и повкуснее свари с разными приправами и подай хозяину за олений.

Негодному плуту улыбнулась мысль спастись ценой моей жизни. И похвалив свою половину за умный совет, он принялся точить кухонный нож для решенного живодерства.

КНИГА ДЕВЯТАЯ

ТАК негоднейший кровопийца готовил против меня оружие, я же, видя настоятельную необходимость принять какое либо решение в столь опасную минуту и не тратя времени на долгие размышления, постановил бегством избавиться от надвигающейся гибели и, сейчас же оборвав веревку, которой был привязан, со всех ног пускаюсь удирать, для обеспечения безопасности поминутно лягаясь задними ногами. Быстро пробежав ближайšie сени, незамедлительно врываюсь я в столовую, где хозяин дома совершал жертвенный пир вместе со жрецами богини, причем в беге моем разбиваю и опрокидываю не мало столовой посуды и даже пиршественных столов. Недовольный таким безобразным разгромом, хозяин отдает приказание меня, как норовистое и брыкливое животное, увести со всем тщанием и запереть в определенное место, чтобы я вторичным буйным появлением не нарушил мирной трапезы. Ловко защитив себя такой хитрой выдумкой и изба-

вившись от неминуемой гибели, я от души радовался спасительному заточению.

Но вот уже правда, что Фортуна никогда не позволяет человеку, родившемуся в несчастный час, сделаться удачником, и роковое предначертание божественного промысла невозможно ни отворотить, ни изменить ни благоразумным решением, ни мудрыми мерами предосторожности. Так и в моем деле: та самая выдумка, что на минуту, казалось, обеспечивала мне спасенье, она же подвергла меня большой опасности и чуть не довела до настоящей гибели.

2. Покуда домочадцы перешептывались между собой, вдруг в столовую неожиданно вбегает какой то мальчик с перекошенным, трясущимся лицом и докладывает хозяину, что в соседнем переулке только что взбесилась собака, каким то чудом ворвалась к ним во двор через заднюю калитку и с яростью перекусила охотничьих собак, потом бросилась в ближайшие конюшни и там с таким же неистовством напала на вьючный скот, наконец даже людей не пощадила, Миргила кучера, Гестифона повара, Гипатея спальника, Аполлония медика и множество других, которые пытались ее прогнать, перекусила и растерзала, так так что некоторые животные от ядовитых укусов тоже перебесились. Известие это всех очень взволновало, так как они решили, что и я буйствовал по этой же причине. И вот, вооружившись всякого рода оружием, подбадривая друг друга, как бы избежать общей гибели, пускаются они на преследованье, как будто сами страдали той же болезнью бешенства. Несомненно, они бы в куски изрубили меня копь-

ями, охотничьими ножами и двусторонними топорами, которые легко могла подать им челядь, если бы я, приняв во внимание опасность минуты, не бросился в спальню, где остановились мои хозяева. Тогда они обложили меня осадой, заперев снаружи за мной все двери, чтобы без всякой опасности для них, в случае схватки, от действия только неисцелимого бешенства я постепенно испустил дух. Таким образом мне предоставлена была, наконец, свобода, и, получив счастье быть наедине, я бросился на приготовленную постель и заснул по человечески, как не спал уже долгое время.

3. Когда уже вполне наступил день, отдохнув от усталости на мягкой постели, я бодро вскакиваю и слышу, как те, проведши всю ночь без сна в карауле, переговариваются о моей судьбе:—неужели до сих пор еще несчастный осел этот не сбросил с себя ита бешенства? или болезнь эта истощила сама себя силой припадка?—Чтобы положить конец таким разногласиям, решили исследовать дело и, заглянув в щелку, видят, что я спокойно стою, здоров и невредим. Тогда пошире открыв дверь, хотят испытать, остался ли я ручным. Тут один из них, прямо небом ниспосланный мне спаситель, предлагает остальным такой способ проверки моего здоровья: чтобы дали мне для питья полное ведро свежей воды; если я без колебаний, как обычно, проявлю склонность к воде, значит я здоров и всякая хворь прошла, если же, наоборот, я в страхе буду избегать вида и прикосновения жидкости, тогда несомненно зловерное бешенство упорно продолжается; такой

способ проверки передан нам еще стародавними книгами.

4. Предложение это понравилось и сейчас же поспешно, до сих пор медлительные, огромный сосуд наполняют свежей водой из ближайшего фонтана и приносят ко мне. Я без всякого промедления иду даже навстречу, будто томясь жаждой, погружаю в сосуд всю голову и выпиваю целительную (вот уже поистине, целительную) воду. Кротко выношу я и похлопыванье рукой, и поглаживанье по ушам, и дерганье за уздечку, и всякие другие проверки, ясно всем противопоставляя их безумной подозрительности свою смиренную скромность.

Избегнув таким образом двойной опасности, на следующий день, нагруженный священными пожитками с кастаньетами и кимвалами, во главе бродячей нищей братии, снова пускаюсь я в путь. Обойдя не мало домов и усадеб, остановились мы в одном селении, построенном, как говорили старожилы, на развалинах некогда пышного города и, пристав в ближайшей гостинице, узнали там премилую историю о любовном приключении в семье одного бедняка, которой я хочу и с вами поделиться.

5. Жил некий ремесленник, в крайней бедности, снискивая пропитание скудным своим заработком. Была у него женка, у которой тоже за душой ничего не было, но которая пользовалась некоторой известностью за крайнее свое распутство. В один прекрасный день, не поспел он утром выйти на подряженную работу, как в дом к нему потихоньку является дерзкий любовник. Пока они, не стесняясь, предавались любов-

ным утехам, неожиданно возвращается муж, ничего не знавший о таких делах, даже не подозревавший ничего подобного. Найдя вход закрытым и даже запертым, он еще похвалил осторожность своей жены, стучит в дверь и свистит, чтобы дать знать о своем присутствии. Продувная женщина, очень ловкая в таких проделках, высвободившись от крепких объятий, прячет любовника в бочку, которая стояла в углу, наполовину вросшая в землю, но впрочем пустая. Потом она отворяет двери, и не успел муж переступить через порог, как она набрасывается на него с руганью:—чего же ты у меня праздно слоняешься зря, сложивши руки? Чего не идешь на обычную работу? О жизни пашей не радеешь? О пропитании не заботишься? А я несчастная денно и нощно принуждена силы надрывать за пряжей, чтобы выработать хоть на лампу в нашей конуре. Насколько счастливее меня соседка Дафна, которая с утра и ест, и пьет вдоволь, и с любовниками забавляется.

6. Муж, смущенный подобным приемом, отвечает:—в чем дело? Хозяин, где мы работаем, вызван сегодня по судебному делу и нас распустил; однако, где добыть денег сегодня на обед, я промыслил; видишь там в углу бочку, что всегда пустая находится, только место даром занимает, и от которой никакой прибыли нет, кроме того, что мешает двигаться? Так вот я ее продал за пять денариев, он сейчас придет, расплатится и свою собственность унесет. Так что ты подоткнись и помоги мне до прихода покупателя вытащить ее из земли.

Услышав это, обманщица, дерзко расхохотавшись, говорит:— вот муженек то достался мне, так муженек! Бойкий торговец: за пять денариев продает вещь, которую я, баба, дома сидя, за семь продала?

Обрадовавшись надбавке, муж спрашивает:— кто такой тебе столько дал?

Она отвечает:— да вот, дурак, в бочку залез посмотреть хорошенько, крепкая ли она.

7. Любовник не пропустил мимо ушей этих слов и, быстро высунувшись, говорит:— хочешь ты правду знать, тетенька? Так бочка-то очень старовата и много трещин дала,—затем, обратясь к мужу, добавляет притворно:— дай ка мне сюда, почтеннейший, кто б ты там ни был, поскорей лампу, чтобы я, очистив грязь внутри, мог видеть, годится ли она куданибудь; деньги у меня не краденые, как ты думаешь?—Услужливый и добродушный супруг, недолго думая и ничего не подозревая, зажег лампу и говорит:— вылезай, брат, и постой без дела, покуда я сам ее хорошенько вычищу,—с этими словами скинул он платье, забрал с собою свет и принялся отскребать застарелую коросту с грязной посудыны. А молодчик распрекрасный нагнул жену его к бочке и безмятежно обрабатывал. Да к тому же распутная эта пройдоха просунула голову в бочку и будто на смех пальцем мужу указывает, где скрести, в том месте да в этом месте, да опять в том, да опять в этом, пока не пришли оба дела к концу, и, получив свои семь денариев, злополучный рабочий принужден был еще на своей же спине тащить бочку до дому к любовнику своей жены *.

8. Чистейшие священнослужители, пробыв там несколько дней, откормившись на счет общественной щедрости и набрав множество даров за предсказания, придумали новый способ к вытягиванию денег. Установив одно общее прорицание на различные случаи жизни, таким манером дурачили они массу людей, спрашивавших у них совета по самым разнообразным поводам.

Прорицание гласило следующее:

Быки в запряжке пашут землю для того,
Чтобы посева впредь привольно зеленеть *.

Случалось ли, желающие вступить в брак спрашивали совета, они уверяли, что ответ попадает как раз в цель: сопряженные супружеством произведут многочисленное потомство; если запрашивал их человек, собирающийся приобрести имение, то оракул говорил правильно о волах, запряжке и полях с цветущими посевами; хотели ли кто получить божественное указание насчет предстоящего путешествия, запряженные волы указывали на смирный нрав любого вьючного животного, а посев земли намекал на барыш; добивался ли кто ответа, удачно ли окончится предпринимаемый бой или преследование разбойничьей шайки, они толковали, что ободряющее прорицание знаменует полную победу, так как головы врагов склонятся под ярмо и будет захвачена обильная и плодотворная добыча.

Этим мошенническим прорицанием вытянули они немало денег.

9. Но так как от слишком частых обращений за советами толкования их истощились, они снова пустились в дорогу, гораздо худшую, чем

та, что мы ночью проделали. Посудите сами: была она вся перерыта канавами, частью покрыта разливными лужами вроде стоячего болота, в других местах скользкая от липкой грязи. Извертев все ноги, часто спотыкаясь, постоянно падая, с большим трудом смог я выбраться на ровную дорогу, как вдруг неожиданно сзади нагоняет нас отряд всадников, вооруженных копьями. С трудом сдержав своих скакунов, они стремительно набрасываются на Филеба и прочих спутников и, схватив их за горло, принимаются избивать, называя гнусными святотатцами; всем надевают ручные кандалы, приговаривая с ругательствами, что они еще худшего заслужили за преступное деяние с золотой чашей, которую они взяли якобы для тайного богослужения, украв ее тайком с самых подушек, на которых стояла статуя богини-матери, и для того, чтобы избежать наказания за такое преступление, никого не предупредив, до рассвета покинули стены города.

10. Нашелся человек, который стал шарить у меня на спине и пред всеми обнаружил на самом лоне богининой одежды золотой сосуд. Но столь гнусное преступление не смогло смутить или испугать эту грязную шайку; с приторным смехом стали они придумывать отговорки:—совершенно недостойно подвергать такому насилью невинных людей! Из за какого то одного бокальчика, который можно рассматривать, как гостинец от матери богов ее сирийской сестре, возводить уголовное обвинение на служителей культа!

Но напрасно они толковали этот и тому подобный вздор, крестьяне сейчас же повернули

их обратно, связали и ввергли в Туллиево * узилище, чашу же и само изображение богини, которое я возил, поместили в храмовую ризницу как пожертвование, а меня на следующий день вывели снова на базар для продажи и продали при посредстве оценщика на семь нуммов дороже той цены, за которую прежде купил меня Филеб, некоему мельнику из ближайшего местечка. Он сейчас же нагрузил меня тут же купленным зерном и по довольно трудной дороге, в корнях и камнях, погнал к мельнице, где он работал.

11. Там непрерывно ходило по кругу множество вьючного скота, приводя разными поворотами в движение жернова, причем подвижные обороты машин размалывали зерно на муку не только целый день, но и всю ночь напролет *. Но меня новый хозяин, вероятно для того, чтобы я с самого начала не испугался работы, поместил роскошно в хорошем стойле. Первый день позволил мне провести в праздности и ясли обильно засыпал кормом. Но дольше дня не продолжалось это блаженное состояние праздности и питания: на следующий же день с утра привязывают меня к самому большому на вид жернову и гонят по закругленному пространству проведенной дорожки с завязанными глазами, чтобы, описывая бесконечное количество раз один и тот же круг, я не сбивался с проторенного пути. Не совсем еще забыв свою мудрость и благоразумие, я притворился непонятливым к своей новой задаче; хотя в бытность свою человеком я видывал не раз, как приводятся в движение подобные машины, однако, я пред-

ставился, будто, ничего не зная и не понимая, остолбенел, с тем, чтобы, признав меня неспособным и бесполезным к такого рода занятиям, отослали меня на какую либо более легкую работу и на праздное питание. Но напрасно я выдумал эту зловредную хитрость. Так как глаза у меня были завязаны, то я не подозревал, что окружен был целой толпой, вооруженной палками, и вдруг по данному знаку со страшным криком все стали наносить мне удары и так меня этим градом поразили, что я, отбросив все рассуждения, налег изо всех сил на пеньковый канат и пустился со всех ног по кругу. Такая внезапная перемена образа мыслей вызвала общий хохот у присутствующих.

12. Когда большая часть дня уже прошла и я уже выбился из сил, меня отвязали от веревки, отделили от жернова и отвели к яслям. Хотя я падал от усталости, действительно нуждался в восстановлении сил и умирал от голода, однако присущее мне любопытство мучило меня и не давало покоя, так что я, отложив корм, в изобилии мне предоставленный, принялся с некоторым удовольствием рассматривать неприглядное устройство всего заведения. Великие боги, что за жалкий люд окружал меня! Кожа у всех была испещрена синими подтеками, исполосованные спины были скорее оттенены, чем прикрыты драными лохмотьями, у некоторых короткая одеженка до паха не доходила, рубашки у всех дырявые, везде сквозит тело, лбы клейменные, пол головы обрита, на ногах кольца, лица землистые, веки выедены дымом и горячим паром, все подслеповаты, к тому же

на всех мучная пыль, как грязный пепел, словно на кулачных бойцах, что выходят на схватку не иначе, как посыпавшись мелким песком.

13. Что же я скажу, какими красками опишу моих сотоварищей по стойлам? Что за старые мулы, что за разбитые клячи! Засунув морды в ясли, они пережевывали кучи соломы, шеи, покрытые гнойными болячками, были раздуты, вялые ноздри были расширены от постоянных приступов болезненного фыркания, груди изранены от постоянного трения веревки, бока почти до костей настеганы бичом, копыта безобразно расширены от вечного кружения по одной дороге, и вся исхудалая шкура покрыта застарелой и грязной коростой. Боясь зловещего примера подобных сотоварищей, вспомнив судьбу бывшую Луция, отрезанный от последней надежды на спасенье, я поник головой и загрустил. И в мучительной жизни моей одно единственное осталось мне утешение: развлекаться по врожденному мне любопытству, как люди, не считаясь с моим присутствием, свободно говорили и действовали, как хотели. Не без основания божественный творец древней поэзии у греков, желая показать нам мужа высшего благоразумия, изобразил человека приобретшего полноту добродетели в путешествии по странам и в изучении разных народов. Я сам вспоминаю свое существование в ослином виде с большой благодарностью, так как под прикрытием этой шкуры испытал коловратность судьбы, я сделался если не более благоразумным, то более опытным. Между прочим я решил до вашего сведения довести одну хорошую исто-

рийку, лучше всех прочих, прелестную, вполне достойную вашего слуха,—и вот я начинаю.

14. Мельнику этому, который приобрел меня в свою собственность, человеку хорошему и весьма скромному, досталась на долю жена прескверная, гораздо хуже всех остальных женщин, которая до такой степени нарушала супружеские и семейственные законы, что, клянусь Геркулесом, даже я молча об нем не раз вздыхал. Не было такого порока, который отсутствовал бы у этой негоднейшей женщины *, но все гнусности в нее стекались, словно в грязную помойную яму: злая, шальная, до мужчин охочая, до вина падкая, упорная, непокорная, в гнусных хищениях жадная, на глупые издержки щедрая. Презирая и попирая законы божественных небожителей, исполняя вместо этого пустые и праздные обряды некоей ложной и святотатственной религии и заносчиво утверждая, что чтит она единого бога, всех людей и несчастного мужа своего вводила она в обман, сама с утра предаваясь пьянству и постоянным блудом оскверняя свое тело.

15. Эта почтенная женщина удостоила меня особой ненавистью. Чуть свет, еще лежа в постели, кричала она, чтобы привязывали к жернову вновь купленного осла; не успеет выйти из спальни, приказывает чтобы в ее присутствии давали мне как можно больше ударов, когда настанет время кормежки и прочие вьючные животные отдыхают, отдает приказание, чтобы меня как можно дольше не подпускали к яслям. Такая жестокость еще больше усилила мое природное любопытство узнать ее нравы. Я слы-

шал, что очень часто к ней в спальню ходил один молодой человек, и мне бы крайне хотелось увидеть его наружность, но повязка на глазах лишала их прежней свободы действия. Однако у меня достаточно было хитрости, чтобы проникнуть в преступления этой подлой женщины. Ежедневно с утра при ней находилась некая старуха, помощница в ее гнусностях, посредница в ее прелюбодеяниях. Сначала они с ней позавтракают, затем, распивая неразбавленное вино, друг друга подзадаривая, начинали они развивать планы насчет того, как бы хитрыми обманами погубить несчастного мужа. И я, хотя и сильно рассержен был на ошибку Фотиды, которая меня вместо птицы обратила в осла, утешался в горестном превращении моем единственно тем, что благодаря огромным ушам я отлично слышал даже то, что происходило в отдаленности.

16. В один прекрасный день до моих ушей донеслись такие речи бесчестной этой старушонки:

— Ну, уж сама суди, хозяйюшка, какой, без моих то советов, достался тебе дружок, ленивый да трусливый, стоит постылому и ненавистному твоему мужу нахмурить брови, у того и душа в пятки; терзает он через то твою любовную жажлу своею вялостью. Насколько лучше Филезитер: и молод, и хорош, щедр, смел, а уж насколько ловок преодолевать всякие меры предосторожности со стороны мужей! Клянусь Геркулесом, достоин он был бы один пользоваться благосклонностью всех женщин, одного его следовало бы увенчать золотым венком, особенно за одну проделку, что на днях устроил

он очень ловко с неким ревнивым супругом. Да вот послушай и сравни, все ли любовники одинаковы.

17. Ты знаешь Барбара, здешнего декуриона, которого народ за язвительность и жестокость прозвал Скорпионом? Жену свою, благородного происхождения и одаренную выдающейся красотой, он так строго держит, что из дому почти не выпускает.

Тут мельничиха прерывает ее:—как же, прекрасно знаю. Ты имеешь в виду Арету, мы с нею в школе вместе учились!—Значит,—говорит старуха,—ты и всю ее историю с Филезитером знаешь?—Ничего подобного,—отвечает,—но сгораю желанием узнать ее и молю тебя, матушка, все по порядку мне расскажи.

Болтунья не заставила себя просить и так продолжала:

— Пришлось Барбару этому отправиться в дорогу и желал он невинность супруги своей дражайшей оградить от всяких опасностей как можно лучше. Призывает он к себе тайком раба Мирмекса, известного своей преданностью, и поручает на полную его ответственность присмотр за хозяйкой, пригрозив тюрьмой, пожизненными оковами и наконец насильственной голодной смертью, если какой либо мужчина хоть пальцем, хоть мимоходом дотронется до нее, слова свои подкрепляет он страшными клятвами. Оставив перецуганного Мирмекса в качестве неусыпного стража при супруге, он спокойно отправляется в путь. Крепко запомнив все наставления, Мирмекс не позволял никуда двинуться своей хозяйке. Займется ли она до-

машней пряжей,—он тут же сидит неотступно, пойдет ли на ночь помыться — он идет за ней по пятам, будто прилип, держась рукою за ее платье, одним словом с удивительным рвением исполнял порученное ему дело.

18. Но от пылкой бдительности Филезитера не могла укрыться несравненная красота женщины *. Возбужденный и воспламененный, в особенности молвой о ее целомудрии и невероятно строгим присмотром, он, готовый что угодно сделать, чему угодно подвергнуться, решил пустить в ход все средства, чтобы сломить упорное сопротивление крепости. Уверенный в хрупкости человеческой верности и зная, что деньги улаживают всякие препятствия и что двери даже адамантовой твердыни могут быть сломлены золотом, он нашел случай встретить Мирмекса наедине, открылся ему в своей любви и умолял оказать помощь ему в его мучениях: он говорил, что близкая смерть для него решена, неизбежна, если он своевременно не достигнет своего желанья, а тот не должен ничего опасаться в таком простом деле; без спутников, под вечер, под кровом мрака он может войти и через короткое время выйти, никем незамеченный. Подобные просьбы он подкрепляет сильным доводом, способным сломить упрямую непоколебимость слуги. Он протягивает ладонь пригоршнею и показывает блестящие новенькие золотые, из которых двадцать предназначалось молодой женщине, а десять он охотно предлагал ему.

19. Мирмекс, придя в ужас от неслыханного преступления, заткнул уши и убежал прочь. Но

пред глазами его все стоял пламенный блеск золота; хотя он ушел далеко и быстрым шагом дошел до дому, все ему чудилось прекрасное сияние монет, и богатая добыча уже привела ум его в страшное расстройство, и мысли у бедняги разбежались, разделанные, в разные стороны: с одной стороны верность, с другой нажива, тут муки, там благосостояние. Наконец страх смерти был побежден золотом. Притягательная сила денег не уменьшилась от расстояния, но даже мысли во сне наполнены были губительной алчностью, и хотя хозяйские угрозы не позволяли ему отлучаться из дому, золото звало его за двери. Тут, поборов стыдливость и отбросив нерешительность, передает он предложение хозяйке. Та не опровергает мнения о женском легкомыслии и живо делает обмен между своим целомудрием и презренным металлом. Исполненный радости спешит Мирмекс окончательно покончить со своей верностью, жажда не только иметь, но скорее прикоснуться к тем деньгам, которые на горе себе он увидел. С восторгом извещает он Филезитера, что его усиленными стараниями желание Филезитера может быть удовлетворено, сейчас же требует обещанной платы, и вот золотые нуммы в руке у Мирмекса, которая и медных то монет не знавала.

20. Когда совсем смерклось, провел он ретивого любовника одного, без провожатых, плотно закрыв ему голову, к дому, а потом и к хозяйской спальне. Только что неиспытанными еще объятиями начали чествовать они начинающуюся любовь, только что обнаженные ратобор-

ды первых чинов Венерина воинства заслужили, как вдруг против всякого ожидания, воспользовавшись мраком ночи, у дверей дома появляется муж. Он уже принялся стучать, кричать, камни бросать в ворота, и так как промедление все более и более казалось ему подозрительным, начал грозить Мирмексу жестокой расправой. Тот смущенный внезапной бедою и от жалкого трепетанья потеряв последнее соображение, ничего не мог придумать лучшего, как сослаться на то, что он тщательно запрятал куда то ключ и в темноте не может его найти. Меж тем Филезитер, услышав шум, набросил рубашку и, совершенно забыв впопыхах обуться, босиком выбежал из спальни. Наконец Мирмекс вложил ключ в скважину, открыл двери и впустил ругавшегося хозяина, а как увидел, что тот быстрым шагом направился к спальне, потихоньку обежал и выпустил Филезитера. Почувствовав себя в безопасности после того, как тот переступил порог, он запер двери и пошел снова спать.

21. Барбар же, проснувшись чуть свет, видит под кроватью чьи то чужие сандалии, в которых Филезитер к нему прокрался. Догадавшись в чем дело, он никому, ни жене, ни домочадцам ничего не сказал о своем огорчении, а взял эти сандалии и спрятал их потихоньку за пазуху. Только приказал рабам связать Мирмекса и вывести на базарную площадь, и сам, подавляя рычания, не раз рвавшие из его груди, поспешил туда же, будучи уверен, что по этим сандалиям он очень легко может напасть на след прелюбодея. И вот они на площади. Барбар

в гневе, с раздраженным лицом, нахмуренными бровями и сзади него Мирмекс, связанный, который, не будучи пойман с поличным, но мучимый угрызениями совести, проливал горькие слезы и жалобно вздыхал, напрасно стараясь вызвать к себе сострадание. Случайно навстречу им попался Филезитер, шедший совсем по другому делу. Взволнованный, но не испуганный неожиданным зрелищем, он вспомнил, какую он второпях сделал оплошность, быстро сообразил возможные последствия и с присущим ему присутствием духа растолкал рабов и с криком стал бить по щекам (но не больно) Мирмекса, приговаривая:—ах ты, негодная душа, ах ты мошенник! Пусть от твоего хозяина и от всех богов небесных, которых ты ложными клятвами оскорбляешь, что ни на есть худшая кара тебя постигнет! Ты ведь вчера в бане сандалии у меня украл! Заслужил, клянусь Геркулесом, заслужил ты того, чтобы и эти веревки на тебе сгнили, да и самого тебя в мрачной темнице сгноили.

Введенный в обман этой ловкой ложью энергичного юноши, Барбар, вообще склонный к доверчивости, удаляется во свояси и, подозвав Мирмекса и отдав ему сандалии, сказал, что прощает его от души, а что украденную вещь надо вернуть владельцу.

22. Старушонка продолжала еще бормотать, как женщина ее прервала:—счастье той, что делит содружество с таким крепким и независимым товарищем, а мне несчастной на долю достался дружок, что всего боится, жернов ли зашумит, паршивый ли осел этот морду покажет.

Старуха на это:—уж доставлю я тебе, как по повестке, этого образцового любовника!—и с этими словами выходит из комнаты, сговорившись, что к вечеру еще раз придет.

А супруга добродетельная сейчас же принялась готовить роскошный ужин, дорогие вина процеживать, различные кушанья заново тушить с соусами. Наконец, уставив богато стол, начала ждать прихода любовника, словно появления какого нибудь бога. Кстати и муж отлучился из дому на обед к соседнему сукновалу. Когда время приближалось к урочному сроку, меня отвязали и предоставили свободно пользоваться пищей, но я, Геркулесом клянусь, радовался не столько освобождению от трудов моих, сколько тому, что, сняв повязку с моих глаз, мне дали возможность наблюдать за всеми проделками злокозненной этой женщины. Солнце, уже погружившись в океан, освещало подземные области мира, как является несчастная старуха бок о бок с отважным любовником, еще не вышедшим почти из отроческого возраста и столь милым по блеску безбородого лица, что сам бы еще мог составить усладу любовникам. Женщина, встретив его многими поцелуями, сейчас же пригласила сесть за накрытый стол.

23. Но не успел юноша пригубить первой при встрече чаши и узнать, какой вкус у вина, как приходит муж, вернувшийся гораздо раньше, чем его ожидали. Тут достойнейшая супруга, послав мужу всякие проклятия и пожелав ему в сердцах ноги себе переломать, прячет дрожащего, бледного от ужаса любовника под случайно находившийся здесь деревянный чан,

в котором обыкновенно очищали смешанные зерна; затем с прирожденным лукавством, ничем не выдавая своего проступка, делает спокойное лицо и спрашивает у мужа, почему и зачем он раньше времени ушел с ужина от закадычного своего приятеля. Тот, часто вздыхая из глубины горестной души своей, отвечает:

— Не мог я выпести безбожного и крайнего преступления потерянной женщины и обратился в бегство! Боги благие, такая почтенная матрона, такая верная, такая воздержная и покрыла себя такой гнусной срамотой! Клянусь вот этой богиней Церерой, что если б я сам это заметил за такой женщиной, глазам своим не поверил бы.

Заинтересовавшись мужниными словами и желая узнать, в чем дело, нахалка эта не перестала приставать, пока не добилась того, чтобы ей рассказали всю историю по порядку. Муж не мог устоять и, уступив настояниям жены, так начал, не ведая о своих, повесть о бедствиях чужой семьи.

24. Жена приятеля моего сукновала, женщина, как казалось до сей поры, исключительного целомудрия и по общим лестным отзывам добродетельная хранительница домашнего очага, на самом деле предавалась тайной страсти с неким любовником. Секретные свиданья у них бывали постоянно, и даже в ту минуту, когда мы, вымывшись, явились к ужину, она с этим молодым человеком упражнялась в любострастии. Потревоженная нашим внезапным появлением, следуя первой пришедшей в голову мысли, она своего любовника сажает под высокую плетен-

ную корзину, в которой она серными парами белила белье, и, считая, что он там спрятан надежным образом, сама преспокойно садится с нами за ужин. Меж тем молодой человек, окруженный и мучимый едким тяжелым запахом, с трудом уже переводит дыхание и по свойству этого едкого вещества принимается неоднократно чихать *.

25. Когда муж в первый раз услышал звук чиханья со стороны жены, прямо из за ее спины, он подумал, что это она издала этот звук и, как принято, говорит: — будь здорова! — чиханье повторяется, он еще раз поздравил; но чиханье снова раздается все чаще и чаще, пока ему это не показалось подозрительным и он не захотел узнать, в чем дело. Отодвигает стол он в сторону, приподымает плетенку и обнаруживает мужчину, едва переводящего дыханье. Пылая негодованием за оскорбление, он требует меча, собираясь убить этого умирающего, насилиу я удержал его для предотвращения общей опасности от бешеного порыва, выставив на вид то обстоятельство, что оскорбитель его все равно скоро погибнет от действия серы, не подвергая ни меня, ни его никакому риску. Смягчившись не столько вследствие моих уговоров, сколько в силу самих обстоятельств, он выносит полуживого любовника в ближайший переулок. Тут я потихоньку разговариваю с его женой и, в конце концов, уговариваю ее на время удалиться куданибудь и уйти из дому к какойнибудь знакомой женщине, чтобы тем временем остыл жар ее мужа, так как не могло быть сомнения, что он, сильно распаленный и ярост-

ный, задумывает какое нибудь зло себе или своей жене. Покинув с неудовольствием подобный дружеский ужин, я вернулся во свояси.

26. Выслушав рассказ мельника, жена его, до конца наглая и бессовестная женщина, принялась ругательски ругать и уничивать жену сукновала: и коварная то она, и бесстыдная, поношение всему женскому полу, что, забыв стыд и нарушив узы супружеского ложа, домашний очаг обратила в притон разврата и, отбросив достоинство замужней женщины, причислила себя к продажным тварям; заключила же тем, что подобных особ следовало бы живьем сжигать. Однако, движимая сознанием собственной вины и побуждаемая нечистой совестью, она подумала как можно скорее освободить из заточения своего растлителя и с этой целью стала уговаривать мужа удалиться раньше обычного на покой. Но тот, уйдя из гостей не поевши и чувствуя голод, заявил, что он с большей охотой отдал бы честь ужину. Жена быстро подает на стол, хотя и не очень охотно, так как кушанья были для другого приготовлены. Меня же до глубины души возмущали и бывшее злодеяние и теперешняя наглость негоднейшей этой женщины, и я ломал себе голову, как бы найти возможность разоблачить обман, оказать помощь моему хозяину и, опрокинув чан, на всеобщее погляденье обнаружить того, кто скрывался под ним, как черепаха.

27. На эти мои муки о хозяйской обиде небесное провидение наконец обратило внимание. Наступило урочное время, когда хромой старик, которому поручен был присмотр за всеми вьюч-

ными животными, всем стадом повел нас на водопой к ближайшему пруду. Обстоятельство это доставило мне желанный случай к отомщению. Проходя мимо чана, заметил я, что концы пальцев у юноши высовываются, не поместившись, из под края; шагнув в сторону, я наступил со злобой копытом на его пальцы и раздробил их на мелкие кусочки. Издав от невыносимой боли жалобный стон, он отбрасывает и валит чан, и, обнаружив себя непосвященным взглядам, выдает все козни бесстыдной женщины. Но мельник, не особенно тронутый нарушением супружеской верности, ласково обращается к дрожащему и смертельно бледному отроку с ясным и подбадривающим выражением на лице:

— Не бойся, сынок, для себя никакого зла с моей стороны. Я не варвар и не такая уж заскорузлая деревенщина, чтобы изводить тебя, по примеру сукновала зловредным дымом ядовитой серы или обрушивать на голову такого хорошенького и миленького мальчика кару закона о прелюбодеянии, нет, я мирным и справедливым образом произведу дележ с женою. Прибегну я не к разделу имущества, а к форме общего владения, чтобы без дряг и препирательств все втроем поместились мы в одной постели. Да я и всегда жил с женою в таком согласии, что у нас, как у людей благоразумных, вкусы всегда сходились. Но сама справедливость не допускает, чтобы жена имела преимущество перед мужем.

28. С подобными милыми шуточками вел он отрока к ложу; тот не очень охотно, но следовал за ним; затем, заперев отдельно целомуд-

ренную свою супругу, лег он вдвоем с молодым человеком и воспользовался наиболее приятным способом отпущения за погрязшие супружеские права. Но как только блистающая колесница солнца привела с собою рассвет, мельник позвал двух работников посильнее и, приказав им держать отрока и подняв его возможно выше, плеткой по ягодицам его отстегал, приговаривая:—ах, ты! сам еще мальчишка, молоко на губах не обсохло, на тебя на самого еще любители найдутся, а ты бегаешь за бабами, да еще за замужними, нарушая законы супружества и стараясь присвоить себе преждевременное звание прелюбодея.

Засрашив его такими и многими другими речами, да и побоями наказав достаточно, выбрасывает он его за дверь. И сей образцовый любовник, неожиданно выйдя из опасности живым, если не считать белоснежных ягодиц, пострадавших и ночью, и поутру, печально поспешил удалиться. Тем не менее мельник дал своей жене разводное письмо и выгнал ее из дому.

29. Она и от природы будучи негодяйкой, к тому же раздосадованная обидой, тем более горькой, что она была заслуженной, снова принимается за старое и, прибегнув к обычным женским козням, с большим трудом отыскивает некую заматорелую старуху, про которую шла молва, что своими наговорами и чарами она может сделать что угодно. Она засыпает ее подарками и просит одного из двух: или чтобы муж, смягчившись, снова помирился с нею, или чтобы, напустив на него привиденье или какогонибудь злого духа, насильственно причинить

ему внезапную смерть. Тогда колдунья эта, облеченная божественною властью, сначала обращается к первым приемам небесной науки и изо всех сил старается смягчить оскорбленный дух мужа и направить его к любви. Но когда ей это не удалось, она вознегодовала на богов и, не только рассчитывая на обещанную плату, но в виде возмездия за пренебрежение, замышляет уже гибель несчастного мужа и для этой цели направляет на него тень некоей, умершей насильственной смертью, женщины.

30. Но может быть, придирчивый читатель, ты прервешь мой рассказ и возразишь:—откуда же, осел хитрейший, не выходя за пределы мельницы, ты мог узнать, что втайне, как ты утверждаешь, замышляли женщины?— Ну так узнай, каким образом, оставаясь и в виде вьючного животного человеком любопытным, я узнал, что готовится на пагубу моего мельника.

Почти что ровно в полдень на мельницу явилась некая женщина, запечатленная следами преступления и необычайной скорби, полуприкрытая жалким рубищем, с босыми ногами, желтая, исхудалая, с лицом, целиком закрытым распущенными волосами, будто их нагнал порыв ветра, полуседыми, грязными от посыпанного пепла. Явившись в таком виде, она кладет тихонько руку на плечо мельнику, словно желает с ним поговорить наедине, и уводит его к нему в спальню; заперев дверь, они остаются там долгое время. Между тем работники смололи все зерно, что было у них под рукою, и, так как требовалось еще, подручные пошли к хозяйской комнате и стали его кликать, прося добавочной

выдачи зерна. Не раз они его громко звали, хозяин ничего не отвечал, тогда принялись стучаться в двери, они накрепко заперты изнутри; подозревая какую нибудь немалую беду, они понажали и, выломав дверь, получили доступ. Как ни искали, никакой женщины там не оказалось, а на одной из балок висел с петлей на шее хозяин уже без дыханья. Они сняли его, вынули из петли, с громким плачем и рыданием омыли тело и, исполнив погребальные обряды, в сопровождении большой толпы его похоронили*.

31. На следующий день спешно прибывает его дочь с соседнего хутора, куда она давно уже была выдана замуж, мрачная, раздирая распущенные волосы, от времени до времени ударяет себя в грудь. Ей было все известно о домашнем несчастье, хотя никто ее не извещал, но во время сна предстала ей жалостная тень отца, еще не сняв петли с шеи, и все открыла относительно злодейства мачехи: и о прелюбодеянии, и о злых чарах, и о том, как под влиянием привидения низшел он в преисподнюю. Долго она рыдала и убивалась, пока домочадцы не уговорили ее положить предел скорби. Исполнив у могилы на девятый день установленные обряды, она пустила с молотка наследство: дворню, движимое имущество и весь вьючный скот. Таким то образом все хозяйство из одних рук пошло в разные стороны, сообразно неверным случайностям продажи. Меня лично купил какой то бедный огородник за пятьдесят нуммов. По его словам, для него это была большая сумма, но с моею помощью он надеялся добывать себе средства к жизни,

32. Самый ход вещей, думается, требует, чтобы я сообщил, в чем состояли мои новые обязанности.

Каждое утро хозяин нагружал меня разными овощами и гнал в соседнее село, затем, продав свой товар перекупщикам, садился мне на спину и возвращался в свой огород. Пока он то копал, то поливал и гнулся над остальной работой, я был предоставлен спокойному бездействию. Но вот вместе с течением светил, чередованием дней и месяцев, и год завершил свой круг и после вином обильной радостной осени склонялся к зимним заморозкам Козерога; все время дождь, по ночам росы, и, стоя под открытым небом в непокрытом стойле, я постоянно мучился от холода, так как у хозяина моего по крайней бедности не только для меня, для самого себя не было ни подстилки, ни покрывки, а удовлетворялся он защитой шалаша. К тому же по утрам приходилось мне голыми ногами месить очень холодную грязь и ушибаться об весьма острые кочки; да и желудок свой не мог я наполнять достаточно привычной пищей. У меня и у хозяина стол был один и тот же, но очень скудный: старый и невкусный латук, что оставлен был на семена и перерос вроде метлы, с горьким и пахнущим землею соком.

33. Однажды ночью, застигнутый темнотою безлунной ночи и насквозь промокший от ливня, к тому же сбившийся с дороги, повернул порядком усталую лошадь к нашему огороду некий почтенный человек соседнего селенья. Будучи по обстоятельствам гостеприимно встречен и получив не очень изысканный, но

необходимый ему покой, он пожелал отблагодарить ласкового хозяина и обещал нам дать зерна, масла из своих угодий и даже два боченка вина. Мой то не медля забирает с собой мешок и пустые мехи и, сев на меня без седла, пускается в путь за шестьдесят стадий. Сделав это расстояние, прибыли мы к указанному нам имению, где сейчас же хозяина моего владелец приглашает к обильному завтраку. Чокнувшись, они уже принялись за беседу, как вдруг случилась диковинная вещь: по двору бегала курица, отбившись от остальных, и кудахтала, как обычно кудахтают куры, чтобы оповестить о том, что они сейчас снесут яйцо. Посмотрев на нее, хозяин говорит:—верная ты слуга и плодовитая, сколько времени уж ты ежедневно нам доставляешь продовольствие. И теперь, как видно, готовишь нам закусочку.—Затем кричит:—эй, малый, поставь, как всегда, в уголок корзинку для наседки.—Слуга исполнил приказание, но курица, пренебрегши обычным гнездом, прямо у ног хозяина снесла преждевременный, но способный навести не малый страх, плод. Не яйцо она снесла, как можно было ожидать, а готового цыпленка с перьями, когтями, глазами, который уже умел пищать и сейчас же принялся бегать вслед за матерью.

34. Вскоре вслед за этим случается еще большая диковинка, на всех естественно наведшая страх. Под самым столом, где еще находились остатки завтрака, разверзлась земля, и из глубины забила сильным ключом кровь, так что множество брызг, летевших кверху, покрыло кровавыми пятнами весь стол. В эту же минуту,

как все, остолбенев от ужаса, дивились и трепетали зловещих предзнаменований, прибегает сторож при винном погребе и докладывает, что все вино, давно уже разлитое по бочкам, начало кипеть, словно на сильном огне. Заметили также и ласочку, вышедшую на улицу, держа в зубах издохшую уже змею; у сторожевой собаки изо рта выскочил зеленый лягушонок, а на самое собаку, стоявшую поблизости, набросился баран и разом перегрыз ей горло. На хозяина и всех его домашних от стольких и подобных явлений напал немалый ужас и крайнее смятение; что— сначала делать, что—потом? каким количеством, и какими жертвами, и каких небожителей, посылающих угрожающие знаменья, умиловать? кого больше, кого меньше?—ничего не было известно.

35. Покуда все находились в ожидании последствий чудовищных этих диковин, прибегает некий раб и докладывает о великих и крайних бедствиях, обрушившихся на владельца имения.

Гордость его жизни составляли трое уже взрослых сыновей, получивших образование и украшенных скромностью. Эти юноши были связаны старинной дружбой с неким бедным человеком, владельцем небольшой усадьбы. Крошечная усадьба эта соприкасалась с обширными и благоустроенными владениями влиятельного, богатого и молодого соседа, который, злоупотребляя древностью своего рода, имел множество сторонников и делал в городе все, что хотел. К скромному соседу своему он относился крайне враждебно и разорял его убожество: мелкий скот избивал, стада угонял, травил хлеб,

еще не созревший. Когда же он лишил его всех достатков, решил и самую землю отобрать, затеяв какую то пустую тяжбу о межевании. Хуторянин был человек скромный, но видя, что алчность богача лишила его всего имущества, и желал удержать за собою хотя бы место для могилы в родном поле, со страхом упросил очень многих из своих друзей притти в качестве свидетелей правильности поземельной границы. В числе других пришли и эги три брата, чтобы мало-мальски чем нибудь помочь своему другу в его бедственном положении.

36. Но тот сумасброд нисколько не испугался и даже не смутился от присутствия стольких граждан и не только не отказался от своих захватческих притязаний, но даже не пожелал обуздать свой язык. Когда те мирно изложили свои пожелания и ласковой речью старались смягчить буйный его нрав, он сейчас же, клянясь своим спасеньем и жизнью дорогих ему людей, заявил, что он не обращает никакого внимания на присутствие стольких посредников, а соседку этого велит своим рабам взять за уши и выбросить из усадьбы, чтобы убирался он, куда угодно. Слова эти возбудили всеобщее негодование у присутствующих. Тогда один из трех братьев незамедлительно, но довольно свободно ответил, что напрасно тот, надеясь на свои богатства, угрожает с такою тираническою спесью, меж тем как и бедняки от наглости богачей могут иметь защиту справедливых законов. Масло в огонь лить, серу в пожар, бичи фуриям подбавлять,—так раздули ярость этого человека подобные слова. Дойдя до край-

ней степени безумия, он закричал, что на виселицу пошлет и противника, и всех собравшихся, и сами законы,—и отдает приказание, чтобы спустили с цепи диких сторожевых собак, огромного роста, питавшихся падалью, выбрасываемую на поля, даже нападавших на проходящих пугников, и стал их науськивать на собравшихся. Как только услышали они привычное улюлюканье пастухов, воспламенившись и разъярившись, впад в буйное бешенство — с диким лаем тронулись на людей и, набросившись, принялись терзать их разными укусами, причем, чем быстрее те старались искать спасение в бегстве, тем яростнее они их преследовали.

37. Посреди гущи сбившейся толпы младший из трех братьев споткнулся о камень и, повредив себе пальцы, упал наземь, доставшись в злоеущую добычу диким и жестоким собакам, которые немедленно рвут несчастного юношу на куски. Когда остальные братья услышали его предсмертный вопль, в горести они поспешили ему на помощь и, обернув левые руки в полы плащей, пытались камнями отбить брата от собак и разогнать их. Однако, не удалось им ни смягчить ярость псов, ни отогнать их, и несчастный юноша, воскликнув напоследок, чтобы отомстили этому богатому злодею за смерть меньшого брата, умирает, растерзанный на части. Оставшиеся в живых братья в отчаянии, не заботясь о собственной безопасности, бросаются на богача и пламенно, с безумным натиском принимаются бросать в него камни, но кровожадный противник их, и раньше привыкший ко многим подобным преступлениям, копьём пронзает стар-

шего из двух в середину груди. Но пораженный и сейчас же испутивший дух юноша не падает на землю, так как копьё, пронзив его и почти все выйдя из спины, силой удара впилося в землю и, зашатавшись, поддерживало тело в висячем положении. Высокий и сильный раб пришел убийце на помощь и, размахнувшись, бросил в третьего юношу камнем, но против всякого ожидания слишком сильно пущенный камень задел только край пальцев и упал, не причинив никакого вреда.

38. Но благоприятный случай этот доставил сообразительному молодому человеку возможность отмщения. Сделав вид, что рука у него повреждена, так обращается он к жестокому врагу:—пользуйся гибелью всего нашего семейства, удовлетворяй ненасытную свою ярость кровью трех братьев, покрывайся славой, убив столько своих сограждан,—все равно увидишь, что, сколько бы ни отбирал ты имений у бедняков, до каких бы пределов ни расширял своих владений, какойнибудь сосед у тебя найдется. О, если бы рука эта по несправедливости судьбы не выбыла из строя, свернула бы она уж тебе голову сейчас же.

Выведенный из себя подобными словами, взбешенный разбойник, схватив свой меч, с жаром набросился на несчастного юношу, чтоб убить его. Но попал он на противника не слабее себя. Совершенно для него неожиданно молодой человек очень крепко схватил его за правую руку и, с большими усилиями взмахнув мечом, быстрыми и частыми ударами заставил того расстаться с грешною жизнью, а сам, чтобы не по-

пасться в руки подоспевшим уже слугам, еще обогранным во вражеской крови, лезвием перерезал себе горло.

Вот что предзнаменовали вещи чудеса, вот что объявлено было злосчастному хозяину. Но старец, на которого обрушилось столько бедствий, не вымолвив ни слова, не пролил даже безмолвной слезы, но схватил нож, которым среди своих сотрапезников резал сыр и прочие кушанья за завтраком, и, по примеру злосчастного своего сына, стал наносить раны себе в шею, покуда, упав ничком на стол, не смыл зловещие капли свежим потоком крови.

39. Расстроенный гибелью в одну минуту целого дома и о своих обстоятельствах тяжело вздыхая, огородник, отблагодарив за завтрак одними слезами и частенько всплескивая пустыми руками, сейчас же садится на меня и пускается в путь. Но возвращение не обошлось без неприятностей. Встретился с нами какой то верзила, судя по платью и по внешности, солдат-легионер, и гордо, даже нагло спрашивает, куда он ведет осла без поклажи. А мой то еще от горя не успокоившись, да и по латыни не понимая, едет себе дальше, ничего не ответив. Тогда солдат в негодовании, молчание его приняв за оскорбление, с солдатским нахальством стукнул хозяина дубинкой, что была у него в руках, и прогнал с моей спины. Огородник оправдывается смиренно тем, что по незнанию языка он не понимает, о чем тот говорит. Тогда солдат по гречески повторяет:—куда ведешь этого осла?—Огородник говорит, что направляется в соседний город.—А мне,—говорит тот,—нужна его

помощь; следует, чтобы он с прочим вьючным скотом перевез из соседней крепости вещи нашего командира, — и сейчас же схватывает меня за узду и начинает тащить за собою. Но огородник, утерши с лица кровь от прежней раны, стал упрашивать товарища быть помягше и помягше, затем принялся клясться и божиться, что я никуда не годен. — Ведь ленивый осел этот, — говорил он — от отвратительной болезни одряхлел и из соседнего огорода едва несколько охапок овощей дотаскивает, да и то затем задохнется, а потяжелее чегонибудь свезти и думать нечего.

40. Но заметив, что никакими просьбами солдата не уломать, а ему самому грозит еще большая опасность от дубинки, толстым концом которой тот того и гляди раскроит ему череп, он прибегнул к крайнему средству: сделав вид, что для того, чтобы вызвать сострадание, он хочет обнять его колени, он нагнулся и, схватив его за обе ноги, поднял их вверх, и хлопнул того наземь. И тотчас же принялся колотить его по лицу, по рукам, по бокам, работая и кулаками, и локтями и зубами, да подхватив еще камень с дороги. Тот, как только очутился на земле, не мог никак защищаться, но продолжал грозиться, говоря, что только он подыметя, так в куски мечом его изрубит. Огородник не пропустил этого мимо ушей и, отбросив как можно дальше широкий его меч, снова принялся еще сильнее его колотить. Тот, лежа на спине и осыпаясь ударами, не видел другого способа спастись, как прикинуться мертвым. Тогда огородник вскочил на меня и, за-

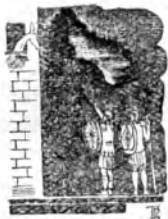
бравши с собою меч, скорым шагом направился прямо в город, не заезжая уж проведать свой огород, и добрался до некоего своего знакомого. Рассказав ему всю историю, он умоляет, чтобы тот оказал ему помощь в таких опасных обстоятельствах и спрятал на некоторое время его и осла, чтобы пробыть в затворе дня два, три, пока не пройдет опасность для жизни. Тот не забыл старую дружбу и согласился ему помочь; меня по лестнице, подогнувши ноги, провели в верхнюю спальню, а самого огородника спрятали внизу, в лавочке, поместив в корзинку и закрыв ее крышкой.

41. Между тем солдат, как после я узнал, словно после большого похмелья, поднялся, пошатываясь, досыта претерпев потасовку, и, еле-еле, опираясь на палку, отправился в город; стыдясь своей немощи и непредприимчивости, он никому в городе не рассказал о случившемся, молча проглотив обиду, однако некоторым своим товарищам он сообщил о постигшей его беде. Было решено, что некоторое время пострадавший будет скрываться в казармах, так как кроме личного оскорбления он боялся еще ответственности за бесчестие воинского достоинства, потеряв меч,— а товарищи его, узнав наши приметы, прилагали тем временем все усилия, чтобы отыскать нас и расквитаться. Конечно, среди соседей нашелся предатель, который тотчас нас выдал и указал, где мы скрываемся. Тогда товарищи солдата призвали властей и сделали ложное заявление, что они в дороге потеряли серебряный сосудец начальника большой цены, какой то огородник его нашел и не отдает назад, а скры-

вается у какого то своего близкого знакомого. Чиновники, наведя справки об убытке и о том, как зовут начальника, пришли к воротам нашего заступника и громко начали требовать от хозяина, чтобы он нас, которые, как наверное известно, скрываются у него, выдал, а в противном случае вина падет на его собственную голову. Но тот, нисколько не испугавшись, стараясь только о спасении того, кто ему доверился, ничего не выдал и заявил, что вот уже сколько дней он огороdnика этого и в глаза то не видывал. Солдаты, наоборот, утверждали, клянясь гением-хранителем императора, что виновный скрывается именно здесь, а не в каком ином месте. Наконец власти решили произвести у упорно отпиравшегося человека обыск. Отправленным на этот предмет ликторам и другим служителям был отдан приказ, чтобы они тщательнейшим образом обшарили все уголки. Произведя обыск, они докладывают, что ни одной живой души, а также никакого осла в доме они не обнаружили.

42. Тут спор с обеих сторон разгорелся еще больше: солдаты уверяли, что мы тут, и имя Цезаря неоднократно призывали, а тот, тоже призывая небожителей в свидетели, ото всего отпирался. Услышав спор, шум и крик, я, как осел любопытный и назойливый, вытянув шею, желаю в какое то окошечко посмотреть, что этот галдеж означает; как вдруг один из солдат случайно поднял глаза и увидел мою тень, сейчас же он всем показывает ее. Поднялся страшный крик, и, в одну минуту взобравшись по лестнице, какие то люди берут меня и как пленника тащут

вниз. Тут, отложив всякую проволочку, начали снова осматривать каждую шелку, нашли корзину, открыли ее и обнаружили злосчастного огородника; его выводят, отдают в руки властям и ведут в городскую тюрьму в ожидании казни. Над моим же появлением в качестве наблюдателя не переставали хохотать и издеваться. Отсюда и пошла распространенная поговорка об осле и его тени*.

КНИГА ДЕСЯТАЯ

НЕ ЗНАЮ, что случилось с моим хозяином огородником на следующий день, меня же этот самый солдат, крепко поплатившийся за свое слабосилие, взял прямо из стойла и, не встретив ни с чьей стороны возражения, привел к своей казарме, как мне по крайней мере казалось, и, нагрузив своими пожитками, по военному меня вооружив и разукрасив, погнал в дорогу. На мне находились и шлем, блеском сияющий, и щит, бросающий на большое расстояние в небо лучи, и в довершение всего копье с предлинным древком, бросавшимся в глаза, все это не столько ради военной надобности, сколько для устрашения несчастных прохожих он старательно выложил в виде боевого трофея на самое видное место поклажи. Пройдя без особого труда некоторое время по открытому месту, мы доехали до какого то городка и завернули не к гостинице, а к дому некоего декуриона. Сейчас же он меня сдал на руки какому то слуге, а сам поспешно отправился к своему начальнику, у которого под командой находилась тысяча вооруженных солдат.

2. Через несколько дней в этой местности произошло выдающееся, ужасное и смертоубийственное злодеяние, которое я заносу в книгу, чтобы вы могли его прочитать. У домохозяина был молодой сын, прекрасно воспитанный, следовательно, почтительный и скромный, так что всякий пожелал бы иметь такого сына. Мать его уже давно умерла, и отец захотел снова соединиться брачными узами; женившись на другой, он родил и другого сына, которому к этому времени было уже лет двенадцать. Мачеха главенствовала в доме скорее вследствие своей наружности, чем в силу добрых нравов, и вот не то по прирожденному бесстыдству, не то побуждаемая к крайнему сраму судьбою, обратила она свои очи на пасынка. Но так как, любезный читатель, рассказываю я тебе трагическую историю, а не побасенки, сменим комедийные башмаки на котурны. Женщина эта, пока начальной пищей питался еще крошка Купидов, могла противустоять слабым его силам, легкий огонь в молчании подавляя. Когда же нестерпимейший Амур безумным пламенем безмерно начал сжигать ее внутренности до глубины, покорила она яростному божеству и, чтобы скрыть сердечную рану, сделала вид, что занемогла телесно. Всякому известно, что резкие перемены во внешности и состоянии здоровья у больных и влюбленных точно совпадают: мертвенная бледность, усталые глаза, слабость в коленях, тревожный сон и дыхание прерывистое и затрудненное. По одним слезам этой женщины ты подумал бы, что от нее пышет жестокой горячкой. Как невежественны

медики, не знавшие, что значит, когда у человека сумасшедший пульс, когда цвет лица ежесекундно меняется, дыхание затруднено, и больной постоянно ворочается с бока на бок, не находя себе места! Вечные боги, зачем быть искусным доктором? Достаточно иметь хоть некоторое понятие о любви, чтобы понять, что делается с человеком, который сгорает, не будучи в жару.

3. Наконец не в силах более выдерживать настойчивость все усиливавшейся страсти, нарушает она молчание, что хранила до сих пор, и велит позвать к себе сына,—как бы охотно она лишила его этого имени, чтобы не пришлось краснеть *. Молодой человек не замедлил исполнить приказание больной мачехи и, нахмурив по стариковски лоб, идет к ее спальне и отдает должное почтение супруге своего отца и матери своего брата. Та же, измученная долгим молчанием, и теперь медлит, погрузившись в бездну сомнений, и не умолкая еще стыдливость не позволяет ей произнести ни одного слова, которое она считала бы наиболее подходящим для начала речи. Наконец, не подозревавший ничего дурного молодой человек, потупив взор, сам почтительно осведомляется об ее здоровье. Тогда, видя время и обстоятельства, сведшие их глаз на глаз, благоприятными, набралась она храбрости и, заливаясь слезами, закрыв лицо полою платья, так говорит ему в кратких словах и дрожащим голосом:

— Вся причина, весь источник моих телерешных страданий и в то же время лекарство и единственное мое спасенье, все это — ты один!

Твои глаза в мои глаза проникли до глубины души и внутренности все зажгли во мне. Сжался над той, что гибнет из за тебя! Да не смущает тебя уважение к отцу,—ты мертвой соблюдешь ему супругу. В твоих чертах его признавши образ, по праву я люблю тебя. Доверься; мы одни и времени для необходимого действия достаточно. Ведь то, чего никто не видел, почти не существует и на деле.

4. Молодого человека привела в смущение неожиданная беда, но хотя в первую минуту он пришел в ужас от злодейского предложения, однако решил лучше не доводить до отчаяния неуместным и суровым отказом, а образумить ее осторожным обещанием отсрочки. И так он ласково дает ей обещание, но горячо уговаривает ее собраться с духом, поправляться, окрепнуть, пока какая нибудь отлучка отца не даст им случая удовлетворить свою страсть. А сам поскорее удаляется с опасного свиданья с мачехой. Считая, что такое семейное бедствие заслуживает долгого обсуждения, он немедленно направляется к своему старому воспитателю, человеку испытанной серьезности. По долгом размышлении они пришли только к тому выводу, что повидимому всего спасительнее будет для него бежать как можно скорей от грозы, воздвигнутой жестоким роком. Но женщина, не будучи в состоянии терпеливо переносить малейшую отсрочку, выдумав какой то повод, тотчас стала с удивительным искусством уговаривать мужа поехать осматривать какие то дальние хутора. После этого, опьяненная созревшей надеждой, нетерпеливо требует она исполнения обещания.

Молодой человек то под тем, то под другим предлогом уклоняется от свидания. Тогда она из его сбивчивых ответов ясно увидела, что она обманута и не получит обещанного, и по переменчивости, свойственной сладострастным людям, смертельную любовь сменила гораздо более сильной ненавистью. Сейчас же призывает она негодного раба, данного ей еще в приданое, опытного в такого рода делах, и сообщает ему свои планы; они не нашли ничего лучшего, как извести бедного юношу. Итак, подлец этот был послан раздобыть сильно действующего яда и получил приказание, искусно подлив отраву в вино, погубить невинного пасынка.

5. Покуда злодеи совещались, когда удобней всего поднести отраву, случилось, что младший мальчик, родной сын этой негодной женщины, вернувшись домой после утренних занятий и позавтракав уже, захотел пить; нашел он стакан с вином, в который влита была отрава, и не подозревая, что там яд, залпом его выпивает. Как только выпил он смертельного снадобья, приготовленного для брата, сейчас же бездыханным падает на земь, а дядька, пораженный внезапной смертью мальчика, принимается вопить, сзывая мать и всех домочадцев. Что мальчик умер от яда, узнали очень скоро и принялись делать разные догадки, кто из домашних мог его отравить. Жестокая же эта женщина, редкий образчик коварства мачехи, не тронулась ни лютой смертью сына, ни нечистой совестью, ни несчастьем для дома, ни скорбью супруга, ни печальными похоронами, а семейной бедою решила воспользоваться, как удобным случаем для

мести. Сейчас же она посылает вестника вдогонку за мужем, чтобы предупредить его о несчастии в доме, и не успел он вернуться домой, как она, вооружившись беспримерной наглостью, стала ложно обвинять пасынка в том, что он отравил ее сына. В утверждении этом была доля правды, так как мальчик перехватил яд, предназначавшийся для молодого человека, но она то уверяла, что пасынок погубил младшего брата потому, что она не согласилась на гнусное сожителство, к которому он хотел ее принудить. Не довольствуясь такой чудовищной ложью, она добавила, что теперь, после того как она разоблачила его преступление, и ее жизнь находится в опасности. Несчастный муж, удрученный гибелью обоих сыновей, был подавлен тяжестью обрушившихся на него бедствий. Он видел на погребальном одре тело младшего сына и наверно знал, что смертная казнь угрожает его старшему сыну за кровосмешение и убийство. Окончательной ненавистью к своему детищу наполняли его лицемерные вопли горячо любимой супруги.

6. Едва закончилось погребальное шествие и обряды над телом его сына, прямо от последнего костра несчастный старик, только что ланиты свои бороздивший слезами и седые волосы посыпавший пеплом, спешно направляется на городскую площадь. Не зная об обмане негодной жены своей, он плачет, молит, обнимает колена декурионам, всеми силами настаивая на осуждении оставшегося в живых сына, осквернителя отцовского ложа, убийцы собственного брата, злодея, покушавшегося на жизнь своей мачехи.

В скорби своей он возбудил такое сострадание и негодование в чиновниках и самой толпе, что все присутствовавшие стали требовать, чтобы, отбросив судейскую волокиту, без обвинительной речи обвинителя, без обдуманных уловок защиты, тут же на месте всем обществом побили камнями общественную заразу.

Между тем чиновники, сообразив, какая опасность грозит им самим, если по поводу каждого порыва негодования будет нарушаться гражданская дисциплина и происходить мятеж, относительно декурионов решили применить меры увещевания, по отношению же к толпе меры насильственные для того, чтобы судопроизводство происходило по освященному обычаю предков, чтобы приговор был вынесен юридически правильно, после того, как будут выслушаны обе стороны, чтобы ни один человек не мог быть осужден невыслушанным, как в странах, где господствует варварская жестокость или тиранический произвол, и не был бы дан грядущим векам пример столь дикого явления в мирное время.

7. Благоразумное мнение одержало верх, и сейчас же было отдано приказание глашатаю, чтобы он созывал сенаторов на суд. Когда они по чину и по обычаю заняли свои места, снова по зову глашатая первым выступает обвинитель. Только тут ввели обвиняемого и по обычаям аттического закона и Марсова судилища глашатай объявляет защитникам, чтобы они воздержались от вступлений и не взывали к милосердию. Все это я узнал из переговоров толпы между собою. В каких

выражениях горячился обвинитель, что говорил в свое оправдание обвиняемый и вообще какие были прения сторон, я не знаю, так как там не присутствовал, а стоял в стойле, и вам докладывать о том, чего не знаю, не могу; что мне доподлинно известно, то и записываю сюда. После того как кончилось словопрение, было решено, что такое важное дело не может вестись на основании одних подозрений, а все положения должны быть подкреплены точными доказательствами, посему нужно во что бы то ни стало вызвать главного свидетеля, слугу, который, повидимому, был единственным осведомленным человеком в этом деле. Висельник этот нисколько не смутился ни тем, что он попал в такое крупное дело, ни почтенным видом суда, ни упреками нечистой совести, а начал плести свои выдумки, будто чистую правду. По его словам, его позвал к себе молодой человек, возмущенный неприступностью своей мачехи, и чтобы отомстить за оскорбление, поручил ему убить ее сына, за согласие и молчание обещал богатую награду, а в случае отказа грозил смертью, что тот передал ему собственноручно приготовленную отраву, но потом взял обратно, боясь, как бы он, не исполнив поручения, не сохранил кубок в виде вещественного доказательства, и сам потом дал яд мальчику. Все это негодяй придумал так правдоподобно и произносил таким дрожащим голосом, что после его показания мнение судей почти определилось.

8. Никого не было из декурионов, кто продолжал бы относиться благожелательно к молодому человеку; было очевидно, что в престу-

плении он уличен и приговор ему один: быть зашитым в мешок. Уже предстояло бросить по вековечному обычаю в урну одинаковые решения, которые все судьи написали в одинаковых выражениях; а раз произведен подсчет мнениям, участь подсудимого решена, ничто не может изменить приговора, и власть над его жизнью передается в руки палача. Вдруг подымается из среды сенаторов некий врач, известный повсюду как человек необыкновенной честности, пользующийся большим влиянием, закрывает рукою отверстие урны, чтобы кто опрометчиво не положил своего мнения, и обращается к присутствующим с такою речью:

— Гордый тем, что столько лет я снискивал ваше одобрение, я не могу допустить, чтобы, осуждая оклеветанного подсудимого, мы совершили явное убийство и чтобы вы, давшие клятву в справедливом суде, будучи введены в обман лживым рабом, оказались клятвопреступниками. Я сам, произнеся суждение наобум, попрал бы свое уважение к богам и погрешил бы против моей совести. Итак, узнайте от меня, как было дело.

9. Не так давно этот мерзавец пришел ко мне, чтобы купить сильно действующего яду и предлагал мне плату в сто золотых; объяснял он, что яд нужен для какого то больного неизлечимую болезнью, который хочет избавиться от мучительного существования. Болтовня этого негодяя и неловкое объяснение внушили мне подозрения, что замышляется какое то преступление, и я дать то отраву дал, но, предвидя в будущем возможность допроса, предлагаемую

плату не сейчас принял, а так ему сказал: — чтобы не произошло такого случая, что в числе тех золотых, которые ты мне предлагаешь, окажутся несколько негодных или фальшивых, положи их в этот мешок и запечатай своим перстнем, а завтра мы их проверим в присутствии какогонибудь менялы. — Он согласился и запечатал деньги. Как только я увидел, что его вызвали в суд, я послал одного из своих слуг на лошади к себе домой за мешком. Теперь его принесли, и я могу представить его вашему вниманию. Пусть он его осмотрит и признает свою печать. Потому что, каким образом он может приписывать отравление брату, когда яд покупал он сам?

10. Тут на негодяя этого нападает не малый трепет, естественный цвет лица сменяется смертельной бледностью, по всему телу выступает холодный пот, то нерешительно переступает он с ноги на ногу, то в голове чешет с той и с другой стороны, сквозь зубы бормочет какие то непонятные слова, так что ни у кого не могло оставаться сомнения, что он причастен к преступлению; но скоро снова хитрость в нем заговорила, и он принялся упорно ото всего отпираться и уверять, что показания врача ложны. Тот, увидя, как попирается достоинство правосудия, да и собственная его честность всенародно пятнается, с усиленным старанием стал опровергать мерзавца, пока наконец по приказу чиновников служители, осмотрев руки негоднейшего раба и отобрав у него железный перстень, сличили его с печаткой на мешке, каковое сравнение укрепило прежнее подозрение.

Не избегал он по греческим обычаям ни колеса, ни дыбы, но, вооружившись небывалой наглостью, выдержал все удары, даже мучения огнем, ни в чем не признавшись.

11. Тогда врач промолвил:—клянусь Геркулесом, я не допущу, чтобы вопреки божеским установлениям вы подвергли наказанию этого неповинного ни в чем юношу, как и того, чтобы мерзавец, издевавшийся над нашим судопроизводством, избегнул кары за преступное убийство. Сейчас я очевидное доказательство представлю вам по поводу настоящего дела. Когда этот негодяй старался купить у меня смертельного яда, я считал, что несовместимо с правилами моей профессии причинять кому бы то ни было гибель или смерть, так как меня учили, что медицина предназначена для спасения людей, но боясь, в случае если я не соглашусь исполнить его просьбу, как бы несвоевременным этим отказом я не открыл путь преступлению, как бы кто другой не продал ему отравы, или не прибег бы он к мечу или другому оружию для довершения задуманного злодеяния, дать то я дал ему снадобья, но снотворного, мандрагору, знаменитую своими наркотическими свойствами и причиняющую глубокий сон, подобный смерти. Нет ничего удивительного, что доведенный до отчаянья разбойник этот выдерживает пытки, которые представляются ему более легкими, чем казнь, которую по обычаю предков он заслуживает. Если мальчик выпил напиток, сделанный моими руками, он жив, отдыхает, покоится и скоро, стряхнув томное одупенение, вернется к свету белому. Если же он погиб и унесен

смертью, причины гибели его вам следует искать в другом месте.

12. Всем угодна была речь старца, и весь народ с великой поспешностью двинулся к усыпальнице, где положено было тело отрока; не было ни одного человека из судейских, ни одного из сановных, ни одного даже из простолюдинов, кто с любопытством не направился бы к данному месту. Вот отец собственноручно открывает крышку гроба как раз в ту минуту, когда сын, страхнув с себя смертельное оцепенение, возвращается из царства смерти, обнимает его крепко и, не находя слов, достойных такой радости, выводит его к народу. Как был отрок еще увит и обмотан погребальными пеленами, так и несут его в судилище. Преступление негодного раба и еще худшей женщины было ясно изобличено, истина во всей наготе своей предстала, и мачеха была осуждена на вечное изгнание, а раб на распятие. Деньги же были единогласно присуждены доброму врачу, как плата за столь уместное снотворное снадобье. Так божий промысел привел к достойному концу историю, заслуживающую известности и рассказа, этого старца, который в короткий промежуток времени, в краткую минуту подвергался опасности остаться бездетным и неожиданно оказался отцом двух юношей *.

13. А я меж тем испытывал следующие превратности судьбы. Создат тот, что у никакого продавца меня купил и без всякой платы присвоил, по приказу своего начальника, исполняя долг службы, должен был отвезти письма к важной персоне в Рим и продал меня за одиннадцать

денариев неким двум братьям, находившимся в рабстве у очень богатого господина. Один из них был кондитером, готовившим пирожки и сладкие печенья; другой поваром, тушившим на пару разные соусы и рагу. Жили они вместе, вели общее хозяйство, а меня предназначали для перевозки посуды, которая для различных надобностей сопровождала всегда их хозяина в его многочисленных и частых путешествиях. Так что я вступил как бы третьим сожителем к этим двум братьям, и никогда до сих пор мне не было такого привольного житья. Хозяева мои имели обыкновение каждый вечер приносить в свою каморку всякие остатки после роскошных и богатых пиршеств; один приносил свинину, кур, рыб и всякого рода тушеного в большом количестве, а другой—пирожков, пирожного, хвороста, печенья и всяких сладостей на меду. Они, заперев свое помещение, отправлялись в бани возобновить свои силы, а я досыта наедался с неба свалившимися кушаньями, потому что я был не так уж глуп и не такой осел на самом деле, чтобы, оставив эти лакомства, ужинать колючим сеном.

14. Довольно долго эти воровские проделки мне отлично удавались, так как я брал довольно робко и притом незначительную часть из многочисленных запасов, да и хозяева никак не могли заподозрить осла в таких поступках. Но, надеясь на полную безопасность, я принялся увеличивать свою порцию и выбирать самые лакомые куски, так что у братьев проснулось подозрение, и хотя мне они и не приписывали ничего такого, но старались выследить виновника ежедневных пропаж.

Наконец они стали в душе обвинять один другого в гнусном воровстве, усилили слезку, удвоили бдительность и даже пересчитывали каждый свою часть. Наконец один из них перестал стесняться и говорит другому:

— С твоей стороны очень это справедливо и человеколюбиво так поступать: лучшие части каждый день повыбрать и продавать их тихонько себе в прибыль, а потом требовать, чтобы остаток поровну делили. Если тебе не нравится вести общее хозяйство, можно в этом пункте разделиться, а в остальном сохранять братские отношения. Потому что, как посмотрю я, если мы долго так будем дуться друг на друга из за кражи, то можем и совсем поссориться.

Другой отвечает: — клянусь Геркулесом, мне нравится такая наглость: ты у меня перехватил эти жалобы на ежедневные покражи; я молчал столько времени, потому что мне стыдно было обвинять родного брата в мелком воровстве. Отлично, оба мы высказались, теперь нужно искать, как помочь беде, если мы не хотим повторять историю вражды фиванских братьев*.

15. Обменявшись обоюдными упреками, они клятвенно заявили, что не совершали никакого обмана, никакой кражи и решили соединенными усилиями открыть виновника преступления; казалось невозможным, чтобы осел, единственно который находился налицо, мог питаться такими кушаньями, которые ежедневно не переставали пропадать, или чтобы в комнату залетали мухи, величиною с гарпий, похищавших некогда яства Финея.

Меж тем, питаюсь щедрой трапезой и досыта насыщаюсь человеческими кушаньями, я достиг того, что тело мое раздобрело, кожа от жира стала мягкой, шерсть приобрела гладкость и блеск. Но это улучшение моей внешности со-служило мне плохую службу. Обратив внимание на непривычную ширину моей спины и замеча-чая между тем, что сено каждый день остается нетронутым, они принялись неусыпно за мною следить. В обычное время они заперли двери и сделали вид, что идут в бани, сами же, про-делав небольшое отверстие, стали наблюдать и, увидя, как я набросился на стоявшие повсюду кушанья, забыв о своих убытках, в удивлении от ослиного чревоугодия, разразились громким смехом. Зовут одного, другого, наконец, собрали целую толпу товарищей полюбоваться диковин-ным и чудовищным прожорством несмыслен-ного вьючного скота. Такой на всех напал силь-ный хохот, что он достиг даже ушей проходив-шего невдалеке хозяина.

16. Заинтересовавшись, о чем это смеется челядь, и узнав, в чем дело, он и сам, посмотрев в ту же дырку, получил не малое удовольствие; он хохотал до того, что у него нутро заболело, и, открывши дверь, вошел в комнату, чтобы по-ближе посмотреть. По некоторым признакам мне казалось, что судьба собирается быть ко мне благосклоннее, веселое настроение окружающих внушало мне доверие, и я, нисколько не сму-тившись, преспокойно продолжал есть, пока хо-зяин, развеселившись от такого небывалого зре-лища, не отдал приказа вести меня в дом, даже собственноручно ввел меня в столовую и велел

подать мне целый ряд жарких и нетронутых еще блюд. Хоть я уже порядочно подзакусил, но, желая заслужить его внимание и расположение, я с жадностью набрасываюсь на поданные кушанья. Тогда придумывают, что бы подать, чего есть ослу наименее свойственно, и для испытания, насколько я ручной и вышколенный, предлагают мне мяса с пряностями, наперченную дичь, изысканно приготовленную рыбу. По всей зале раздается веселый смех. Наконец какой то шутник кричит:—дай же сотрапезнику выпить чегонибудь!

Хозяин поддерживает:—шутка не так глупа, мошенник. Очень може статья, что гость наш не откажется осушить чашу с подслащенным вином. — Затем: — эй, малый! — продолжает, — вымой хорошенько этот золотой бокал, наполни его сладким вином и поднеси моему нахлебнику; да кстати передай, что я первым выпил за его здоровье.

Ожидание сотрапезников дошло до крайнего напряжения. Я же, несколько не испугавшись, беспечно и довольно весело подобрал нижнюю губу, наподобие языка, и за один дух осушил огромную чашу. Все в один голос закричали и принялись желать мне «доброе здоровья».

17. Хозяин остался очень доволен, позвал своих рабов, которые меня купили и, заплатив им вчетверо, поручил тщательный уход за мною любимому своему вольноотпущеннику, человеку довольно богатому. Тот кормил меня обильной и свойственной людям пищей и, чтобы угодить хозяину, научил меня ему на развлечение разным штукам*. Прежде всего—лежать за столом,

опершись на ногу, как на локоть, затем бороться и даже танцевать, встав на задние лапы, наконец, что было всего удивительнее, отвечать на вопросы, наклоня голову вперед в случае моего желания, откидывая ее назад в противном случае; если же мне хотелось пить, я подмигивал глазами в сторону виночерпия. Конечно научиться всему этому мне было нетрудно, даже если бы никто мне не показывал. Но я боялся, как бы в случае, если бы я без учителя усвоил себе человеческие повадки, меня не сочли за дурное предзнаменование и в качестве чудовищной игры природы не изрубили в куски и не выбросили на жирную добычу хищным птицам. Поднялась уже молва, что мои удивительные способности приносят честь и славу моему хозяину, обладавшему ослом, который разделяет с ним трапезу, умеет бороться, танцевать, понимать человеческую речь и выражать свои чувства знаками.

18. Но прежде всего следует вам сообщить хоть теперь, что я должен был бы сказать вначале, кто был мой хозяин и откуда родом. Звали моего хозяина Тиазом, и род свой он вел из Коринфа, столицы всей Ахайской провинции; соответственно своему происхождению и достоинству он переходил от должности к должности и наконец облечен был магистратурой на пятилетие, и для достойного принятия столь блестящей должности обирался устроить трехдневные гладиаторские игры, соответствующие его щедрости. Заботясь о своей славе и популярности, он отправился в Фессалию закупить первосортных животных и известных глади-

торов, и теперь, выбравши все по своему вкусу и расплатившись, собирался в обратный путь. Он не воспользовался роскошными колесницами, пренебрег достойными его повозками, которые везлись частью открытыми, частью покрытыми в самом конце обоза, не захотел он даже ехать верхом на фессалийских лошадях или галльских жеребцах, порода которых стоит в высокой цене, а, украсив меня золотой сбруей, цветным чепраком, поповой пурпуровой, уздечкой серебряной, подпругой вышитой и звонкими бубенчиками, сел на меня, приговаривая любезнейшим образом, что больше всего доставляет ему удовольствия то обстоятельство, что я могу и везти его и трапезу с ним разделять.

19. Когда, совершив путь то сушей, то морем, прибыли мы в Коринф, начали стекаться большие толпы граждан не столько, как мне казалось, для того, чтобы оказать почтение Тиазу, сколько из желания посмотреть на меня. Ибо вплоть до сих мест такая обо мне распространилась молва, что я оказался для своего надсмотрщика источником не малого дохода. Как только он заметит, что множество людей с особой охотой любят на мои штучки, сейчас же двери на запор и впускал их поодиночке за плату, ежедневно загребая хорошенькую сумму.

Случилось, что в толпе любопытных находилась некая знатная и богатая дама. Заплатив, как и прочие, за просмотр и налюбовавшись на всевозможные мои проказы, она постепенно от изумления перешла к необыкновенному вождению и, как ослиная Пасифая, исцеления своему недугу безумному нигде не чаяла, кроме как

в моих объятиях. За крупное вознаграждение она сговорилась с моим сторожем провести со мной ночь; тот, нисколько не заботясь, что хорошего может из этого выйти, радуясь только барышу, согласился.

20. Отобедавши, мы перешли из хозяйской столовой в мое помещение, где застали уже ожидавшуюся меня даму. Боги, как чудны, как прекрасны были приготовления! Четверо евнухов для нашего ложа по полу расстилали множество небольших пышно взбитых пуховиков из мягких перьев, вместо одеяла растянуто было покрывало золотое, разукрашенное тирским пурпуром, поверх его набросаны были маленькие, но в огромном количестве думки, те, что неженки дамы любят подкладывать себе под щеку и под затылок. Не желая промедлением своего пребывания задерживать наслаждение госпожи, они заперли двери в спальню и удалились. Внутри же ясный свет блестящих свечей разгонял для нас темный мрак ночи.

21. Тогда она, совлекшись всех одежд, распустив даже ленту, что поддерживала прекрасные ее груди, стала к свету и из оловянной баночки стала натираться благовонным маслом, потом и меня оттуда же щедро умастила по всем местам, даже ноздри мои натерла. Тут крепко меня поцеловала, не так, как в публичном доме обычно целует корыстная девка скупого гостя, но от чистой души, сладко приговаривая:— люблю, хочу, один ты мил мне, без тебя жить не могу, и прочее, чем женщины выражают свои чувства и в других возбуждают страсть. Затем, взяв меня за повод, заставляет лечь без

труда, как я уже был приучен; я охотно подчинился, не думая, что мне придется делать что либо трудное или непривычное, тем более при встрече, после столь долгого воздержания, с такой красивой женщиной; к тому же количество выпитого чудеснейшего вина мне ударило в голову и возбуждала сладострастие пламенная мазь.

22. Но на меня напал не малый страх при мысли, каким образом с такими огромными и грубыми ножищами я могу взобраться на нежную даму, как заключу своими копытами в объятия столь белоснежное и деликатное тело, сотворенное как бы из молока и меда, как маленькие губки, розовеющие душистой росой, буду целовать я огромным ртом с безобразными, как камни, зубами, и, наконец, каким манером женщина, как бы ни сжигало до мозга костей ее любострастие, может принять детородный орган таких размеров; горе мне! придется, видно, за увечье, причиненное благородной гражданке, быть мне отданным на растерзание диким зверям и таким образом участвовать в празднике моего хозяина. Меж тем она снова осыпает меня ласкательными именами, беспрерывно целует, нежно щебечет, вода пламенными глазами, и заключает все восклицанием:—держу тебя, держу тебя, мой голубенок, мой воробышек.—И с этими словами доказывает мне на деле, как несостоятельны были мои рассуждения и страх нелеп. Тесно прижавшись ко мне, она всего меня, всего без остатка принимает. И даже когда, щадя ее, я отстранялся слегка, она в неистовом порыве сама ко мне приближалась и, обхватив

мою спину, теснее сплеталась, так что, клянусь Геркулесом, мне начало казаться, что у меня чего то нехватает для удовлетворения ее страсти, и мне стало понятным, что не зря сходилась с мычащим любовником мать Минотавра. Так всю ночь без сна провели мы в трудах, а на рассвете, избегая света зари, удалилась женщина, сговорившись по такой же цене о второй ночи *.

23. Воспитатель мой ничего не имел против ее стремления к этим любострастным занятиям, отчасти получая с них большой барыш, отчасти желая приготовить своему хозяину новое зрелище. Незамедлительно открывает он ему все перипетии нашей страсти. А тот, щедро наградив вольноотпущенника, предназначает меня для публичного представления. Но так как достоинство моей знатной супруги не позволяло ей принимать в нем участие, а другой ни за какие деньги найти нельзя было, отыскивали какую то жалкую преступницу, осужденную на съедение зверям, которая пред всей публикой и должна была со мной сойтись. Я узнал, что проступок ее заключался в следующем:

Был у нее муж, отец которого, отправляясь в путешествие и оставляя жену свою, мать этого молодого человека, беременной, поручил ей в случае если она разрешится ребенком женского пола, приплод этот уничтожить. Когда, в отсутствие мужа, она родила девочку, движимая естественною материнскою жалостью, она преступила мужнин наказ и отдала ребенка соседям на воспитание; когда же муж вернулся, она сообщила ему, что новорожденная дочь убита. Но вот девушка достигает возраста, когда

нужно ее выдавать замуж, тогда мать, зная, что ничего незнающий муж не может дать приданого, которое соответствовало бы их происхождению, ничего другого не находит, как открыть эту тайну своему сыну. К тому же она сильно опасалась, как бы, исполненный юношеского жара, при обоюдном неведении, не стал бы он бегать за собственной сестрой. Юноша, как примерный, почтительный сын, свято исполнил и долг повиновения матери и обязанности брата по отношению к сестре. Ни словом не выдавая семейной тайны, делая вид, что одушевлен лишь обыкновенным милосердием, он выполнил необходимый долг к своей сестре, приняв под свой кров и свою защиту горькую соседнюю сиротку и в скором времени выдал ее замуж за своего ближайшего и любимого друга, наделив щедрым приданым из собственных средств.

24. Но все это прекрасное и превосходное устройство, совершенное с полной богобоязненностью, не укрылось от зловещей воли судьбы, по наущению которой вскоре в дом молодого человека вошел дикий Раздор. Через некоторое время жена его, та, что теперь приговорена к съедению дикими зверями, начала девушку, как свою соперницу и мужнину наложницу, сначала подозревать, потом притеснять и наконец к жестоким смертельным козням готовить. Такое задумала злодейство.

Ставив у мужа перстень и уехав за город, она послала некоего раба, верного себе слугу, уж в силу верности своей готового на все худшее, чтобы он известил молодую женщину, будто молодой человек, уехав в усадьбу, зовет ее

к себе, прибавив, что пусть она приходит без всяких спутников как можно скорее. И чтобы не произошло какой нибудь проволочки в приходе, передала перстень, похищенный у мужа, для подтверждения слов. Та, послушная наказу брата—одной ей было известно, что это имя единственная связь между ними,—и признав его знак, который ей был показан, старательно пускается в путь, согласно приказу, без всяких сопутствующих. Но попавшись в ловушку последнего обмана, достигла она сетей коварства; тут почтенная наша супруга, охваченная ревнивым бешенством, прежде всего обнажает мужнину сестру и зверски ее бичует, затем, когда та, узнав, в чем дело, с воплем и с негодованием отвергает обвинение в прелюбодеянии, зовет на помощь брата, уверяя, что все это живая клевета, — золовка схватывает горячую головню и, всунув ее несчастной в женские органы, мучительной предает смерти.

25. Узнав от вестников о горькой смерти, прибегают брат и муж умершей и, оплакав ее с рыданием, тело молодой женщины предают погребению. Но молодой человек не мог перенести такой жалкой и незаслуженной смерти своей сестры; до мозга костей потрясенный горем, он заболевает разлитием желчи, горит в жестокой лихорадке, так что самому ему требуется медицинская помощь. Супруга же его, которая по справедливости давно уже утратила право на это название, сговаривается с неким доктором, известным своим предательством, который уже не мало борцов одолел и мог бы составить длинный список своих жертв, и сулит

ему сразу пятьдесят тысяч сестерций с тем, чтобы он продал ей какогонибудь быстродействующего яда, сама покупая смерть для своего мужа. Столковавшись, делают вид, что готовят известное питье для облегчения груди и усмирения желчи, которое у докторов носит название «священное», но вместо него подсовывают такое, что священным могло бы называться разве потому, что умножает подданных Прозерпины. Уже семейные собрались, некоторые из друзей и близких, и врач, тщательно размешав снадобье, протягивает чашу больному.

26. Но наглая эта женщина, желая и от свидетеля своего преступления освободиться и обещанные деньги удержать при себе, видя чашу уже протянутой, говорит: не прежде, почтеннейший доктор, не прежде дашь ты дражайшему моему мужу это питье, чем сам отопьешь достаточную часть его. Почем я знаю: может быть, там подмешана какаянибудь отравка? Такого мудрого и ученого мужа не может оскорбить, что я, как любящая жена, в заботах о спасении супруга прибегаю к необходимым предосторожностям.

Смущенный внезапно такой беззастенчивостью этой бесчеловечной женщины, врач, потеряв всякое соображение и лишенный от недостатка времени возможности обдумать свои действия, боясь, что малейшая дрожь или колебание вселят подозрение, делает большой глоток из чаши. Уверившись в безопасности, молодой человек допивает поднесенное ему питье. Видя, какой оборот принимает дело, врач как можно скорей хочет уйти домой, чтобы поспеть принять ка-

кого нибудь противоядия против принятой отравы. Но бесчеловечная женщина, упрямая до преступности в раз начатом, ни на шаг его от себя не отпускала, — пока не увидим, — говорит, — мы действия этого снадобья. — Насилу уж, когда он надоел ей мольбами и просьбами, согласилась она его отпустить. Меж тем тайная гибель, паля все внутренности, проникала в самую глубину; совсем больной и уже одолеваемый тяжелой сонливостью еле добрал он до дому. Едва поспел он обо всем рассказать жене, поручив, чтобы, по крайней мере, плату, обещанную за эту двойную смерть, она вытребовала, и в жестоких страданиях испустил дух славный доктор.

27. Молодой человек тоже оставался в живых не дольше и, сопровождаемый притворным и лживым плачем жены, умирает с теми же симптомами. После его похорон, выждав несколько дней, необходимых для исполнения заупокойных обрядов, является жена доктора и требует платы за двойное убийство. Женщина остается себе верной, попирая все законы честности и сохраняя видимость ее; она отвечает с большою ласковостью, дает большие и щедрые обещания, уверяет, что немедленно выплатит условленную сумму, добавляя, что ей хотелось бы получить еще немножечко этого питья, чтобы закончить начатое дело. К чему распространяться? Жена доктора, вдавшись в коварные сети, быстро соглашается и, желая угодить знатной и богатой дамѣ, поспешно отправляется домой и вскоре вручает женщине всю шкатулочку с ядом. Она же, получив материал, замыслила простереть кровавые руки на более широкие преступления.

28. От так недавно убитого ею мужа была у нее маленькая дочка. Трудно было ей переносить, что, по законам, известная часть мужниного состояния переходит к младенцу, и, покушаясь на ее долю в наследстве, она решила посягнуть и на ее жизнь. Будучи осведомлена, что после смерти детей им наследуют преступные матери, эта такая же достойная родительница, какой достойной выказала себя супругой, устраивает завтрак, на который приглашает жену доктора и эту последнюю вместе с дочкой одной и той же отравой губит. С малюткой, у которой и дыхание было слабее и внутренности нежные и неокрепшие, смертельный яд быстро справляется, но докторова жена, как только почувствовала, что по ее легким кругами распространяется мучительное действие рокового напитка, сразу поняла, в чем дело, тем более, что прерывистое дыханье яснее ясного подтвердило ее подозрение; она направилась к дому самого градоправителя, и, подтверждая слова свои страшными клятвами при волнении сбежавшегося народа, обещая разоблачить ужасное преступление, она достигла того, что получила сейчас же доступ и в дом и к самому градоправителю. Не успела она подробно рассказать о всех жестокостях бесчеловечной женщины, как в глазах у нее потемнело, полуоткрытые губы сомкнулись, издали продолжительный скрежет зубы, и она рухнула бездыханной к самым ногам градоправителя. Муж этот, хотя и видал виды, но не мог допустить ни малейшей проволоочки в наказании столь многочисленных злодеяний ядоносной этой ехидны, неза-

медлительно арестовав прислужниц этой женщины, он пытками вырывает у них признание, и она приговаривается быть брошенной на съедение диким зверям, не потому, чтобы это достаточным представлялось наказанием, а потому, что другой, более достойной ее проступкам, кары он не в силах был выдумать.

29. Будучи обречен публично сочетаться законным браком с подобной женщиной, я с немалой тревогой ожидал открытия праздника, не раз испытывая желанье лучше наложить на себя руки, чем запятнаться прикосновением к такой преступнице и быть выставленным на позор пред всем народом. Но, лишенный человеческих рук, лишенный пальцев, круглыми культияпками своих копыт не мог я обнажить меч. В пучине бедствий еще светила мне маленькая надежда, что теперь весна в самом начале, все покрывается цветными бутонами, луг одевается в пурпурную одежду и, пробив стебель шипами, скоро распространяют благовоние розы, которые могут обратить меня в прежнего Лудия.

Вот и наступил день назначенный для открытия игр; меня ведут с большой помпой среди благожелательной толпы, следовавшей за нами, до самого цирка. Меня поставили у входа, пока не кончится первый номер программы, заключающийся в хоровой пляске, и я с аппетитом рвал веселую травку, росшую под самыми ногами, то и дело бросая любопытные взоры в открытую дверь и наслаждаясь приятнейшим зрелищем.

Юноши и девушки, блистая первым цветом молодости, прекрасные по внешности, в нарядных костюмах, с жестами двигались взад и вперед,

исполняя греческий пиррический танец; то прекрасными хороводами сметались они в полные круга, то сходились извилистой лентой, то квадратом соединялись, то рядами врозь рассыпались, пока звук трубы не известил о конце; они во все стороны разбежались, поднялся центральный занавес, убраны были боковые, и сцена была приготовлена для следующего номера*.

30. На сцене высоким искусством художника сооружена была деревянная гора, наподобие знаменитой той горы, что веший Гомер воспел под именем Идейской; усажена она была живыми зелеными деревьями, источник, сделанный на самой вершине руками строителя, ручьями стекал по склонам, несколько коз щипали травку, и юноша в прекрасной рубашке, поверх которой струились складки азиатского плаща, с золотой тиарой на голове изображал, что он присматривает за стадом вроде Париса, фригийского пастыря. Является благообразный отрок, на котором, кроме хламиды эфебов на левом плече, другой одежды нет, золотистые волосы всем на загляденье, и сквозь кудри пробиваются у него два маленьких парных золотых крыла; кадуцей указывает на то, что это Меркурий. Он приближается, танцуя, протягивает к тому, что изображает Париса, золотое яблоко, что он держал в правой руке, знаками передает волю Юпитера и, изящно повернувшись, исчезает из глаз. Вслед за ним появляется девушка благородной внешности, подобная богине Юноне, и голову ее окружает светлая диадема, и скипетр она держит. Быстро входит и другая, которую можно принять за Минерву, на голове блестя-

щий шлем, сам шлем обвит оливковым венком, щит несет и копьем потрясает; вся такова — будто сейчас на бой.

31. Вслед за ними выступает другая, блистая красотой, божественным цветом лица указуя, что она Венера, такая Венера, какой она была еще девственной, являя совершенную прелесть тела обнаженного, непокрытого, если не считать легкой шелковой материи, скрывавшей восхитительный лобок. Да и этот лоскуток нескромный ветер, любовно резвяся, то приподымал, так что виден был раздвоенный цветок юности, то, дуя сильнее, плотно прижимал материю, отчетливо обрисовывая сладостные формы. Самые краски в богине были различны; тело белое, словно с неба спускается, покрывало лазурное, словно в море возвращается. За каждой девой, чтобы яснее было видно, что они богини, идет своя свита: за Юноной Кастор и Поллукс, головы которых покрыты были яйцевидными касками, наверху украшенными звездами. Но близнецы эти тоже были молодыми актерами. Перед нею шла девушка, играя на флейте в ионийском ладу различные мелодии. Богиня приблизилась степенно и тихо и благородными жестами дала понять пастуху, что если он ей присудит награду за благолепие, ему будет присуждено владычество над всей Азией. Та же, которую воинственный наряд выдавал за Минерву, имела двух отроков, оруженосцев войнолюбивой богини, Страх и Ужас, грозящих обнаженными мечами. За нею следом флейтист исполнял дорийский боевой напев, и низкое ворчанье звуков, смешиваясь со свистом высоких нот, возбуждало

желание к проворной пляске. Беспokoйно помахивая главою, с грозным взглядом, она резкими и широкими жестами показала Парису, что если она одержит победу в состязании, он с ее помощью делается героем и знаменитым завоевателем.

32. А Венера, сопровождаемая восторженными криками толпы, окруженная роем резвящихся малюток, сладко улыбаясь, остановилась в прелестной позе по самой середине сцены: подумал бы, что и в самом деле эти кругленькие и молочные мальчуганы-купидоны только что появились с неба или из моря: и крылышками, и стрелками, и прочим видом они точь в точь их напоминали; в руках у них ярко горели факелы, словно они своей госпоже освещали дорогу на какойнибудь свадебный пир. Стекается тут вереница прекрасных девушек, тут Грации грациознейшие, там Оры красивейшие бросают цветы и гирлянды, в угоду богине своей сплетают хоровод милый, госпожу услад чувствуя весны первинами. Уже флейты многоствольные нежно звучат лидийским напевом. Сладко растрогались от них сердца зрителей, но вот Венера, вдвойне сладчайшая, тихо начинает двигаться, медленно шаг задерживает, медлительно спиной поводит и мало по малу покачивая головою, мягким звукам флейты вторить начинает изящными жестами и двигать глазами то томно полузакрытыми, то страстно открытыми, так что временами одни глаза продолжали танец. Как только она очутилась перед лицом судьбы, движением рук она, повидимому, обещала, что, если Парис ей отдаст преимущество перед ее

соперницами, то он в жены получит женщину, подобную ей по красоте. Тогда фригийский юноша от всего сердца золотое яблоко, что держал в руках, как знак победы, передает богине.

33. Чего же вы дивитесь, безмозглые головы, вы, судейские крючкотворы, вы, чиновные коршуны, что теперь все судьи произносят за деньги продажные решения, когда в начале мира в деле, возникшем между людьми и богами, замешана была приязнь и посредник, выбранный по советам великого Юпитера, человек деревенский, пастух, прельстившись на наслаждение, произнес пристрастное решение, обрекая вместе с тем весь свой род на гибель? Ну, а другое, Геркулесом клянусь, пресловутое решение избранных ахейских вождей, тогда ли, когда они по лживым наветам обвинили в измене мудрейшего и умнейшего Паламеда, или когда в вопросе о воинской доблести величайшему Аяксу предпочли посредственного Улисса? Что же из себя представляет то решение, произнесенное у законолюбивых афинян, людей тонких, наставников всяческого знания? Разве старец божественной мудрости, которого сам дельфийский бог провозгласил мудрейшим из смертных, не был по наветам и зависти негоднейшей шайки обвинен, как развратитель юношества, которое он удерживал от излишеств? Разве не был он погублен смертельным соком ядовитой травы, оставив несмываемое позорное пятно на своих согражданах, лучшие философы среди которых теперь приняли его святейшее учение и в своем стремлении к высшему блаженству иначе не кля-

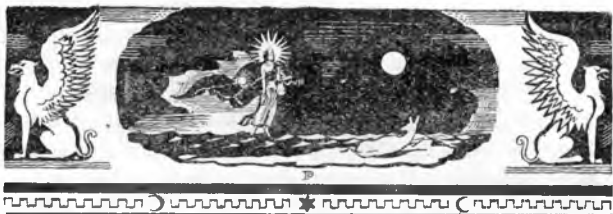
нутся, как его именем? Но чтобы ктонибудь не упрекнул меня за порыв негодования, подумав: вот теперь еще ослиные рассуждения должны мы выслушивать, — вернусь к тому месту рассказа, на котором мы остановились.

34. После того, как окончился суд Париса, Юнона с Минервой в печали и гнѣве уходят со сцены, выражая жѣстами негодование за то, что их отвергли, Венера же, веселясь, радость свою изображает пляской со всем хороводом. Тут через какую то потаенную трубку с самой вершины горы низвергается винный поток, смешанный с шафраном, и, широко разлившись, орошает благовонным дождем пасущихся коз, покуда, окропив их, не превращает естественный цвет их шерсти в темно-оранжевый. Когда весь театр наполнился сладким ароматом, деревянная гора провалилась сквозь землю.

Но вот какой то солдат выбегает на середину и требует от имени публики, чтобы привели из городской тюрьмы женщину, за многие преступления осужденную на съедение зверям и предназначенную к славному со мною бракосочетанию. Начали уже тщательно готовить брачное для нас ложе, индийской черепахой блистающее, мягкими пуховиками приглашающее, шелковыми одеялами расцветающее. Я же не только мучился от стыда при всех совершить совокупление, не только противно мне было прикасаться к этой запятнанной и преступной женщине, но и страх смерти меня сильно одолевал, как вдруг во время наших любовных объятий выпущен будет какойнибудь зверь из тех, на съедение которым осуждена эта преступница; ведь, рас-

суждал я, нельзя предположить, что зверь будет так от природы сообразителен, или так вымуштрован, или отличался такою воздержанностью в еде, чтобы растерзать лежавшую рядом со мною женщину, а меня самого, якобы неосужденного и невиновного, оставить нетронутым.

35. Заботился я уже не столько о своей стыдливости, сколько о спасении жизни. Между тем надсмотрщик мой принял участие в надлежащем сооружении ложа, прочая челядь отчасти занялась приготовлением к охоте, отчасти глазела на увлекательное зрелище, мне была предоставлена полная свобода для размышления, тем более, что никому и в голову не приходило, что за таким ручным ослом требуется особый присмотр. Тогда я осторожно крадусь к ближайшей двери, достигнув которой, пускаюсь во весь опор и, так промчавшись целых шесть миль, достигаю Кенхрея, который считается одной из лучших коринфских колоний и омывается Эгейским и Сароническим морями. Гавань его, одно из спокойнейших пристанищ для кораблей, весьма посещаемая. Но я избегаю многолюдства и, выбрав уединенное место на берегу у самых волн, усталое тело для отдохновения простираю на мягкий песок. Колесница солнца уже последнюю часть своего пути совершила, и вечерняя тишина спокойный сон мне испослала.

КНИГА ОДИННАДЦАТАЯ

ОЧТИ около первой ночной стражи пробужденный внезапным трепетом, вижу я необыкновенно сияющий полный диск блестящей луны, как раз возникающий из морских волн. Видя вокруг себя немую тайну глубокой ночи, зная, что высокое владычество верховной богини простирается на все человеческие дела и даже может руководить провиденьем, что божественное мановение ее света и святости движет не только домашних и диких зверей, но даже и бездушные предметы, что все тела на земле, на небе, на море сообразно ее возрастанию возрастают, согласно ее ущербанию ущербают, замечая, что и моя судьба, насытившись столькими тяжкими несчастиями, дает мне надежду хотя бы и на запоздалое спасение,—решил я обратиться с молитвой к величественному образу божеского присутствия. Сбросив с себя ленивое одеревенение, я весело вскакиваю и, желая раньше подвергнуться очищению, седмизды погружаю свою голову в морскую влагу, так как число это еще божественным Пифаго-

ром признано было наиболее подходящим для религиозных обрядов. Затем, обратив к богине могущественной орошенное слезами лицо, так начинаю:

2. Владычица небес,—будь ты Церера, благодатная мать злаков, что на радостях от обретенья дочери, упразднив звериное питание древними желудями, установив более мягкую пищу, теперь елевсинскую землю обитаешь,—будь ты Венера небесная, что рождением Амура первобытную вражду полов примирила и, навеки произведя продолжение рода человеческого, в священном Пафосе, морем омываемом, почет получаешь,—будь сестрою Феба, что на благотельную помощь приходишь во время родов, и стольких народов взрастившая в преславном Эфесском святилище чтишься,—будь Прозерпина, ночным лаем страшная, что триликим образом своим набег привидений смиряешь и, властвуя над подземной обителью, по различным рощам бродишь, разные поклоненья принимая, слабым светом освещающая наши стены и влажными лучами питающая веселые посевы и во время отсутствия солнца распределяющая нам неровный свой свет,—как бы ты ни именовалась, каким бы обрядом, под каким бы ликом ни надлежало чтить тебя,—в последних невзгодах ныне приди ко мне на помощь, судьбу шатающуюся поддержи, прекрати жестокие беды, пошли мне отдохновение и покой; достаточно было страданий, достаточно было скитаний! Совлеки с меня четвероногого животного дикий образ, верни меня лицезрению близких, к моему возврати меня Лудию! Если же гонит меня умолимой жестокостью какое нибудь божество,

оскорбленное мною, пусть мне хоть смерть дана будет, если жить не дано.

3. Излившись таким образом в молитве с присовокуплением жалостных воплей, снова опускаюсь я на прежнее место и утомленную душу мою обнимает сон. Но не успел я окончательно сомкнуть глаза, как вдруг из середины моря появляется божественный образ, способный внушить уважение самим небожителям. Затем мало по малу из пучины морской лучезарное изображение и всего туловища предстало моим взорам. Попытаюсь передать и вам дивное это явление, если позволит мне рассказать бедность слов человеческих, или если само божество ниспошлет мне дар живописать богатое это роскошество.

Прежде всего густые длинные волосы, незаметно на пряди разобранные, свободно и мягко рассыпались за божественной шеей; макушку стягивали всевозможные пестрые цветы, причем как раз посередине лба круглая пластинка излучала свет, словно зеркало или само отражение луны. Слева и справа круг завершали поднявшиеся аспиды, а также хлебные колосья, вверх вытянутые. Тело ее облекал многоцветный виссон, то белизной сверкающий, то оранжевым, как цвет шафрана, то пылающий, как алая роза. Но что больше всего поразило мне зрение, так это чернейший еще плащ, отливавший темным блеском. Обвившись вокруг тела и переходя на спине с правого бедра на левое плечо, как римские тоги, он свешивался густыми складками, по краям обшитыми бахромою.

По краям в виде фона вытканы были блистающие звезды, а посреди них полная луна

излучала пламенное сияние. Там же, где ниспадало широкими волнами дивное это покрывало, была вышита неразрывная гирлянда из всевозможных цветов и плодов. И атрибуты были у нее один с другим несхожие. В правой руке держала она медный систр, выгнутая наподобие подпруги основа которого пересекалась посередине небольшими палочками, и они при тройном встряхиваньи издавали пронзительный звук. На левой же руке повешена была золотая лодочка, на ручках которой с лицевой стороны змей подымал голову, с непомерно вздутой шеей. Блаженные ноги обуты в сандалии, сделанные из победных пальмовых листьев. В таком то виде, в таком убранстве, дыша ароматами Аравии счастливой, удостоила она меня следующих слов:

5. Вот предстаю я тебе, Луций, твоими тронутая мольбами, родительница вещей природных, госпожа всех элементов, превечное довременное порождение, верховная среди божеств, владычица душ усопших, первая среди небожителей, единый образ всех богов и богинь, мановению которой подвластны свод лазурный неба, моря делительное дуновение, оплаканное безмолвие преисподней. Единая сущность моя под многообразными видами, различными обрядами, под разными именами чтится вселенной. Там фригийские перворожденные зовут меня Пессинунтской матерью богов, тут аттические прирожденные насельцы Минервой кекропической, здесь приморские кипряне Пафийской Венерой, критские стрелки Дианой Диктинской, троязычные сицилийцы Стигийской Прозерпиной, елевсинцы Церерой древней богиней, одни Юноной, другие Белло-

ной, те Гекатой, эти Рамнузией, но эфиопы, которых первые лучи восходящего солнца раньше других озаряют, арийцы и египтяне, богатые древним учением и чтущие меня соответствующими мне церемониями, зовут меня настоящим моим именем — владычицей Изидой. Предстаю я, твоим бедам сострадая, предстаю я, милостивая и скоропомощная. Прекрати плач и жалобы, отбрось тоску, по моему произволению начинается для тебя день спасения. Слушай же со всем вниманием мои наказания. День, что родится из этой ночи, день этот издавна мне посвящается. Зимние непогоды уходят, волны бурные стихают, море делается доступным для плавания, и жрецы мои, как первину водного сообщения, подносят мне лодку, еще не знавшую влаги. Обряда этого священного ожидай спокойно и благочестиво.

6. Ибо, согласно моему наставлению, главный жрец во время самого шествия будет иметь в правой руке, в которой у него сistr, венок из роз. Итак незамедлительно, раздвинув толпу, бодро присоединяйся к процессии, полагаясь на мое соизволение, и, подойдя совсем близко, осторожно, будто ты хочешь поцеловать руку у жреца, сорви розы и сбрось навсегда эту отвратительную и давно уже мне ненавистную скотскую шкуру. Не бойся трудности в исполнении моих наказов. В ту же самую минуту, что я являюсь к тебе, я, также присутствуя во время сна, делаю наставление моему жрецу относительно всего, что будет дальше. По моему повелению густая толпа расступится и даст тебе дорогу, безобразная внешность твоя ни-

кого не смутит во время веселого шествия и праздничных зрелищ, а неожиданное твое превращение не внушит никому подозрения и неприязни. Но запомни накрепко и сохрани в своем сердце, что весь остаток твоей жизни, вплоть до последнего вздоха, ты посвятишь мне. Справедливость требует, чтобы тому, чьим благодеянием возвращен человеческий образ, принадлежала и вся человеческая жизнь. Ты будешь жить счастливо под моим покровительством, ты будешь жить прославляем, и когда, совершив свой жизненный путь, сойдешь ты в ад, то и там, в этом подземном полукружии ты увидишь меня просветляющей мрак Ахеронта, царствующей над Стигийскими тайниками, и, сам обитая в полях Елисейских, часто воздавать мне, к тебе милостивой, будешь поклонение. Если же примерным послушанием, исполнением обрядов, упорным целомудрием ты угодишь нашей божественности, знай, что в моей только власти продлить твою жизнь дольше положенного срока.

7. Доведа до конца предсказание, непобедимое божество исчезло. Вместе со сном всякий страх меня покинул, и я вскочил, от радости весь покрытый потом. Не придя еще в себя от столь явного присутствия могущественной богини, я погружаюсь в морскую влагу и, чтобы не забыть великих ее наказов, возобновляю по порядку в памяти все ее наставления. Вскоре исчез туман темной ночи, выходит золотое солнце, показывается священная процессия, и все улицы наполняются ликующей толпой. Кроме внутренней радости моей мне кажется, что все вокруг как-то особенно весело. Животные всякого

рода, все дома, сам ясный день кажутся мне исполненными радости. После вчерашнего холода настала солнечная спокойная погода, певчие птички, прельщенные весенним теплом, начали сладкие концерты, прославляя мать звезд, родительницу времен года, владычицу всего мира. Даже сами деревья, и плодоносные по породе и бесплодные, довольствующиеся только тем, что дают тень, под дыханием южного ветра покрываются свежими листочками, тихо качают ветками, издавая мягкий шелест; утих шум великих бурь, улеглись вздутые волны, море спокойно набегаёт на берег, разошлись темные тучи, и небо, безоблачное и ясное, сияет лазурью.

8. Впереди процессии вот выступают ряженые, каждый прекрасно разодетый сообразно тому, кого взялся он изображать. Тот с портупеей идет за воина, этого в подобранной рубашке обуви и копье за охотника выдают, другой в позолоченных туфлях, в шелковом платье, драгоценных уборах, с прической на голове, плавной походкой подражает женщине. Дальше в поножах, каске, со щитом и мечом кто-то выступает, будто сейчас пришел с гладиаторского состязания; был и такой, что в пурпурной одежде с ликторскими связками играл роль должностного лица, и такой, что корчил из себя философа в широком плаще, башмаках, с посохом и козлиной бородой; в одном узнал бы по клейким палочкам и по силкам птицелова, в другом по удочке рыболова. Тут же и ручную медведицу в закрытых носилках несли, как почтенную даму, и обезьяна в вязаном колпаке, шафранной одежде, протягивая золотой кубок; изображала

фригийского пастуха Ганимеда; шел и осел с приклеенными крыльями рядом с дряхлым стариком, один как Беллерофон, другой как Пегас, оба возбуждая хохот.

9. Среди этих шутливых развлечений для народа, которые переходили с места на место по сторонам, двигалось и специальное шествие богини-спасительницы. Женщины, блистая чистыми покровами, радуя взгляд разнообразными уборами, украшенные весенними венками, одни путь по дороге, по которой шествовала священная процессия, усыпали из подола цветочками, у других за спинами были повешены блестящие зеркала, чтобы подвигающейся богине был виден весь священный поезд; некоторые, держа в руках гребни из слоновой кости, движением рук и пальцев сгибанием делали вид, будто расчесывают и прибирают волосы владычице; другие же благовонными маслами и дивными ароматами окропляли улицы. Кроме того большая толпа людей обоего пола с фонарями, факелами, свечами и всякого рода источниками искусственного света хотели прославить корень светил небесных. Свирели и флейты, звуча сладчайшими мелодиями, очаровательную создавали музыку. За ними миловидный хор из избраннейшей молодежи, одетый в белоснежные рубашки и блестящие праздничные одежды, повторял строфы приятной песни, которую искусный поэт, благоволением Камен, написал для пения, и смысл которой говорил уже о начале последующих, более важных богослужебных гимнов. Шли и Серапису посвященные флейтисты, держа свои инструменты наискосок по напра-

влению к правому уху и исполняя по несколько раз напевы, принятые в храме их бога. Затем множество прислужников, уговаривавших народ дать дорогу шествию.

10. Тут движется толпа посвященных в таинства, мужчины и женщины всякого положения и возраста, одетые в сверкающие льняные одежды белого цвета; у женщин умащенные волосы покрыты прозрачными покрывалами, у мужчин блестят гладко выбритые головы; земные светила великой религии, издают они пронзительный звон, потрясая медными, серебряными и даже золотыми систрами. Наконец высшие служители таинств, льняная белая одежда которых, подпоясанная у груди, узко спускалась до пят, несут знаки достоинства могущественнейших божеств. Первый нес лампу, горевшую ярким светом и нисколько не похожую на наши лампы, что зажигают на вечерних трапезах, эта была в виде золотой лодки, отверстие находилось по самой середине и светильня гораздо шире давала пламя. Второй, одетый как первый, в обеих руках нес двойной алтарь, называемый «помощью», имя которым дал помоществующий промысел верховной богини. За ним шел третий, неся тонко сделанную из золота пальмус листьями, а также Меркуриев кадудей. Четвертый показывал образ справедливости в виде левой руки с протянутой ладонью; при природной лени своей она не предана ни хитрости, ни ловкости и потому скорее, чем правая рука, может олицетворять справедливость,—он же нес и золотой сосудик в форме соска, из которого он производил возлияние молоком. Пятый—золотое веяло,

наполненное лавровыми веточками, другой нес амфору.

11. Вскоре показалась и процессия богов, удостоивших воспользоваться человеческими ногами для передвижения. Вот наводящий ужас посредник между небесным и подземным миром, то с темным, то с сияющим ликом, высоко возносящий собачью морду Анубис, в левой руке держа кадуцей, правой потрясая зеленой пальмовой ветвью. Непосредственно за ними следует корова на задних ногах, плодородный символ всеродительницы богини; неся ее на плечах, один из священнослужителей гордо выступал под блаженной ношей. Другой нес закрытую корзину, заключающую в себе ненарушимую тайну великого учения. Третий в счастливых своих объятиях нес почитаемое изображение верховного божества; не было оно похоже ни на домашнее животное, ни на птицу, ни на дикого зверя, ни на человека какого-либо; но по мудрому замыслу самой странностью возбуждало почтение, скрывая глубочайшим молчанием неизреченную сущность высокой веры; в виду такового значения сделано оно было из чистого золота следующим манером: это была искусно выдолбленная урна с круглым дном, снаружи украшенная удивительными египетскими изображениями, отверстие ее, подымаясь не очень высоко в виде горлышка, выступало далеко длинным носочком, а с другой стороны была широкая ручка, очень выгнутая, на которой извилистым узлом подымалась змея с чешуйчатой головой и полосатой вздутой шеей.

12. Наступал час исполнения благодарений, обещанных мне всемилостивейшей богиней, приближается жрец, несущий мне спасение, держа в деснице, согласно божественному предсказанию, сistr для богини и для меня венок, — венок, клянусь Геркулесом, заслуженный, так как, вытерпев столько страданий, подвергнувшись стольким опасностям, я с соизволения великого божества в борьбе с жестокой судьбой выходил победителем. Но несмотря на охватившую меня внезапную радость, я не бросаюсь со всех ног, боюсь, как бы неожиданное появление четвероногого животного не нарушило чинности священного действия, но кротко, медлительно, подражая человеческой походке, бочком, через расступившуюся не без божеской воли толпу мало по малу пробираюсь.

13. Жрец же, предупрежденный, как мог я видеть на деле, ночным откровением и удивленный, как все совпадает с преподанным ему поручением, тотчас остановился и, протянув правую руку, к самому рту моему поднес венок. Тут я, трепеща, с сильно бьющимся сердцем, венок, сверкающий сплетенными розами, жадно хватаю губами и пожираю, стремлюсь к исполнению обещанного. Не обмануло божественное предсказание — с меня спадает безобразная личина животного: прежде всего исчезает жесткая щетина, затем грубая кожа смягчается, огромный живот уменьшается, на нежных ступнях копыта разделяются на отдельные пальцы, руки перестают быть ногами, но простираются для обычного назначения, длинная шея укорачивается, пасть и голова округляются, огромные уши

принимают прежние размеры, зубы, как камни, делаются небольшими, как у людей, и хвост, который доставлял мне больше всего мучений, пропадает. Народ удивляется, духовенство преклоняется при столь очевидном доказательстве могущества верховного божества, подобном чудесному сновидению, и при виде быстрого превращения громогласно и единодушно, воздев руки к небу, свидетельствуют о преславной милости богини.

14. А я, остолбенев от немалою изумления, стою неподвижно и молча, не зная от переполнившей душу мою неожиданной и великой радости, с чего лучше всего начать, как издать сделавшиеся непривычными мне звуки, как удачнее всего воспользоваться возвращенным мне даром речи, какими словами и выражениями возблагодарить богиню за ее благодеяние. Но жрец, очевидно свыше извещенный о всех моих несчастьях, с самого начала, хотя и сам был потрясен великим чудом, дает знак, чтобы прежде всего дали мне льняную одежду для прикрытия, потому что, как спала с меня зловедшая ослиная оболочка, я так и стоял, сжавши как можно теснее бедра и сплетенными руками скрывая, насколько мог, наготу свою естественным прикрытием. Один из духовенства сейчас же снял с себя верхнюю одежду и поскорее набросил на меня. Тогда жрец, проникнутый при виде меня божественным удивлением, но, Геркудесом клянусь, с ласковым выражением на лице, так начинает:

15. Вот, Лучий, после стольких несчастий, воздвигаемых судьбою, претерпев столько гроз,

достиг наконец ты спокойной пристани, алтарей милостивых. Не впрок пошло тебе ни происхождение, ни положение, ни даже самая наука, которая тебя отличает, потому что ты, сделавшись по страстности своего молодого возраста рабом сластолюбия, получил роковое возмездие за неуместное любопытство. Но слепая судьба, мучая тебя худшими опасностями, сама того не зная, привела к настоящему блаженству. Пусть же идет она и пышет яростью, другой жертвы придется ей искать для своей жестокости. Ибо среди тех, кто посвятил свою жизнь нашей верховной богине, нет места губительной случайности. Какую выгоду судьба имела, подвергая тебя разбойникам, диким зверям, рабству, жестоким путям по всем направлениям, ежедневному ожиданию смерти? Вот тебя приняла под свое покровительство другая судьба, но уже зрячая, свет сиянья которой просвещает даже остальных богов. Пусть же радость отразится на твоём лице в соответствии праздничной этой одежде. Присоединись к шествию богини, которое сейчас снова двинется в путь. Пусть видят безбожники, пусть видят и сознают свое заблуждение: вот освобожденный от прежних невзгод, радующийся промыслу великой Изиды Лудий, что победил судьбу! Чтобы быть в еще большей безопасности и охране, запишись в ряды святого воинства, к чему ты и был недавно призываем, посвяти себя уже отныне нашему служению и наложи на себя ярмо добровольного подчинения. Начав служить богине, тем большим обретешь плод своей свободы.

16. Проведя таким образом, почтенный жрец, с трудом переведя дыхание, умолк. Я же, присоединившись к священным рядам, направил свой путь к месту совершения обряда. Всем гражданам я стал известен, сделался предметом всеобщего внимания, на меня указывали пальцами, кивали головой, и весь народ переговаривался:—вон тот, кого верховная божественность всемогущей богини сегодня вернула к человеческому образу. Клянусь Геркулесом, счастлив он и трижды блажен, так как, вероятно, незапятнанностью предшествовавшей жизни и верою заслужил такое преславное покровительство свыше, так что сейчас же после второго в некотором роде рождения попадает в ряды посвященных.

Среди подобных восклицаний, среди праздничных возгласов толпы мало по малу подвигаясь, приблизились мы к морскому берегу, как раз в том самом месте, где накануне лежал я в виде осла. Расставили там по чину священные изображения и верховный жрец, произнося пречистыми устами священнейшие молитвы, горящим факелом, яйцом и серою очищает высшим очищением лодку, искусно сделанную и со всех сторон удивительными рисунками по египетской манере пестро раскрашенную, и очищенную посвящает ее богине. На счастливом судне этом блестящий развевался парус, вышитый золотыми буквами в виде пожеланий удачного начала новому плаванию. В виде мачты высилась круглая сосна, блестящая с превосходным марсом, так что смотреть было приятно; корма, выгнутая в виде гусиной шеи, покрыта была листовым золотом, а нижняя часть лодки сделана была

из гладкого кедрового дерева. Тут вся толпа, как посвященные, так и не посвященные, непрерывно приносят сосуды с ароматами и другими в таком же роде приношениями, на воды делают возлияния из молочной похлебки; наконец, когда лодка наполнена была щедрыми приношениями и соответственными пожертвованиями, обрезают ленты у якоря и, предоставив ее попутному и спокойному ветру, пускают в море. Когда расстояние почти что скрыло ее из наших глаз, носильщики снова взяли священные предметы, которые они принесли, и, составив попрежнему благопристойную процессию, все быстрым шагом начинают возвращение к храму.

17. Когда пришли мы уже к самому храму, великий жрец, те, которые несли священные изображения, и те, что ранее уже были посвящены в почтенные таинства, войдя во святилище богини, расположили там по чину изображения, казавшиеся одушевленными. Тогда один из них, которого все называли писцом, встав против двери и сделав собрание пастофоров — так именовалась эта святейшая коллегия, — взошел на возвышение и стал читать из книги по писанному молитвы о благоденствии верховного правителя, почтенного сената, всадников и всего народа римского, о кораблях и корабельщиках, обо всех живущих под нашей державой, закончив чтение по греческому обряду греческим возгласом *πλοιαφροια*. Слова эти, судя по восклицанию всех присутствующих, последовавшему за провозглашением, обозначали, что все совершенно было благополучно. Испол-

ненный радости народ, держа в руках ветки с листьями и веночки из вербены, поцеловал ступни серебряной статуи богини, стоявшей на пьедестале, и отправился по домам. Я же не мог решиться ни на шаг отойти от этого места и, не спуская глаз с изображения богини, перебирал в памяти испытанные мною бедствия.

18. Летучая молва меж тем не ленилась и не давала отдыха своим крыльям. Но сейчас же у меня на родине пошел разговор о несравненной милости ко мне божеского промысла и о моей достопримечательной судьбе. Наконец мои друзья, рабы и все, кто связан был со мною родственными узами, отложив скорбь, в которую их погрузило ложное известие о моей смерти, и исполнившись неожиданной радости, спешат ко мне с разными подарками, чтобы убедиться, действительно ли я вернулся на свет божий из преисподней. Я уже потерял надежду их видеть, потому очень им обрадовался и со спокойным сердцем принимал их подношения от чистой души, так что близкие мои предусмотрительно освободили меня от забот о пропитании и содержании.

19. Поговорив с ними, как полагается, и каждому по очереди рассказав о прежних моих бедствиях и теперешней радости, я снова все свое благодарное внимание устремляю на богиню; наняв внутри церковной ограды помещение для временного житья, посещаю каждое частное богослужение, не разлучаясь с жрецами, неусыпный почитатель великого божества. Ни одна ночь, ни один сон у меня не проходили

без того, чтобы я не лицедрел богини и не получал от нее наставлений; частыми повелениями она убеждала меня принять посвящение в ее таинства, к которым давно уже предназначен. Хотя я и сгорал сильным желанием исполнить это, но меня удерживал священный трепет, так как считал я весьма трудным делом наложить на себя духовное звание и дать обет целомудрия и воздержания, который не легко исполнить в жизни, исполненной всяческих случайностей. Обдумывая все это, я, хотя и стремился нетерпеливо принять посвящение, со дня на день откладывал исполнение своего решения.

20. Однажды ночью приснилось мне, что ко мне приходит верховный жрец, неся полный подол чего то, и на мой вопрос, что это и откуда, ответил, что это моя доля из Фессалии, а также, что ко мне возвращается раб мой Кандид. Проснувшись, я очень долго думал об этом сновидении, тем более, что очень хорошо помнил, что у меня никогда не было раба по имени Кандид. Но все таки я полагал так, что присланная доля во всяком случае обозначает какую то прибыль. Обеспокоенный и удивленный, откуда может мне быть прибыль, отправился я в храм на утреннее открытие врат. Когда отдернулись в разные стороны белоснежные завесы, мы приветствовали почитаемое изображение богини гимном; жрец обошел по очереди все алтари, совершая богослужение и произнося торжественные молитвы, наконец, зачерпнув из священного колодца воды, совершил возлияние из чаши; исполнив все по священному обряду, духовенство, приветствуя вос-

ходящее солнце, объявило первый час дня. И вдруг из Гипаты, узнав о моих приключениях, приходят слуги, оставленные мною там, еще когда Фотида уловила меня в коварные сети, и приводят с собою даже мою лошадь, которую после долгих мытарств им удалось отыскать по особой отметине на спине. Вещему промыслу моего сновидения я тем более удивлялся, что, кроме совпадения в смысле прибыли, рабу Кандиду соответствовал возвращенный мне конь, который был белой масти*.

21. После этого случая я еще усерднее принялся за исполнение религиозных обязанностей, так как надежда на будущее поддерживалась во мне настоящими благодеяниями. Со дня на день все более и более проникало в меня желание принять посвящение, и я неотступно приставал к верховному жрецу с просьбами, чтобы он посвятил меня наконец в таинства священной ночи. Он же, муж степенный и известный строгим соблюдением религиозных обрядов, кротко и ласково, как отцы имеют обыкновение сдерживать несвоевременные желания своих детей, отклонял мою настойчивость, говоря, что и день, в который данное лицо можно посвящать, указывается божественным знамением, и жрец, которому придется совершать таинство, избирается тем же промыслом, даже необходимые издержки на церемонию устанавливаются таким же образом. В виду всего этого он полагал, что мне нужно вооружиться терпением, боясь жадности и заносчивости, и стараться избегать обеих крайностей: будучи призванным—медлить и без зова—торопиться. Да и едва ли найдется из числа жрецов

человек, столь лишенный рассудка, столь готовый сам себя обречь на гибель, который осмелился бы без специального приказанья богини совершить столь дерзостное и святотатственное дело и подвергнуть себя смертельной опасности; ибо и ключи от преисподней и ручательство за спасение вручены в руки богини, и самый обычай этот установлен в уподобление добровольной смерти и примерного спасения, так как богиня имеет обыкновение намечать своих избранных из тех, которые, уже окончив течение жизни и достигнув предела последнего дыхания, тем лучше могут хранить в молчании великую тайну таинства, и ее же промыслом посвященным, как бы вторично родившимся, заново дается возможность начать путь к спасению. Итак мне следует ждать небесного знамения, хотя по явному и прозорливому указанию верховной богини я призван и предназначен к блаженному служению. Тем не менее пускай я уже теперь на ряду с остальными служителями храма воздерживаюсь от запрещенной и незаконной пищи, чтобы тем прямее достигнуть скрытых тайн чистейшей веры.

22. Таковы были слова жреца, и послушание мое уже не нарушалось нетерпением, но, погруженный в тихий покой и в похвальную молчаливость, дожидался я дня посвящения в святыя тайны. И не обманула мои ожидания спасительная благодать могущественной богини: не мучила меня долгой отсрочкой, но в одну из темных ночей, отнюдь не темными повелениями открыла мне въявь, что настает для меня долгожданный день, который свяжет меня величай-

шим обетом, и в какую сумму обойдется мне посвящение и что для присоединения меня к святому лику по сродству звезд наших, как гласила, избирается сам Митра, как раз вышеупомянутый почтенный ее служитель.

Возрадовавшись в душе от этих и тому подобных благоприятных сообщений верховной богини, я не смыкал глаз и при первом свете зари направляюсь к келье жреца и, встретив его как раз собиравшимся выходить, приветствую его. Я уже собирался настойчивее, чем все прошлые разы, как должного, требовать у него посвящения,—как он сам, как только меня увидел, воскликнул:—о Луций мой, счастливы ты, блажен, так как небесная владычица удостоила тебя такую милостью! Что же ты теперь стоишь праздным, что же теперь ты сам медлишь? Вот наступает для тебя долгожданный день, в который своими руками введу я тебя в пречистые тайны служения многоименной богини!—Тут любезнейший старец положил мне на плечо свою десницу и немедленно повел к самым вратам обширного здания; там по совершении торжественного обряда открытия дверей, исполнив утреннее богослужение, он выносит из недр святилища некие книги, написанные непонятными буквами; знаки там, то изображением всякого рода животных сокращенные слова священных текстов передавая, то всякими узлами и сплетением линий наподобие колеса извиваясь, сокровенный смысл чтения не открывали суетному любопытству. Отсюда прочел он мне об обязанностях приступающего к посвящению,

23. Сейчас же было закуплено тщательно и не скупясь отчасти мною самим, отчасти моими близкими все, что требовалось для обряда. Наконец настал день, назначенный жрецом, и он повел меня, окруженного священным воинством, в ближайшие купальни; там, совершив обычное омовение, призвав милость богов, он меня кропит в виде очищения и снова приводит к храму. Когда две дневных сгражи уже протекли, он ставит меня перед самым подножием богининой статуи и, сказав мне на ухо некоторые наставления, благостное значение которых нельзя выразить словами, перед всеми свидетелями наказывает мне воздержаться от чревоугодия и не вкушать десять дней под ряд никакой животной пищи, а также не прикасаться к вину. Исполняю свято этот наказ о воздержании, а между тем наступает уж и день посвящения, и солнце склонилось к вечеру. Тогда со всех сторон приходит толпа посвященных, по старому обычаю принося мне поздравительные подарки, кто какой. Но жрец, удалив всех непосвященных, облачает меня в плащ из небеленого полотна и, взяв за руку, вводит в святая святых.

Может быть, ты страстно захочешь знать, усердный читатель, что там говорилось, что делалось? Я бы сказал, если бы позволено было говорить, ты бы узнал, если бы слышать было позволено. Одинаковой опасности подвергаются в случае такого дерзкого любопытства и рассказчик, и слушатель. Но если ты объят благочестивой жаждой познания, не буду тебя дольше томить. Итак слушай и верь, что я говорю правду. Достиг я пределов смерти, переступил

порог Прозерпины и снова вернулся, пройдя все стихии, в полночь видел я солнце в сияющем блеске, предстоял богам подземным и небесным и вблизи поклонился им. Вот я тебе и рассказал, а ты, хотя и выслушал, остался в прежнем неведении.

Но передам то единственное, что могу открыть я, не нарушая священной тайны, непосвященным слушателям.

24. Настало утро, и по окончании богослужения я тронулся в путь, облаченный в двенадцать священных стол; хотя это принадлежит к святым обрядам, но я могу говорить об этом без всякого затруднения, так как в то время масса народа могла это видеть. Ведь по самой середине храма, против статуи богини, на деревянном возвышении я стал сверху, выделяясь одеждой, правда, полотняной, но расписанной цветами. С плеч за спину до самых пят спускался у меня драгоценный плащ. Взглянув внимательно на него, всякий увидел бы, что на мне кругом разноцветные изображения животных: тут и индийские драконы, и гиперборейские грифоны, животные, которых другой мир создает наподобие пернатых птиц. Стола эта у посвященных называется олимпийской. В правой руке держал я ярко горящий факел; голову мою прекрасно окружал венок из светлой пальмы, листья которой расходились в виде лучей. Разукрашенный наподобие солнца, помещенный наподобие божественной статуи, при внезапном открытии завесы, я был представлен на обозрение народа. После этого я торжественно отпраздновал день своего духовного рождения, устроив изысканную

трапезу с отборными винами. Так продолжалось три дня. На третий день после таких церемоний закончились и священные трапезы и завершение моего посвящения. Я пробыл еще несколько дней, пользуясь невыразимой сладостью созерцанием священного изображения, связанный чувством благодарности за бесценную милость. Наконец, по указанию богини, внеся вклад за свое посвящение, конечно, далеко не соответствующий, но сообразно с моими средствами, я начал готовиться к возвращению домой, столь запоздалому. Я едва мог расторгнуть узы пламенных желаний. Наконец, повергнувшись ниц перед изображением богини и прижавшись лицом к стопам ее, обливаясь слезами, прерываемый частыми рыданиями, глотая слова, я начал:

25. О, святейшая человеческого рода вечная заступница, смертных постоянная охранительница, что являешь себя несчастным в бедах нежной матерью. Ни день, ни ночь одна, ни минута какая краткая не протекает твоих благодеяний праздная; на море и на суше ты людям покровительствуешь, в жизненных бурях протираешь десницу спасительную, которой рока неразрешимые узлы развязываешь, судьбы ослабляешь гонения, зловедших звезд отводишь хождения. Ты кружишь мир, зажигаешь солнце, управляешь вселенной, попираешь Тартар. Пред тобою ответственные звезды, тобою времен наступает чередование, радуются небожители, стихии — твои служители. Мановением твоим огонь разгорается, тучи сгущаются, поля осеменяются, посевы поднимаются. Силы твоей страшатся

птицы, в небе летающие, звери, в горах скитающиеся, змеи, по земле ползущие, киты, в океанах плывущие. И я для воздаяния похвал тебе нищий разумом, для жертв благодарных бедный имуществом,—нет у меня полноты речи, чтобы выразить, что я о твоём величии чувствую! ведь тысячи уст не хватило бы для этого и нескончаемого ряда языков, неустанных в веле-речии, — то единственно, что может сделать неимуший благочестивец, то и я сделаю: лик твой небесный и божественность святейшую в глубине моего сердца запечатаю на веки вечные.

Помолившись таким образом великой богине, я бросаюсь на шею Митре жрецу, сделавшемуся для меня вторым отцом, и, покрывая его поцелуями, прошу прощенья, что не могу отблагодарить его как следует за его благодеяния.

26. Я долго и пространно изливал ему свою благодарность, наконец расстался с ним и прямо отправился, чтобы вновь увидеть отеческий дом после столь долгого отсутствия. Но пробыл я там всего несколько дней, потому что по внушению великой богини я внезапно собрал свой багаж и, сев на корабль, направил свой путь к Риму. Вполне благополучно, при содействии попутных ветров, я быстро достигаю Августовой гавани и, пересев там в повозку, к вечеру, накануне декабрьских ид, прибываю в пресловутый святейший град. Там главным моим занятием были ежедневные молитвы верховной богине Изиде-владычице, которая там весьма чтилась под названием Полевой, от местоположения ее храма; был я усердным ее почитате-

лем, в данном храме хотя и пришлец, но в учении свой человек.

Вот солнце, совершив свой круг зодиака, уже заканчивало год, как неусыпная забота благотельного божества снова прерывает мой покой, снова предвещает мне посвящение, снова — таинства. Я очень удивился, в чем дело, почему она говорит про будущее, так как я считал себя уже до конца посвященным.

27. Покуда я религиозные сомнения эти отчасти своим умом разбирал, отчасти подвергал рассмотрению священнослужителей, я узнаю совершенно неожиданную для меня новость: что посвящен я был только в таинства матери богов, во обрядах Озириса непобедимого, великого бога и верховного родителя богов, никогда просвещен не был, и что хотя сущности этих божеств и их обрядов тесно соприкасаются между собою и даже едины, но в испытаниях и посвящениях имеются огромные отличия. Вследствие этого я понял, что мне надлежит сделаться служителем и великого бога. Дело не долго оставалось в неопределенном положении. В ближайшую же ночь мне приснилось, будто ко мне приходит какой-то человек в жреческих одеждах, неся в руках тирс, плющ и еще нечто, что я не имею права называть; все это он кладет на мой домашний алтарь, а сам, заняв мой стул, говорит мне, чтобы я приготавливал обильную священную трапезу. И как будто для того, чтобы я лучше его запомнил, отличался он одной особенностью, а именно: левая пятка у него была несколько искривлена, так что при ходьбе он немного прихрамывал. После такого

ясного выражения божественной воли всякая тень неопределенности исчезла, и я тотчас после утреннего богослужения богини стал с большим вниманием наблюдать за каждым жрецом, нет ли у кого такой походки, как та, что я видел во сне. Ожидания мои оправдались. Вскоре я заметил одного из пастофоров, у которого не только походка, но и весь склад и внешность точь в точь совпадали с моим ночным видением; звали его, как я потом узнал, Азинием Марцеллом, что тоже звучало намеком на мои превращения*. Не медля я подошел к нему; предстоящий разговор его не удивил, так как подобно мне он давно уже был предупрежден свыше, что речь пойдет о посвящении в таинства. Накануне ночью ему приснилось, что когда он возлагал венки на статую великого бога, тот ему изрек, что послан будет к нему некий уроженец Мадавы, человек бедный, которого сейчас же нужно посвятить в таинства, так как по его промыслу и посвящаемый прославится своими подвигами и посвятитель получит высокое вознаграждение.

28. Предназначенный таким образом для священного посвящения, я не мог приступить к нему из-за недостатка средств. Крохи моего наследства были истрачены на путешествие, да и столичные издержки значительно превышали прежние мои расходы, когда я жил в провинции. Так как глубокая бедность связывала меня по рукам и по ногам, а побуждения божества все настойчивее меня торопили, то я очутился по пословице «между молотом и наковальней». Все чаще и чаще побуждаемый божеством, я при-

ходил в расстройство, наконец, убеждения перешли в приказания. Тогда я, распродав свой скудный гардероб, наскреб кое как требуемую небольшую сумму. На это мне было особое увещевание: «неужели бы ты,— так говорилось мне,—хоть одну минуту пожалел бы о своих платьях, если бы дело шло о каком-нибудь предстоящем удовольствии? Теперь же, на пороге таких церемоний, ты колеблешься предаться нищете, в которой не будешь раскаиваться?»

Итак все уже было приготовлено, снова я десять дней не вкушал животной пищи, заново выбрил голову и был допущен на ночные бдения главного божества. Со всею доверчивостью предался я святым обрядам этой родственной религии. Она не только служила мне большим утешением в моем положении чужеземца, но даже доставила мне средства к пропитанию. Ведь то, что я имел некоторый заработок от ведения дел на латинском языке в качестве адвоката, можно было рассматривать как действие благодетельной Удачи.

29. И вот прошло всего несколько дней, как неожиданно, к немалому моему удивлению, я снова получаю повеления свыше, приказывающие мне в третий раз подвергнуться посвящению. Обеспокоенный не малой заботой и придя в сильное волнение, я крепко задумался: куда клонится это новое и неслыханное намерение небожителей? что еще осталось неисполненным, хотя я подвергался дважды посвящению? может быть, и тот и другой жрецы что-нибудь не так сделали, или чего не доделали? И, клянусь Геркулесом, я начал уже менять

свое мнение об их честности. Благостное видение ночным вещанием вывело меня из этих беспорядочных мыслей, которые чуть не довели меня до безумия.

— Нечего тебе, — сказано было мне, — опасаться многочисленного ряда посвящений и думать, что в предыдущих было что нибудь опущено. Неотступным эгим доказательством божией к тебе милости ты в радости должен веселиться и скорее гордиться, что трижды назначено тебе то, чего другие едва единожды удостоиваются. Ты же из самого числа посвящений должен почерпнуть уверенность в предстоящем тебе блаженстве. В конце концов предстоящее тебе посвящение вызвано крайней необходимостью. Вспомни только, что священная одежда, в которую облечен ты был в провинции, там во храме и осталась лежать, и в Риме ты не сможешь, если понадобится, участвовать в торжественных богослужениях, ни покрываться блаженнейшею этою ризою. Посему надлежит тебе радостно приступить для блаженства и спасения, с помощью богов великих, к третьему посвящению.

30. Затем божественное видение с величественною убедительностью перечисляет мне все, что необходимо сделать. После этого, не откладывая в долгий ящик, без всякого промедления я сейчас же сообщаю своему жрецу обо всем виденном, принимаю на себя ярмо целомудрия и воздержания от мяса, добровольным усердием продлив десять дней поста, предписанных вечным законом, и в приготовлениях не жалею издержек, руководствуясь более благочестивым рвением, чем

требуемыми размерами. И, клянусь Геркулесом, не пожалел я о хлопотах и издержках; по щедрому промыслу богов у меня увеличилась плата за мои выступления на суде. Наконец, через несколько деньков бог среди богов, среди могучих могущественнейший, среди верховных высший, среди высших величайший, среди величайших владыка, Озирис, не приняв чуждого какого либо образа, а в собственном своем божественном виде удостоил меня своим обращением. Он сказал мне, чтобы я бестрепетно продолжал свое славное занятие в суде, не боясь сплетен недоброжелателей, которые завидуют трудолюбивым стараниям в моей профессии. А чтобы я, не смешиваясь с остальной толпой, мог ему служить, избрал меня в коллегиию своих пастофоров, назначив даже одним из пятилетних декурионов. Снова обрив голову, я вступил в эту стариннейшую коллегиию, основанную еще во времена Суллы, и хожу теперь, ничем не осеня или не покрывая своей плешивости, радостно смотря в лица встречных.

КОМПОЗИЦИЯ РОМАНА «ЗОЛОТОЙ ОСЕЛ»

КНИГА ПЕРВАЯ

Герой романа Лудий представляет себя читателю. Лудий приезжает в Гипату.

Первая вставная новелла про колдунью Мероэ, рассказанная герою в пути.

Анекдот о ретивом эдиде.

КНИГА ВТОРАЯ

Любовная история Лудия и служанки Фотиды. Лудий на пиршестве у богатой горожанки Биррены.

Вторая вставная новелла про то, как колдуны изувечили Телефрона, сторожившего у одра мертвеца—рассказ потерпевшего Телефрона на пиршестве.

КНИГА ТРЕТЬЯ

Горожане шутят над Лудием, ложно обвиненном в убийстве троих прохожих — анекдот с тремя бурдюками.

По просьбе Лудия, Фотида с помощью волшебства превращает его, но по ошибке придает ему образ осла.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

Лудий в образе осла попадает к разбойникам.

Третья вставная новелла о гибели трех разбойников, рассказанная главарями шайки на привале.

Лудий встречается с девушкой, попавшей в плен к разбойникам.

Четвертое вставное повествование—сказка про Амура и Психею, рассказанная некоей старухой в утешение пленной девушке.

КНИГА ПЯТАЯ

Продолжение сказки про Амура и Психею.

КНИГА ШЕСТАЯ

Продолжение и окончание сказки про Амура и Психею.

Лудий в образе осла приговорен разбойниками к жестокой казни и вместе с ним пленная девушка.

КНИГА СЕДЬМАЯ

Жених девушки, нарядившись разбойником, спасает возлюбленную из плена и вместе с ней Лудия в образе осла.

Пятая вставная новелла о подвигах некоего разбойничьего атамана, рассказанная женихом, нарядившимся разбойником.

Лудий в образе осла попадает на пастбище и терпит обиды от пастухов и злой жены погонщика.

КНИГА ВОСЬМАЯ

Шестая вставная новелла об убийстве на охоте несчастного Теплолема, рассказанная одним из его слуг.

Седьмая вставная новелла о жестоком наказании некоего прелюбодейного раба, рассказанная прохожими на привале.

Лудий попадает к служителям Сирийской богини, купившим его, как смиренного и послушного осла.

КНИГА ДЕВЯТАЯ

Восьмая вставная новелла о неверной жене, спрятавшей своего любовника в большой бочке, рассказанная герою в дороге.

Лудий попадает в услугу к мельнику и терпит обиды от его злой жены.

Девятая вставная новелла о некоем любовнике, выпутавшемся из беды посредством хитрости. Рассказана старой сводней.

Десятая вставная новелла о любовнике, чихнувшем в засаде и этим выдавшим себя. Рассказана мужем по просьбе неверной жены.

Луций в образе осла попадает сперва к садовнику, а после к солдату.

КНИГА ДЕСЯТАЯ

Одиннадцатая вставная новелла о матери, признавшейся пасынку в преступной страсти.

Луций в виде осла служит у двух братьев, повара и пекаря, обучается различным фокусам и вступает в любовную связь с некоей богатой женщиной.

Двенадцатая вставная новелла про молодую женщину-отравительницу, приговоренную за преступления к смертной казни.

Луций в образе осла понуждается публично сочетаться браком с приговоренной к смерти отравительницей, но бежит из амфитеатра.

КНИГА ОДИННАДЦАТАЯ

Луций видит сон, обещающий ему избавление.

Он глотает розу из рук жреца Изиды и получает снова человеческий образ.

Он проходит три ступени посвящения в тайные культы Изиды, Митры и Озириса и ведет благочестивую жизнь.

КОММЕНТАРИИ

КНИГА ПЕРВАЯ

Стр. 49. «Милетскими баснями» (по имени древнего города Милета и Малой Азии) издавна звались авантурные повествования, сказки, притчи, характерные для греческого купечества в ремесленников. Апулей понятием этим, как и словом «греческая басня» несколькими строками позднее, хочет определить заимствованный характер своего романа, подражающего греческому оригиналу.

Стр. 49. «Гиметт» холм к северу от Афин. Эфирейский, то есть Коринфский перешеек, соединяет среднюю Грецию с Южной, Пелопоннесом. Тенар — мыс к югу от Пелопонесской Спарты. Все эти местности Греции перечисляются Апулем, чтобы подчеркнуть греческий характер измышленного героя, от имени которого ведется рассказ. С биографией самого Апулея, родившегося в Африке, все это, разумеется, никак не связано. Но всяческого внимания заслуживает автохарактеристика писателя, даваемая себе здесь Апулеем.

Стр. 50. «Фессалия», — в Северной Греции — исконная страна колдовства и волшебств. Но почему упоминается здесь Илутарх, греческий историк и писатель-моралист II века нашей эры, и его племянник Секст-философ, которые оба были родом из Беотии, а не из Фессалии? Это либо ошибка позднейшего толкователя, либо Апулею для чего то надо было связать свой роман с именем знаменитого грека. Но для чего?

Стр. 51. «А между тем в Афинах». Рассказ об уличном представлении шваголотателя-акробата. В романе Апулея рассыпано множество упоминаний

о зрелищах, современных писателю. Это делает книгу его превосходным материалом для характеристики античного театра той поздней поры. Далее намек на известную эмблему бога медицины Асклепия—жезл, обвитый змеей.

Стр. 52. «Эгина—остров в Саронском заливе, недалеко от Афин, издавна славившийся морской торговлей. Гипата, как и несколько далее Ларисса—крупные торговые города Фессалии.

Стр. 55. «Антихтоны»—жители противоположного полушария. Во времена Апулея античной географией давно уже был решен вопрос о шаровидности земли, но вызывало сомнения, как могли жить и передвигаться такие «антихтоны». Здесь они приводятся, разумеется, как такие же сказочные существа, что и эфиопы и инды несколько ранее. Ниже ряд притч о кабатчике, обращенном в лягушку, о судьбе-баране, которые бесспорно восходят к фольклору, к холодным народным островам древности.

Стр. 56. «Медея»—сказочная красавица, героиня бесчисленных художественных произведений древности и нового времени. Миф рассказывал, что когда муж ее Ясон решил вторично жениться на коринфской царевне Креусе и отец невесты царь Креонт потребовал изгнания непокорной Медеи, она вымолила себе день отсрочки и воспользовалась им, чтобы огомстить жестоко врагам, поднеся им заколдованный, погибельный брачный подарок.

Стр. 57. «Эндимион»—сказочный любовник Луны, скромный юноша пастух. В устах старой распутницы сравнение это, конечно, звучит иронически, так же как и упоминание о Калипсо, прекрасной нимфе из Гомерової поэмы, которая приютила Улисса-Одиссея во время его скитаний и позднее была покинута им.

Стр. 58. Колдовской заговор этот построен по всем, правилам симпатической магии. Действие волшебной губки, «рожденной в море», прекращается при соприкосновении с водой.

Стр. 67. Должность эдила в небольших городках носила полицейский надзирательский характер. Анекдот о чрезмерно ретивом эдиле, усердие которого обра-

щается против него же, вероятно, заимствован Апулеем из бродячих остроумцев и анекдотов.

КНИГА ВТОРАЯ

Стр. 71. Диана из паросского камня. Рассказ Апулея довольно точно воспроизводит сохранные нам статуи Дианы-охотницы поздней античной поры. Верно переданы характерные черты этого позднего, стиля барокко: натурализм и динамичность фигур, как бы остановившихся в стремительном движении. Да впрочем и все описание атрия—парадного двора в доме богатой Биррены близко к подлинным памятникам поздней римской живописи и скульптуры. Любопытна тесная связь произведений скульптуры с парковым пейзажем где они расставлены среди гротов и иных искусственных украшений.

Стр. 75. «Венера, хором граций сопровождаемая». С неожиданной напыщенностью цитируется Венера, выходящая из волн морских в окружении божественной свиты. Но немногими строками далее торжественный образ снижается. Плешивая Венера не может угодить даже грубому кузнечному богу Вулкану, который, согласно старинного, всегда несколько издевательски толкуемого мифа, был нежным, но часто обманываемым супругом великопной царицы любви.

Стр. 75. «Волос цвет приятный». Любопытное по точности и манерности описание модных женских причесок. В современной Апулею скульптуре мы находим образцы большинства характерных причесок, перечисляемых здесь.

Стр. 78. «Скромный огонечек». Снова пример симпатической магии, магического действия по ассоциациям смежности. Огонь находится и в маленькой лампе, и в великом солнце. По законам магической логики это означает, что по лампе можно гадать о солнце.

Стр. 78. «Халдеи»—древний народ, происходящий из передней Азии. Уже во времена Апулея, так же, как и в позднейших языках, в частности, русском,

именем этим звали колдунов и предсказателей всякого рода, независимо от их происхождения.

Стр. 80. Апулей охотно прибегает к намеренному торможению повествования, к затягиванию его. Тягучая болтовня старого Милона комедийно отсрочивает час свидания с Фотидой.

Стр. 85. «Фракия» — страна на северо-востоке Балканского полуострова. Путь Телефрона вел таким образом из малоазийского Милета через Геллеспонт в Фессалию.

Стр. 86. Поверье о чудовищах-гарпиях, якобы уродующих трупы, довольно загадочно-характерно для магических представлений разных времен и народов. Аргус — мифический стоглазый страж, приставленный мстительной Герой к Ио, обращенной в телку. Линдей — зоркий герой легенды об аргонавтах, взор которого проникал и под землю, и под воду.

Стр. 89. «Сколько бы тебе ни потребовалась наша служба». Роман Апулея близок к фольклору, к ремесленной и купеческой повествовательной литературе. Это лишний раз доказывается анекдотом о неудачнике, предлагающем свои услуги при погребении. Фольклор всех народов, в частности и славянских, знает этот мотив злополучного весельчака на похоронах. «Таскать вам — не перетаскать» — говорит такой горемыка в русской сказке при виде погребальной процессии.

Стр. 89. «Беотийский юноша» — Пенфей, растерзанный вакханками «Пиплейский певец». Так по имени фракийского города Пиплы звался сказочный певец Орфей, по преданию растерзанный неистовыми менадами.

Стр. 91. Магическое искусство времен Апулея упорно приписывало себе способность вызывать к жизни умерших. Легенды поздней Римской Империи полны рассказами о волшебниках-воскресителях и о чудесных восстаниях из мертвых. Лишь одним из звеньев входят сюда христианские мифы о воскрешениях.

Стр. 94. «Герион» — сказочное существо о трех туловищах и трех головах. С великой битвой героя Геракла против трехтелого Герiona пародийно сравнивается здесь пьяное побоище Луция с тремя грабителями.

КНИГА ТРЕТЬЯ

Стр. 96. Описание театра, даваемое Апулеем, весьма важно для характеристики театральной архитектуры эпохи Римской Империи. Рассказ Апулея сходится с сохранными нам изображениями римских театров и многочисленными руинами их: Зрители располагались на скамьях восходящего полукругом амфитеатра, галерея которого украшалась колоннами, статуями и ложами с окнами. Для зрелищ отводился высокий просцений, также украшенный статуями и колоннами, и полукруглая оркестра перед ним.

Стр. 103. Что скрывается за этой шуткой с тремя бурдюками? Только ли вымысел Апулея и его литературных предшественников, или же мы имеем здесь дело со своеобразным, но реально существовавшим обычаем? Последнее очень вероятно. В таком случае перед нами любопытнейшая самодеятельная театральная игра корпорации граждан, внутри кружка своего замысловатым ритуалом справляющая празднество в честь божества смеха. Грубость шутки вполне соответствует общему характеру натуралистических и несколько жестоких зрелищ той поздней поры. Круг сведений наших о зрелищах императорского Рима и без того полных причудливости, таким образом значительно расширяется.

Стр. 109. Читатель легко убедится, насколько консервативны и косны приемы магического искусства и как близка практика современных гадалок к чудесам предшественниц их в фессалийской древности.

Стр. 111. И здесь читатель сказок «Тысячи и одной ночи» и других повествований восточной литературы найдет немало знакомого, красноречивого указывающего на связь романа Апулея с волшебной традицией Востока.

Стр. 118. В связи с обожествлением Цезаря Августа и созданием культа императора, самое имя Цезаря приобрело магический смысл и применялось древними в молитве и в волшебных заклинаниях. Но осел, тщетно призывающий имя императора,—эта одна из тех черт, которые придают повествованию Апулея иронический характер.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

Стр. 121. Как сказано в предисловии, действие романа, начиная с четвертой книги, строится на напрасных усилиях Лудия, превращенного в осла, сорвать розу. Невозможность сделать это служит задерживающим мотивом на всем дальнейшем протяжении романа. Обостряется это еще тем, что неудача Лудия всякий раз приводит его к новым увечьям и побоям. Так и здесь «лавровые розы» вместо роз настоящих тормозят действие и приносят герою разочарование.

Стр. 124. Описание пещеры разбойников сделано в условном стиле риторических живописаний, характерных для позднего римского искусства и для приемов самого учителя красноречия, Апулея. Ему подражал в аналогичном описании Лесаж.

Стр. 125. Б и т в а к е н т а в р о в, сказочных существ, полуконей-полулюдей, с л а п и ф а м и, диким первобытным племенем, часто изображалась в античном искусстве.

Стр. 128. Клички разбойников прозрачным смыслом своим говорят о воинских доблестях. Л а м а х означает—воитель. А л к и м—храбрец, Ф р а з и л е о н—«львиное сердце». Однако, самые рассказы разбойников построены несомненно иронически. Этому служит и преувеличенный вычурно патетический стиль и подчеркнутый контраст между пресловутой мощью разбойничьих атаманов и ничтожными причинами их гибели. Один терпит смерть от руки дряхлого старика, другой—от увечной старухи, третий погибает в шкуре зверя. Здесь налицо—пародирование Апулеем ходовых приемов сентиментального романа

Стр. 129. Звериные травли всякого рода были одной из любимейших забав этого падкого до зрелищ времени. Ежегодно в крупнейших городах Римского государства истреблялись сотни тысяч львов, тигров, леопардов, слонов, гиенопотамов, рысей, медведей и других диковинных зверей. В течение однодневных игр в Римском амфитеатре бывало истребляемо по четыреста львов, по пятьсот медведей, по сорок слонов. Целые племена пограничных областей вели охоту на хищников. Целые легионы сопровождали караваны пойманного зверья от

окраинных пустынь в столицы империи. Для звериных игр устраивались специальные здания по типу, описанному здесь Апулеем. Устраивались единоборства зверей, охоты на них, травля зверьми рабов и преступников, целые звериные феерии с замысловатым театральным действием и декорациями. В знаменитых травлях христиан зверьми этот момент зрелищной занимательности играл не последнюю роль.

Стр. 138. Мотив девушки, похищенной разбойниками, очень распространен в античных литературах. Он часто встречается в комедиях греческих и римских и в особенности в авантюрных, сентиментальных романах, откуда он и перекочевал в повествование Апулея.

Стр. 140. Свадьбы Атиса и Протезилая славилась в древности, как сказочные примеры несчастливых связей. Атис в припадке безумия оскотил себя на собственном брачном торжестве. Протезилай был оторван от брачного ложа и отправился в поход против Трои.

Стр. 141. Здесь начинается чудесная сказка про Психею, жемчужина Апулеева романа. О ней подробнее читай в предисловии.

Стр. 143. «Пастырь пресловутый» — сказочный юноша-пастух Парис, знаменитым судом своим отдавший предпочтение Венере перед двумя другими богинями Герой и Афиной.

Стр. 144. Риторическое описание «Поезда Венеры» совпадает с многочисленными изображениями в античной живописи и послужило материалом для бесконечных подражаний в новой литературе вплоть до «Душеньки» Богдановича, где посвящены ему следующие любопытные строки:

Узря Венеру, резвы волны
 Текут за ней, весельем полны.
 Тритонов водяной народ
 Выходит к ней из бездны вод.
 Иной вокруг нее ныряет
 И дерзки волны умиряет,
 Другой, крутясь во глубине,
 Сбирает жемчуги на дне.

И все сокровища из моря
 Тащит повергнуть ей к стопам,
 Иной с чудовищами спора
 Претит касаться сим местам.
 Другой на козлы сев проворно
 Со встречными бранится вздорно,
 Раздаться в стороны велит,
 Вожжами гордо шевелит.
 От камней дале путь свой правит
 И дерзостных чудовищ давит,
 Иной с трезубчатым жезлом
 На ките впереди верхом.
 Гоня далече всех с дороги,
 И чтобы всяк то ведать мог
 В хоральный громко трубит рог.

Н е р е и д ы — нимфы океана, *Портун* — демон гавани и гостеприимных портов, почитавшийся в прибрежных городах особым празднеством *Портуналий*. *Саладия* — богиня соленых хлябей, мифическая супруга *Нептуна*. *Палемон* — заимствованный из греческой мифологии юноша — бог гаваней.

Стр. 146. Мотив девушки, божественным прориданием обреченной на заклятие — также один из более древних и распространенных сказочных мотивов. *Андромеда*, брошенная на растерзание морскому чудовищу, *даревна Василиса* из русских сказок — вот примеры.

К Н И Г А П Я Т А Я

Стр. 149. Русский читатель с удовольствием найдет в этих строках *Апулея* образец, легший в основу не только «*Душеньки*» *Богдановича*, но и очаровательного пробуждения *Людмилы* и скитаний ее по волшебному саду в Пушкинском «*Руслане и Людмиле*».

Стр. 156. Как уже сказано в предисловии, в повести о *Психее* сплетено множество разнородных сказочных мотивов. Судьба злой сестры, напрасно пытающейся подражать своей счастливой и прекрасной сестрице и смертью наказываемой за дерзость, может быть найдена, среди других сказок, также и в русской сказке о «*Морозке*». Можно заметить здесь также сходство с основной ситуацией «*Золушки*».

Стр. 172. Отсюда в сказочную ткань повествования вплетаются пародийные, характерно сниженные черты. Венера начинает разговаривать как сварливая баба из комедии или фольклорной мимической шутки. «В о т ч и м К у п и д о н а — никто иной, как Марс, бог войны, мифический супруг Венеры.

Стр. 172. Сниженность продолжается. В помощь Венере, как две соседки-сплетницы, приходят Юнона, богиня неба, и Церера, божество пашни.

К Н И Г А Ш Е С Т А Я

Стр. 175. Здесь повествование Апулея явно пародирует сказку, искажая законы ее комедийно-шутковскими мотивами. По традиции сказки, героиня совершает доброе дело и снискивает этим милость и защиту покровительствующего демона. В романе Апулея сохраняется первая часть этого мотива, заключительная же намеренно изменяется, Психея, убажывая Цереру, собирает посвященные ей колосья. Это вполне в традициях сказки, и подобные же мотивы можно найти в новоевропейских и русских сказках. Но развязка этого «доброе дела» носит комедийные черты.

Стр. 175. Прославляя Цереру, Психея называет главные святыни ее; Е л е в з и н, знаменитый центр мистерий, посвященных богине земли, и С и ц и л и ю, плодородную и земледельческую, где Церера пользовалась особым почитанием.

Стр. 176. Призывая Юнону, Психея припоминает остров С а м о с с его знаменитым храмом Геры (Юноны) Самосской и К а р ф а г е н, где царица небес почиталась в образе восточной матери богов на колеснице, влекомой львами. Славилась также культ Геры-Юноны Аргивской. С и г и я, то есть «совершательница брачных уз» и Л ю д и н а, «помогающая родильницам» — это тоже культовые имена Юноны. Молитва Психеи опять таки завершается намеренно сниженной, подчеркнута обязательской кондовкой.

Стр. 178. П о м а в а н ь е могучих бровей Юпытера упоминается еще у Гомера в Илиаде. Здесь, в связи с продолжающимся снижением общего тона повество-

вания, оно приобретает иронический, пародийный оттенок.

Стр. 179. За Муртийскими воротами в Риме стоял храм Венеры с широко известным торжищем продажных женщин.

Стр. 181. «Разбери эту смешанную кучу зерна». Здесь сказка полностью вступает в свои права. Перед нами один из традиционнейших и наиболее устойчивых сказочных мотивов — «испытание неосуществимым заданием». Можно встретить тот же мотив и в восточной, и в новоевропейской, и в русской сказочной словесности. Как и обычно, невозможное задание разрешается с чудесной помощью зверя-покровителя, здесь — муравьев.

Стр. 183. Снова невозможное задание, разрешаемое при содействии говорящего тростника. Это тоже излюбленнейший образ мировой сказки.

Стр. 185. Испытаний — три, как это и полагается по сказочным законам утроенья мотивов. Третьим избавителем становится орел. Фригийский виночерп и й — Ганимед, сказочный юноша-пастух, похищенный орлом для Юпитера. Клятва подземной рекою Стиксом еще у Гомера слывет священной и страшной клятвой богов.

Стр. 187. Ряд пропастей и горных ущелий почитались в древности воротами в преисподнюю. Наиболее славной была, однако, Тенарская расщелина в Лакедемоне. Она и упоминается здесь.

Стр. 188. Сошествие Психеи в ад, явно выпадает из общей схемы повествования. Оно присоединяется в качестве четвертого испытания к трем, узаконенным традициями сказки. Оно чужеродно по стилю, пронизано аллегорической символикой и восходит, вероятно, к многочисленным в древности мистическим легендам о скитании души. Впрочем, сказочные черты ощущаются и здесь. Стигийская струя, за которой идет Психея — это «живая и мертвая вода» сказки. Это правильно понял наивный Богданович, перелавывая роман Апулея в стихи своей «Душеньки».

«Богиня в мщевии послала царску дочь
Принести чрез три часа воды живой и мертвой.

Известен весь народ
О действе оных вод:

От первой кто попьет—здоровье получает,
А от другой попьет—здоровье потеряет».

Харон — старик, мифический перевозчик в царство мертвых. Согласно старинному обычаю, умершему клали в рот медную монету для расплаты с подземным паромщиком. **Трехголовый пес** — сторож Ада—Цербер.

Стр. 190. Опять, после полета сказочной фантазии, повествование, возвращаясь к Венере, приобретает комедийные, низменно-бытовые черты. Среди богов якобы действует, как и среди людей, римский «закон Юлия». Любопытно, что подобные подчеркнута-римские детали встречаются именно в сниженных, комедийных местах сказки. Может быть, это указывает на то, что Апулей переводя на латинский язык греческий оригинал, распространил его именно путем таких комедийных отступлений.

Стр. 192. В заключение—описание «пиршества небожителей», как бы в параллель «поезду Венеры» в начале сказки. «Отрок» — это виночерпий Ганимед. **Либер** — бог винной лозы Дионис. **Оры** — нимфы счастливых часов. Все описание близко к изображениям в пластическом искусстве той поры. На этом кончается сказка про Амура и Психею.

Стр. 195. **Дирцея** — мифическая злодейка, мачеха, которую пасынки, в наказание за козни, привязали к копытам быка. Известной была в древности и сохранилась до наших дней мраморная группа Дирцеи и Быка.

Стр. 196. Снова ряд ученых мифических сравнений, довольно таки неуместных в устах у пленной девушки, но крайне характерных для риторических сентиментальных романов, откуда заимствован весь этот эпизод. **Фрикс и Гелла** бежали из дома мачехи в далекую восточную Колхиду и персплыли море на чудесном, золоторунном баране. Певец **Арион** был дельфином спасен от разбойников. Финикийскую царевну **Европу** Зевс похитил, явившись к ней в образе быка.

Стр. 197. **Пегас**—сказочный крылатый конь. Стал впоследствии символом поэтического дара.

КНИГА СЕДЬМАЯ

Стр. 205. **З а к и н ф** — остров в Ионийском море у западного побережья Греции, неподалеку от мыса **А к ц и я**, крупный центр торговли между Востоком и Западом.

Стр. 208. Продажа своднику похищенной девушки — традиционное продолжение мотива девушки, попавшей в плен к разбойникам. Такова обычная схема авантюрно-сентиментального романа древности. Здесь схема эта отстранена неожиданной развязкой.

Стр. 212. **Б а к т р и я** — пустыня в теперешнем Бельуджистане, легендарная родина верблюдов.

Стр. 214. Превращение в осла отнюдь не мешает герою романа блистать мифологической ученостью, необходимой для риторического романа. На этот раз он вспоминает о фракийском царе **Диомеле**, по преданию кормившем чудесных своих кобылиц мясом доверчивых гостей. **Геракл** победил злодея и, в виде возмездия, бросил его самого на пожранье чудовищным скотам.

Стр. 222. **Б е л л е р о ф о н т** — мифический герой, наездник чудесного крылатого **Пегаса**. Здесь имя его приведено, разумеется, в ироническом смысле.

Стр. 224. Снова мифологическое сравнение. **Алфея**, в гневе на **Мелеагра**, кинула в костер головню, с которой была связана жизнь героя. **Головня** сгорела и **Мелеагр** погиб.

КНИГА ВОСЬМАЯ.

Стр. 229. Убийство коварным героем на охоте доверчивого друга — один из распространеннейших мотивов мировой повествовательной литературы. Множество примеров можно подобрать и в античном эпосе и поэзии новой Европы, где знаменито убийство **Зигфрида Гагеном** в германской «Песне о Нибелунгах». В роман **Апулея** мотив этот попал, вероятно, из бродячей новеллы.

Стр. 230. **Ф р а з и л** дословно — дерзкий, отважный.

Стр. 245. Вставной эпизод о почитателях Сирийской богини очень важен с точки зрения характеристики быта, современного роману, и в смысле установки всего романа. **Оргии жрецов Сирийской богини Кивевы** пользовались дурной славой в древности. Над ними

издевался современный Апулею острый и злой сатирик Лукиан, посвятивший этому причудливому культу насмешливое описание, в общем близкое к рассказу Апулея. Но издевательский, скептический тон этого места у Апулея плохо вяжется с благочестивой концовкой романа, в которой черты автора-пиетиста и мистика проступают особенно ясно. Как согласовать это противоречие? Или же анекдот о Сирийской богине целиком восходит к оригиналу Апулея и остался непереработанным им? Или же здесь перед нами следы борьбы сект: более мистических, утонченных, сторонником которых был Апулей, и оргиастических, одной из которых была секта «Служителей Кивевы»? В деталях всего рассказа множество черточек, восходящих, очевидно, к народно-греческому, антирелигиозному фольклору. Таково, например, насмешливое описание «осла, нагруженного кумиром богини», напоминающее старинную греческую поговорку: «осел из мистерий». Таково ж и разоблачение мнимого целомудрия священнослужителей. Обвинения служителей культа в тайном разврате имеет за собою, как видно, достаточно большую традицию. Самоистязание, самобичевание древних служителей Кивевы живет еще и поныне в Малой Азии в сектах дервишей и в оргиях «Шахсей-Вахсей». Ритуал этого неистового праздника почти полностью совпадает с описанием Апулея. Беллона и Идейская мать — культовые имена все той же Сирийской богини Кивевы. Адонис — божественный юноша, мифический возлюбленный Кивевы — Астарты. Его гибель почиталась поводом к тому трагическому плачу, который был одним из основных моментов в ритуале древней Кивевы, как и в нынешних восточных оргиях «Шахсей-Вахсей», посвященных мифическому Гусейну.

КНИГА ДЕВЯТАЯ

Стр. 258. Этот анекдот о неверной жене, спрятавшей любовника в бочку, совершенно бесспорно заимствован Апулеем из эротической фольклорной литературы. От Апулея в свой черед заимствовал его Боккаччо, перенося забавный рассказ этот почти без изменений

в «Декамерон». (Вторая новелла седьмого дня). Рассказана она и французским баснописцем Лафонтеном.

Стр. 259. Возвращаясь к «служителям Сирийской богини», Апулей снова рассказывает анекдот из мировой сокровищницы ходовых антирелигиозных новелл. Шарлатаны-жрецы изобрели способ по самым различным поводам столкновать одно и то же проричание, намеренно написанное темным и двусмысленным языком.

Стр. 261. Туллиево узилище. Так в переносном смысле называлась всякая тюрьма. В собственном смысле этим именем обозначалась нижняя подземная камера государственной тюрьмы, находившейся на римском форуме. Слово *Tullianum* древние ставили в связь с царем Сервием Туллием, а на самом деле оно происходит, вероятно, от старолатинского названия колодца (*tullius*).

Стр. 261. Подобная мельница, приводимая в движение силой животного, — одна из старейших машин древности, встречающаяся еще и сейчас в странах Востока. И сейчас, в Афганистане, например, животному завязывают глаза и в таком беспомощном виде понукают итти по кругу.

Стр. 264. «Не было такого порока и т. д.». Одно из знаменитейших мест в романе Апулея. Замечательно оно стилизованным сочетанием слов, необычайно замысловатых, оперенных внутренними рифмами, аллитерациями, являющихся блестящим образцом речевой виртуозности, достигнутой римскою прозой во времена риториков софистов, к которым принадлежал и сам Апулей. Но широко известна эта короткая фраза еще и тем, что здесь в характеристике женщины, якобы отказывающейся от почитанья общераспространенных и многих богов и поклоняющейся взамен этого «обрядам ложной и святотатственной религии, заносчиво утверждая, что она чтит единого бога» — издавна видели христианку. Это вышло бы одним из первых упоминаний христиан в античной «языческой» литературе. По оснований к подобному предположению очень мало. Монотеистических религий и сект было немало в те бурные века социальных переворотов и религиозных исканий.

Стр. 267. Снова анекдот о неверной жене, вероятно, также заимствованный Апулеем из ходовой эротической литературы. Вообще к концу романа нагромождение небольших, отрывочных вставных новелл эротического характера становится все более частым. В этом сказался, конечно, композиционный план Апулея, рассчитывавшего, очевидно, на утомление слушателя и читателя к концу романа и на необходимость усиленными средствами держать внимание аудитории в напряжении.

Стр. 273. Еще один эротический анекдот о любовнике, спрятанном в корзине и выдающем себя чиханьем. Это широко известная в древности тема перешла и в новые времена. Боккаччо использовал ее в девятой новелле пятого дня своего «Декамерона».

Стр. 278. В действие влетает еще одна новелла, на этот раз не эротического, а детективно уголовного характера. Это также один из излюбленных жанров повествовательной литературы древних.

Стр. 279. «Поговорка об осле и его тени». Этот вывод скорее всего является творчеством чрезмерно усердного позднейшего переписчика и толкователя. К тому же вывод этот вовсе не верен. Поговорка о тени осла ведет начало еще от классических времен древности. О ней упоминают Аристофан, Платон, Менандр. Демосфен рассказывает о ней так: некий юноша, наняв осла, на привале решил укрыться от зноя в тени животного. На это погонщик возразил: «ты ведь нанял только осла, а не тень его».

КНИГА ДЕСЯТАЯ

Стр. 292. Мотив мачехи, влюбленной в пасынка и признающей сему в преступной страсти, также отнюдь не изобретение Апулея. Это один из распространеннейших и знаменитейших мотивов мировой литературы. Вспомним хотя бы Федру, несчастную мачеху Ипполита, героиню множества древних и новых трагедий.

Стр. 294. Снова черты бродячей новеллы. Сонное снадобье, принятое за смертельный яд, погребенье мнимо-умершего и восстание его из гроба, — все это

охотно и часто рассказывалось в древней и новой литературе и кочевало из сюжета в сюжет. И здесь, следовательно, Апулей не оригинален в разработке фабулы, он пользуется ходовым материалом фольклорной литературы.

Стр. 303. «История вражды фиванских братьев» — это знаменитый в древности миф о сыновьях Эдипа, фиванских царевичах Этеокле и Полинике, убивших друг друга. В ряде трагедий, прежде в «Семи полководцах» Эсхила запечатлен этот героический мотив.

Стр. 307. Об увлечении древних дрессировкой зверей речь была выше. Апулей довольно последовательно строит на этом мотиве развязку своего романа.

Стр. 310. В древней литературе найдется немало примеров противоестественной страсти женщины к животному. Наиболее знаменитый пример — любовь критской царицы Пасифаи к быку, последствием чего явился человек-бык Минотавр. Но в древнейшие времена мотив этот имел по преимуществу ритуальный смысл: так пытались объяснить составные человекозвериные образы первобытных религий. Позднее мотив потерял всякую связь с культом и стал разрабатываться для откровенно эротических целей в легкой литературе. Зло и остро применена ситуация Апулея, любовное объятие женщины с ослом, Вольтером, заставляющим в своей «Орлеанской девственнице» неприступную деву из Орлеана отдаться именно ослу.

«И прижималась, ласкова, милл

«Мясистым крупом к животу осла».

Стр. 313. Перед самым окончанием романа еще один детективно-уголовный анекдот. Число их в романе Апулея и место, ими занимаемое, красноречиво говорят о роли, которую играли в литературе и быте поздней Римской империи эти приключенческие истории о содеянных ужасах и раскрытых преступлениях. Вот — поистине излюбленнейшее чтение мещанства больших городов как древнего, так и нового мира.

Стр. 318. Профессор Варнеке говорит, что эти танцы до сих пор встречаются в балетах, и переводит их на язык современной хореографии так: «Молодежь то

водила хороводы, то, собравшись в одном углу, двигалась по диагонали в противоположный угол, то, построившись в три линии, образовывала квадрат с открытой стороной, обращенной к публике, то по одиночке разбегалась в разные стороны.

Стр. 318. Среди множества мест в романе Апулея, имеющих отношение к зрелищам, это в особенности ценно. Подробно описывается характерное для императорской эпохи театральное представление, так называемая «пантомимическая гипотеза». На сцене — богатая, причудливая, изобретательная декорация явно натуралистического стиля и в то же время предназначенная для феерических эффектов. Действуют, жестикулируют, пляшут великолепно одетые актеры в феерически пышном окружении мимистов. Музыка флейт. Гирлянды цветов. Чудеса освещения. Эффектные провалы декораций в люки. И ветхая, шаблоннейшая в такого рода представлениях, мифологическая, но воспринимавшаяся, разумеется, как сладкая стилизация, тема: суд Париса. Характернейший образчик феерического, натуралистического, пышного, рассчитанного на красивые эффекты и на возбуждение сентиментально эротических эмоций, зрелища поры императорского Рима.

4 *Стр. 320.* Вся глава — пример риторического упражнения на тему о кривде в судах. Здесь и восклицанья и вопросы без ответа и прежде всего мифологические цитаты. Вспоминаются неправосудные приговоры мифических времен и веков древней славной истории Греции.

Палам еда греки, стоявшие лагерем под Троей, несправедливо обвинили в предательстве. Спор между Аяксом и Улиссом шел из-за доспехов убитого Ахилла, причем судьи присудили их хитроумному Улиссу, после чего разгневанный Аякс впал в неистовство.

Стр. 320. «Старец божественной мудрости» — это Сократ, приговоренный к смерти судом афинских присяжных.

Стр. 322. О реальности публичных зрелищ, подобных рассказываемой Апулеем свадьбе осла и преступницы, трудно сказать что либо утвердительное. Но необхо-

димо помнить, что зрелища Римской империи обладали причудливейшими, одновременно фантастическими и резко натуралистическими формами, часто кажущимися совершенно дикими и недопустимыми с современной точки зрения. Всякого рода театрализация казни преступников была особенно излюблена в тот век, жестокий и падкий до игр.

КНИГА ОДИННАДЦАТАЯ

Стр. 323. Как уже сказано в предисловии, последняя одиннадцатая книга резко выпадает из всего романа по своей мистической установке и напыщенно-возвышенному стилю. Она, повидимому, целиком оригинальное создание Апулея, далеко отошедшего здесь от своего греческого оригинала.

Стр. 324. Пифагор, великий философ и математик древности, оставил после себя обширную секту приверженцев, почитавших, среди прочих магических предметов, священные числа, в особенности число семь.

Стр. 325. Описание явления Изиды, вероятно, близко к реальному ритуалу празднеств этой египетской богини. Ее одежда и священная утварь описаны здесь подробно.

Стр. 326. Поклонник Изиды, Апулей, совершенно в духе характерного для его эпохи синкретизма, смешения национальных божеств, стремится отождествить египетскую богиню с почитаемыми женскими божествами других стран и народов — с Венерой, Дианой, Прозерпиной, Церерой, Юноной и т. д.

Стр. 330. Снова — весьма любопытное описание театральных зрелищ современной Апулею эпохи. На этот раз описывается шуточный маскарад, входящий как составная часть в процессию почитателей Изиды. Очевидно, священнослужители ее заботились не только о поучении, но и о развлечении своих зрителей.

Стр. 333. Тут развязывается, наконец, затянувшаяся судьба превращенного в осла героя. Как сказано, развязка эта — новшество самого Апулея, заменившего ею более старинную и фривольную концовку.

Стр. 338. В описаниях ритуала Изиды и родственных божеств, Митры и Озириса, вероятно, много реального, так как во всей одиннадцатой книге романа бесспорен

элемент автобиографии Апулея, прошедшего через ряд мистических посвящений.

Стр. 348. Осел по латыни — «азинус», а жреца зовут — «Азинус».

Стр. 349. «Кандид» — по латыни значит, «чистый», «белый».

Стр. 351. Сулла — римский диктатор I века до нашей эры.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

	Стр.
Книга «Колдун из Мадавры»	9
Книга первая	49
Книга вторая „	69
Книга третья	95
Книга четвертая	119
Книга пятая	148
Книга шестая	174
Книга седьмая	200
Книга восьмая	225
Книга девятая	253
Книга десятая	290
Книга одиннадцатая	323
Композиция романа «Золотой Осел»	353
Комментарии	356

